

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ГІСТОРЫЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

HISTORY

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Веснік БДУ.
Серія 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»)

Выходит один раз в квартал

4

2020

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	КОХАНОВСКИЙ А. Г. – доктор исторических наук, профессор; декан исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Заместитель главного редактора	МЕНЬКОВСКИЙ В. И. – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: menkovski@bsu.by
Ответственный секретарь	МАЛЮГИН О. И. – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: maliugin@bsu.by
Белецкий С. В.	Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.
Бон Т.	Гисенский университет им. Юстуса Либиха, Гисен, Германия.
Бородкин Л. И.	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Волански Ф.	Институт истории Вроцлавского университета, Вроцлав, Польша.
Жеребцов И. Л.	Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Республика Коми.
Линднер Р.	Констанцский университет, Констанц, Германия.
Упадуэй А.	Центр российских и центральноазиатских исследований Университета им. Джавахарлала Неру, Дели, Индия.
Фишер Д.	Техасский университет в Браунсвилле, США.
Фэн Ш.	Институт международных отношений и регионального развития, Центр изучения России Восточно-Китайского педагогического университета, Шанхай, Китай.
Шмигель М.	Университет Матей Бела, Банска-Бистрица, Словакия.
Яновский О. А.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бригадин П. И.	Институт бизнеса Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
Вабищевич А. Н.	Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина, Брест, Беларусь.
Виддер Э.	Институт средневековой истории Тюбингенского университета им. Эберхарда Карла, Тюбинген, Германия.
Дук Д. В.	Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Карпов С. П.	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Карпюк С. Г.	Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия.
Коваленя А. А.	Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Колесник В. Ф.	Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Киев, Украина.
Космач В. А.	Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, Витебск, Беларусь.
Кошелев В. С.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Лавринович Д. С.	Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Ларин М. В.	Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.
Локотко А. И.	Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Марзалиук И. А.	Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Мезга Н. Н.	Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Гомель, Беларусь.
Микнис Р.	Институт истории Литвы, Вильнюс, Литва.
Нечухрин А. Н.	Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
Пилипенко М. Ф.	Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Туманс Х.	Латвийский университет, Рига, Латвия.
Ходин С. Н.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Федосик В. А.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Шадурский В. Г.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

Галоўны рэдактар	КАХАНОЎСКІ А. Г. – доктар гістарычных навук, прафесар; дэкан гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Намеснік галоўнага рэдактара	МЕНЬКОЎСКІ В. І. – доктар гістарычных навук, прафесар; прафесар кафедры гісторыі Расіі гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: menkovski@bsu.by
Адказны сакратар	МАЛЮГІН А. І. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі старажытнага свету і сярэдніх вякоў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: maliugin@bsu.by

Бародкін Л. І. Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.

Бон Т. Гісенскі ўніверсітэт імя Юстуса Лібіха, Гісен, Германія.

Бялецкі С. В. Інстытут гісторыі матэрыяльнай культуры Расійскай акадэміі навук, Санкт-Пецярбург, Расія.

Валанскі Ф. Інстытут гісторыі Вроцлаўскага ўніверсітэта, Вроцлаў, Польшча.

Жарабцоў І. Л. Інстытут мовы, літаратуры і гісторыі Комі навуковага цэнтру Уральскага аддзялення Расійскай акадэміі навук, Сыктывкар, Рэспубліка Комі.

Лінднер Р. Констанцкі ўніверсітэт, Констанц, Германія.

Упадуэй А. Цэнтр расійскіх і цэнтральнаазіяцкіх даследаванняў Універсітэта імя Джавахарлала Неру, Дэлі, Індыя.

Фішэр Д. Тэхаскі ўніверсітэт у Браўнсвіле, ЗША.

Фэн Ш. Інстытут міжнародных адносін і рэгіянальнага развіцця, Цэнтр вывучэння Расіі Усходне-Кітайскага педагогічнага ўніверсітэта, Шанхай, Кітай.

Шмігель М. Універсітэт Мацея Бела, Банска-Бістрыца, Славакія.

Яноўскі А. А. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

МІЖНАРОДНЫ РЭДАКЦЫЙНЫ САВЕТ

Брыгадзін П. І. Інстытут бізнесу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.

Вабішчэвіч А. М. Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна, Брэст, Беларусь.

Відэр Э. Інстытут сярэднявечнай гісторыі Цюбінгенскага ўніверсітэта імя Эберхарда Карла, Цюбінген, Германія.

Дук Д. У. Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.

Каваленя А. А. Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.

Калеснік В. Ф. Кіеўскі нацыянальны ўніверсітэт імя Тараса Шаўчэнкі, Кіеў, Украіна.

Карнаў С. П. Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.

Карпюк С. Г. Інстытут усеагульнай гісторыі Расійскай акадэміі навук, Масква, Расія.

Космач В. А. Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава, Віцебск, Беларусь.

Кошалеў У. С. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

Лакотка А. І. Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.

Ларын М. В. Гісторыка-архіўны інстытут Расійскага дзяржаўнага гуманітарнага ўніверсітэта, Масква, Расія.

Лаўрыновіч Д. С. Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.

Марзалак І. А. Палата прадстаўнікоў Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь, Мінск, Беларусь.

Мікніс Р. Інстытут гісторыі Літвы, Вільнюс, Літва.

Мязга М. М. Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны, Гомель, Беларусь.

Нячухрын А. М. Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, Гродна, Беларусь.

Піліпенка М. Ф. Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.

Туманс Х. Латвійскі ўніверсітэт, Рыга, Латвія.

Ходзін С. М. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

Фядосік В. А. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

Шадурскі В. Г. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	KAKHANOUSKI A. G. , doctor of science (history), full professor; dean of the faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Deputy editor-in-chief	MENKOUSKI V. I. , doctor of science (history), full professor; professor at the department of Russian history, faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: menkovski@bsu.by
Executive secretary	MALIUGIN O. I. , PhD (history), docent; associate professor at the department of ancient and medieval history, faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: maliugin@bsu.by

Beletsky S. V.	Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia.
Bohn T.	Justus Liebig University of Giessen, Giessen, Germany.
Borodkin L. I.	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Feng Sh.	School of Advanced International and Area Studies, Centre for Russian Studies of the East China Normal University, Shanghai, China.
Fisher D. C.	University of Texas Rio Grande Valley, Brownsville, USA.
Lindner R.	University of Konstanz, Konstanz, Germany.
Šmigel' M.	Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia.
Upadhyay A.	Centre for Russian and Central Asian Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India.
Wolański F.	Institute of History, University of Wrocław, Wrocław, Poland.
Yanouski A.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zherebtsov I. L.	Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Komi Republic.

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Bryhadzin P. I.	Institute of Business, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Duk D. V.	Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
Fedosik V. A.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Karpov S. P.	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Karpyuk S. G.	Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Khodzín S. N.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kolesnyk V. F.	Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv, Ukraine.
Koshelev V. S.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kosmach V. A.	Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Vitebsk, Belarus.
Kovalenya A. A.	National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Larin M. V.	Institute for History and Archives, Russian State University for Humanities, Moscow, Russia.
Lavrinovich D. S.	Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
Lokotko A. I.	National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Marzaluk I. A.	House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Miazga M. M.	Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus.
Miknys R.	Institute of Lithuanian History, Vilnius, Lithuania.
Nechukhrin A. N.	Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.
Pilipenko M. F.	Kandrat Krapiva Institute of Arts Studies, Ethnography and Folklore of the Center for the Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Shadurski V. G.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Tumans H.	University of Latvia, Riga, Latvia.
Vabishchevich A. N.	Brest State University named after A. S. Pushkin, Brest, Belarus.
Widder E.	Medieval History Institute, Eberhard Karls University of Tübingen, Tübingen, Germany.

ОТ РЕДАКЦИИ АД РЕДАКЦЫИ EDITORIAL

Прошлое становится слишком важным для настоящего. Как писала А. Ассман, «эпизоды истории, которые мы считали преодоленными, навсегда оставшимися в прошлом, оживают вновь и встают перед нами. Это относится особенно к событиям, связанным с разгулом насилия... Травматическое прошлое не может “пройти само собой”, как этого обычно ожидают, поскольку через несколько лет и даже десятилетий оно предъявляет свои претензии настоящему». И поскольку прошлое настолько важно для современности, история становится предметом не только (точнее сказать, не столько) научных дискуссий, но и полем идеологической борьбы, политической конкуренции, патриотической демагогии, фейковых сообщений СМИ, т. е. всего того, что вошло в понятие «бои за историю». В результате общество представляет и начинает воспринимать историю не как науку, а как средство манипуляции, форму произвольного, зависящего лишь от властных элит объяснения и оправдания современной политики. На первый план выходит историческая политика, т. е. инструментальное использование истории (или коллективных представлений о прошлом и его репрезентаций) в политических целях.

В теории политики памяти существует концепция, предложенная М. Бернхардом и Я. Кубиком, определяющая типы мнемонических деятелей, режимов памяти и возникающие взаимодействия между акторами. Авторы выделяют четыре идеальных типа мнемонических деятелей: «мнемонические воины», которые считают себя носителями единственно правильных исторических видений, а все альтернативные взгляды на прошлое пытаются делегитимизировать или уничтожить; «мнемонические плюралисты», признающие множественность видений прошлого и право на иной взгляд; «мнемонические безразличные», предпочитающие избегать войн памяти; «мнемонические перспективисты», которые оппонируют любым обращениям к прошлому, поскольку уверены, что уже разгадали загадки истории и нашли правильный путь к будущему.

Характерной чертой сегодняшнего дня стала уверенность политических акторов в своей способности давать окончательные оценки историческим событиям, не будучи специалистами. Отсутствие профессиональных научных навыков, методологии исторического исследования, фрагментарное знание конкретного исторического материала не останавливают политиков различных рангов в стремлении предлагать (навязывать) жестко детерминированную трактовку исторических событий, превращать историческую науку в инструмент поиска и легитимизации «полезного прошлого».

Термин «полезное прошлое» был впервые предложен В. В. Бруксом сразу после окончания Первой мировой войны. Интеллектуальному сообществу предлагалось использовать для блага людей только ту часть прошлого, которая может быть полезна настоящему. Если в истории такая полезная составляющая не обнаруживается, ее надо изобрести. Иначе говоря, предлагалась историческая ложь (или частичная правда) во благо сегодняшнего дня. Вопрос об этической составляющей не поднимался, так же как и вопросы о понимании блага, определении институций и персоналий, имеющих право на его трактовку. То, что происходит сегодня с историей, во многом соответствует идеологии «полезного прошлого». История не столько реконструируется, сколько конструируется.

В рамках указанной проблематики редакционная коллегия «Журнала Белорусского государственного университета. История» предлагает вниманию читателей материалы, которые раскрывают некоторые аспекты исторической политики на современном этапе.

В статье В. И. Меньковского анализируется историческая политика Российской Федерации на современном этапе, связанная с историографической и общественно-политической ситуацией вокруг 150-летнего юбилея В. И. Ленина. Исследуются современная русскоязычная академическая историография, рассматривающая роль Ленина в российской и мировой истории, формирование и трансформа-

ция ленинского образа в Советском Союзе и Российской Федерации, современная мемориальная культура. На основе конкретных социологических опросов показано отношение различных общественных и властных структур к противоречивому образу Ленина как революционера, теоретика и политика.

Целью исследования А. Г. Цымбала является изучение белорусского направления польской исторической политики. В основу работы положен институциональный подход. Раскрывается влияние внешнеполитического фактора на формирование польской исторической политики, анализируются концептуальные основы и цели польской исторической политики по отношению к Беларуси. В статье дается характеристика акторов, институтов и практик польской исторической политики, а также поднимается вопрос об оценке эффективности польской исторической политики в Беларуси.

В статье Л. А. Козик обращается внимание на особенности проводимой в Республике Польша исторической политики, призванной объединить польское общество и вызвать в нем чувство гордости за прошлое страны и народа. Автор анализирует деятельность участников послевоенного сопротивления и приходит к выводу, что в отношении действий отряда Р. Райса наблюдается противостояние двух нарративов. С одной стороны, это националистический и антикоммунистический нарратив, который транс-

лируется государством посредством Института национальной памяти, музейных учреждений, а также правыми политическими партиями, движениями и общественными организациями и близкими к ним СМИ. В соответствии с этим подходом Р. Райс выступает героем, который вел борьбу в интересах польского государства. Иной нарратив транслируется белорусскими общественными организациями и СМИ. Они стремятся сохранить в обществе память о трагедии 1946 г. и однозначно оценивают деятельность отряда Р. Райса как преступную.

В статье М. А. Лавриновича рассматриваются направления государственной политики памяти в Чешской Республике касательно проблемы признания и осмысления сюжетов насилия со стороны чехов над немецким населением в 1945 г. и последующего чешско-немецкого примирения, ставших важным фактором мирного и продуктивного взаимодействия Чехии и Германии в объединенной Европе. Память о насилии над немецкоговорящими гражданами Чехословакии транслируется как через формирование мест памяти (памятники, художественные фильмы), так и в рамках локальных общественных инициатив. Кроме того, в статье рассмотрены инициативы по увековечению жертв Брненского марша смерти, которые демонстрируют противоречивый характер примирения в отношении памяти о послевоенном насилии в современном чешском обществе.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

ТЭМАТЫЧНЫ РАЗДЗЕЛ

SPECIAL TOPIC SECTION

История, историческая память и историческая политика Гісторыя, гістарычная памяць і гістарычная палітыка History, historical memory and historical politics

УДК 930(470)+37.035.41:32.019.5[1-2]

ЛЕНИН-2020: ИСТОРИЯ, ЛЕГЕНДА, МИФ

В. И. МЕНЬКОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируется историческая политика Российской Федерации на современном этапе. В работе использована методология *case studies* (т. е. исследование отдельных случаев, анализ единичного случая). Объектом изучения стала историографическая и общественно-политическая ситуация, связанная с 150-летним юбилеем В. И. Ленина. Дан обзор современной русскоязычной академической историографии, посвященной роли В. И. Ленина в российской и мировой истории. Рассмотрены формирование и трансформация ленинского образа в Советском Союзе и Российской Федерации, современная мемориальная культура. На основе конкретных социологических опросов показано отношение различных общественных и властных структур к противоречивому образу В. И. Ленина как революционера, теоретика и политика.

Ключевые слова: Ленин; юбилей; историография; историческая политика; мемориальная культура; мавзолей; Российская Федерация; Республика Беларусь.

Образец цитирования:

Меньковский В.И. Ленин-2020: история, легенда, миф. Журнал Белорусского государственного университета. История. 2020;4:7–19.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-4-7-19>

For citation:

Menkouski VI. Lenin-2020: history, legend, myth. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2020;4:7–19. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-4-7-19>

Автор:

Вячеслав Иванович Меньковский – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России исторического факультета.

Author:

Viachaslau I. Menkouski, doctor of science (history), full professor; professor at the department of Russian history, faculty of history.
menkovski@bsu.by

ЛЕНИН-2020: ГІСТОРЫЯ, ЛЕГЕНДА, МІФ

В. І. МЕНЬКОЎСКИ^{1*}

^{1*} Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Аналізуецца гістарычная палітыка Расійскай Федэрацыі на сучасным этапе. У рабоце выкарыстана метадалогія *case studies* (гэта значыць даследаванне асобных выпадкаў, аналіз адзінакавага выпадку). Аб'ектам вывучэння стала гістарыяграфічная і грамадска-палітычная сітуацыя, звязаная з 150-гадовым юбілеем У. І. Леніна. Дадзены агляд сучаснай рускамоўнай акадэмічнай гістарыяграфіі, прысвечанай ролі У. І. Леніна ў расійскай і сусветнай гісторыі. Разгледжаны фарміраванне і трансфармацыя ленінскага вобраза ў Савецкім Саюзе і Расійскай Федэрацыі, сучасная мемарыяльная культура. На аснове канкрэтных сацыялагічных апытанняў паказана стаўленне розных грамадскіх і ўладных структур да супярэчлівага вобраза У. І. Леніна як рэвалюцыянера, тэарэтыка і палітыка.

Ключавыя словы: Ленін; юбілей; гістарыяграфія; гістарычная палітыка; мемарыяльная культура; маўзалеі; Расійская Федэрацыя; Рэспубліка Беларусь.

LENIN-2020: HISTORY, LEGEND, MYTH

V. I. MENKOUSKI^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The historical policy of the Russian Federation at the present stage is analysed. The work applied the *case studies* methodology (i. e. study of individual cases, analysis of a single case). The object of study was the historiographic and sociopolitical situation associated with the 150th anniversary of V. I. Lenin. An analysis is given of modern Russian-language academic historiography, which examines the role of V. I. Lenin in Russian and world history. The formation and transformation of the Leninist image in the Soviet Union and the Russian Federation, the modern memorial culture are considered. Based on specific sociological surveys, the attitude of various social and power structures to the contradictory image of V. I. Lenin as a revolutionary, theorist and politician is shown.

Keywords: Lenin; anniversary; historiography; historical policy; memorial culture; mausoleum; Russian Federation; Republic of Belarus.

История стала легендой, легенда превратилась в миф...
Из кинофильма «Властелин колец. Братство колец»
(П. Джексон, 2001)

Введение

Начнем с констатации факта. В год 150-летнего юбилея основателя Советского государства Владимира Ильича Ленина современная научная биография В. И. Ульянова (Ленина) все еще не написана.

С нашей точки зрения, основные причины этого связаны с двумя обстоятельствами – невостребованностью Ленина в исторической политике постсоветских государств и сложностью написания текста, соответствующего современным научным требованиям. Оба обстоятельства включают в себя и объективные, и субъективные факторы. В первом случае прежде всего обратим внимание на авторитарный характер большинства постсоветских режимов, ког-

да воля и желание лидеров и властных элит определяют государственную историческую политику. Цель и задачи элит и других социальных страт в реализуемой исторической политике могут совпадать, частично коррелироваться либо входить в противоречие, но в «случае Ленина» (мы используем термин из методологии *case studies*) ситуация осложняется отсутствием научно определенного объекта этой политики. И власть, и общество выражают свое отношение не к реально существовавшему В. И. Ульянову (Ленину), а к тем легендарным (или мифическим)¹ образам, которые создавались в различные периоды с совершенно разными целями.

¹ Мы рассматриваем *миф* как повествование, воспроизводящее представления людей о мире и месте человека в нем, а *легенду* – как недостоверное повествование о фактах действительности, в основе которого лежат реальные исторические события. Историк А. И. Немировский писал: «По самой своей сути миф – одна из форм истории, и в этом едва ли не главное его отличие от сказки» (см.: Немировский А. И. Мифы и история // Мифы и легенды народов мира. Т. 1. Древняя Греция. М., 2004. С. 451).

Методология исследования

Работа выполнена с применением методологии *case studies* (т. е. исследование отдельных случаев, анализ единичного случая). Объектом изучения являлась историографическая и общественно-политическая ситуация, связанная с 150-летним юбилеем В. И. Ленина. Через детальное описание «случая юбилея» при использовании массива социологических данных стало возможным провести анализ взаимодействия и взаимовлияния корпорации профессио-

нальных историков и российских властных структур, поведения государственных и общественных акторов в процессе формирования и реализации исторической политики и мемориальной культуры. Исследование ленинского юбилея методом *case study*, тщательное изучение эмпирического материала позволили проанализировать базовые функции исторической политики Российской Федерации на современном этапе.

Результаты и их обсуждение

В неопределенной, меняющейся ситуации в сфере современной российской исторической политики многое может зависеть от корпорации историков. Историческое сообщество, опираясь на научную методологию, проверенные факты, используя современные средства массовой информации, способно дать достоверные ответы на многие вопросы, касающиеся жизни и деятельности В. И. Ленина, предложить ту интерпретацию ленинского периода истории, которая связана не с конспирологией и сенсациями, а с глубинными социальными, национальными, политическими, экономическими проблемами, определявшими в прошлом и продолжающими определять сейчас жизнь каждого человека.

Лениниана. Объем ленинского наследия огромен. Составители сборника «В. И. Ленин. Известные документы. 1891–1922 гг.»² отмечали: «В собрании сочинений В. И. Ленина (5-е издание вышло в свет в 1956–1966 гг.), в Ленинских сборниках (последний, XL, том вышел в 1985 г.), в двенадцатитомном издании “Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника” (1970–1980 гг.), в документальном сборнике “Декреты Советской власти” (тома I–XIV; 1957–1997) и других изданиях опубликовано свыше 24 тысяч ленинских документов. Вместе с тем в РЦХИДНИ хранится приблизительно 3,7 тысячи написанных Лениным документов, включая маргиналии, и около 3 тысяч официальных партийных и правительственных документов, им подписанных, которые оставались неопубликованными. Все эти документы и научно-справочный аппарат к ним в настоящее время открыты и доступны для использования и изучения»³ [1, с. 3]. В советские годы отдельные ленинские документы не публиковались, поскольку содержали информацию, считавшуюся государственной тайной, и (или) могли нанести вред идеологизированному положительному образу В. И. Ленина.

Автор биографии В. И. Ленина [2], постоянный (пожизненный) секретарь Французской академии Э. Каррер д’Анкосс отмечала особенность ленинского документального наследия: «...нужно дальше изучать историю и на базе архивов идти к пониманию, что именно произошло. <...> Но Ленин – очень сложная для изучения личность. Нет никакого дневника, никаких личных записок, где вы можете увидеть его изнутри, только официальные высказывания. <...> Я думаю, что еще потребуются несколько книг о Ленине. Вопрос не решен»⁴.

Однако новых книг к 150-летию юбилею было подготовлено немного. В сложившихся обстоятельствах российские издательства пошли по пути переиздания старых текстов, зачастую меняя названия ранее выпущенных книг.

Следует подчеркнуть, что попытка вернуть идеи В. И. Ленина в поле общественного внимания однажды все же была предпринята. В начале XXI в. Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ) и издательство *Ad Marginem* заявили о выпуске новой книжной серии, посвященной анализу творчества В. И. Ленина. Она получила название «Спутник». В предисловии к первому изданию серии было подчеркнуто, что «Ленин в наши дни превратился в выхолощенный “бренд”, святой для одних и олицетворяющий зло для других. Уже давно в России не издавались ни работы актуальных левых философов о Ленине, ни произведения самого основателя Советского государства. В результате истинное значение этой фигуры как великого мыслителя оказалось потерянным для современного общества» [3, с. 2].

Инициаторы создания серии надеялись вернуть Ленина в современный философский и политический контекст, помочь читателю проанализировать жизнь страны и актуальные проблемы современности в русле его идей. Однако проект практически

²В книгу включены 422 документа, из них 332 ранее не публиковались.

³По словам руководителя Росархива А. Н. Артизова, засекреченных документов Ленина в российских архивах больше нет, но «значительная часть ленинских текстов в советское время публиковалась без соблюдения принципов научности. Здесь, безусловно, надо еще поработать...» (см.: Данилкин Л. Засекреченного Ленина больше нет. Андрей Артизов: «Правда – лучший метод врачевания исторических травм» [Электронный ресурс] // Рос. газ. 2017. № 217 (7383). URL: <https://rg.ru/2017/09/26/reg-cfo/glava-rosarhiva-lenin-mnogomernaia-figura-v-nem-mnogo-tonov-i-polutonov.html> (дата обращения: 20.04.2020)).

⁴Данилкин Л. История с биографией: постоянный секретарь Французской академии Элен Каррер д’Анкосс представила в РИО коллекцию своих книг, в том числе «Ленина» [Электронный ресурс] // Рос. газ. 2017. № 223 (7389). URL: <https://rg.ru/2017/10/03/elen-karrer-dankoss-lenina-pojmet-tolko-sorazmernyj-emu-intellekt.html> (дата обращения: 20.04.2020).

не был реализован. Нам удалось найти еще лишь два издания данной серии, в той или иной мере связанных с В. И. Лениным, – книги Э. Лимонова «Священные монстры» [4] и Л. Альтюссера «Ленин и философия» [5].

В библиографических ссылках мы приводим чрезвычайно скромный список монографических русскоязычных изданий XXI в., посвященных В. И. Ленину [1–25]. В большинстве случаев это или публицистика, или переводы давно известных западных исследований, или ранее публиковавшиеся тексты под измененным титулом. Собственно исторических оригинальных исследований нам, к сожалению, обнаружить не удалось.

Только две работы вызвали заслуженный общественный (точнее, медийный) резонанс – книги М. В. Зыгаря «Империя должна умереть. История русских революций в лицах. 1900–1917» [6] и Л. А. Данилкина «Ленин. Пантократор солнечных пылинок» [7]. Обе готовились журналистами, а не профессиональными историками и были опубликованы к 100-й годовщине Великой российской революции, а не к 150-летию В. И. Ленина. Однако благодаря качеству и оригинальности эти проекты заслуживают не только упоминания, но и анализа.

М. В. Зыгарь не делает В. И. Ленина главной фигурой книги. Он пишет о российских революциях, в которых В. И. Ленин – лишь один из участников процесса. И это большой плюс в понимании В. И. Ленина как политика. Историк Б. И. Колоницкий, консультировавший проект М. В. Зыгаря, отмечал, что «Ильич оказался в центре внимания большевистской историографии. Он стал и главным элементом советской политики памяти: обилие картин и памятников, стихов и кинофильмов, изображающих Ленина в Октябре, приводит к тому, что человек любых политических взглядов никак не может представить Октябрь без Ленина. <...> Антикоммунистическая историография является зеркальным отражением историографии большевистской, она столь же лениноцентрична. Краткий курс истории ВКП(б) антикоммунистами выворачивается наизнанку, но история России продолжает оставаться большевизированной и ленинизированной, меняется лишь знак оценки, однако структура повествования продолжает оставаться такой же» [16, с. 123–124].

Советский вариант «революционного мифа» показывал победу большевиков единственно возможным итогом развития событий, и В. И. Ленин в этой ситуации позиционировался как фигура, сле-

дующая «исторической неизбежности», тем самым как политик, фактически обреченный на победу. На самом деле политический лидер, сумевший превратить маргинальную партию в правящую, вызывает больший интерес, чем лидеры политических организаций, потерявших те преимущества, которыми они обладали в начале революционного процесса.

«Идеологические цензоры специально выстраивали вводные: под Ленина история очень сильно расчищалась. Все люди, которые были вокруг Ленина, очень сильно отодвигались на второй-третий план ради того, чтобы на первом плане была фигура вождя. Он с юности был сразу великим. Поэтому Петра Струве – автора манифеста РСДРП или Плеханова – руководителя РСДРП, главного лидера партии, не говоря уж про Ираклия Церетели – фантастического человека, одного из главных героев 1917 года в России, – всех этих людей просто не существовало»⁵. У М. В. Зыгаря В. И. Ленин участвует в конкурентной личностной борьбе и внутри партии, и на общероссийской политической арене. «Нельзя цепочку событий ставить в заслугу одному человеку или рассматривать как его вину, нельзя все это представить как план одного человека»⁶.

Октябрь 1917 г. автор оценивает как «переворот – заранее подготовленный силовой захват власти, довольно эффективно произведенный Троцким. Причем не обреченный на успех с самого начала. <...> Поэтому говорить о том, что это была судьба и что Россия была обречена на большевиков, – это совершенно неверно»⁷. Он подчеркивает, что «постфактум история всегда выглядит очень логично. Задним числом прослеживается замысел, разоблачается заговор, видна злая или добрая воля. Но если пытаться проживать историю шаг за шагом, день за днем, вместе с ее участниками, стройные концепции рассыпаются. Ничто не выглядит предрешенным. Все герои все время ошибаются. Никто не может предугадать будущее даже на пару дней вперед. Никто не может спланировать даже собственную жизнь» [6, с. 7].

Биография В. И. Ленина, написанная Л. А. Данилкиным, естественно, базируется на другом подходе. У него В. И. Ленин – главный герой, а революции – эпизоды (конечно, чрезвычайно важные) ленинской жизни. В 2017 г. Л. А. Данилкин стал лауреатом премии «Большая книга», а затем его исследование было издано в серии «Жизнь замечательных людей» [8]. Кстати говоря, ранее в этой серии была опубликована биография В. И. Ленина⁸, оригинальное англоязычное издание⁹ которой вышло в 1964 г. (!).

⁵Светова З. Михаил Зыгарь: «Психологическая травма 1917 года никак не проходит» [Электронный ресурс]. URL: <https://openrussia.org/notes/715288/> (дата обращения: 20.04.2020).

⁶Береснев В. Михаил Зыгарь: «Ленин чересчур даже для эпохи “Фейсбука”, это просто вулкан!» [Электронный ресурс] // Бизнес Online. 2017. 7 нояб. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/363029> (дата обращения: 20.04.2020).

⁷Там же.

⁸Пейн Р. Ленин: жизнь и смерть / пер. О. Л. Никулиной. М. : Мол. гвардия, 2002. (Жизнь замечательных людей).

⁹Payne R. The life and death of Lenin. Great Britain : W. H. Allen & Co., 1964.

Л. А. Данилкин разделяет точку зрения о том, что образ В. И. Ленина в сегодняшнем восприятии характеризуется полярностью «даже в сознании отдельно взятого человека. <...> ...Многие скажут, что они не могут до конца для себя определить, кто для них больше Ленин. Виновник трагедии или человек, осуществивший модернизационный рывок. Человек, оказавшийся на гребне бунтарской стихии, или же один из государственных деятелей, который, может быть, даже помимо своих идей собрал государство заново»¹⁰.

«Ленин – одна из самых противоречивых фигур в нашей истории. И единственный способ понять, кем он был, – это посмотреть, как он вел себя в разных исторических ситуациях, и попытаться понять, почему он так поступал»¹¹. По словам Л. А. Данилкина, согласиться писать о Владимире Ильиче было не страшно. Страшно стало, когда он попал в библиотеку издательства «Молодая гвардия» и увидел заполненные трудами о В. И. Ленине стеллажи, уходящие куда-то вдаль. «Тогда я понял, что нужно срочно придумать какой-то трюк. Так родилась идея травелога»¹². Л. А. Данилкину удалось то, что до него удавалось немногим, – показать В. И. Ленина не только как политика, но и как человека. Мы разделяем мнение Е. Гусярова, отмечавшего негативную специфику предшествующей ленинианы: «Живого Ленина там почти нет. Понятно только, что фигура невероятного размаха и необъяснимых масштабов как бы скрыта завесой, мутным стеклом. Даже те, кто знал Ленина очень близко (ведь были же у него жена, сестры, брат), вспоминая о нем, не отважились опуститься до житейской мелочи»¹³. И обязательно стоит отметить язык книги, делающий ее чтение не только полезным, но и увлекательным.

В научной лениниане последнего десятилетия следует обратить внимание на работы, анализирующие формирование «культы Ленина» в Советском Союзе и использование образа Ленина в советской и российской исторической политике [26–28]. Вместе с классическими исследованиями западных авторов, переведенными на русский язык [29–31], они дают возможность проследить

динамику политики памяти. «Был Ленин как реальный человек и политический деятель, а были образы Ленина, которые создавались на разных этапах. ...После смерти Ленина с 1924 г. начался такой “ленинакультострой”, где разные лидеры большевиков, преследуя свои интересы и свою повестку, рисовали тот портрет Ленина, который был им выгоден, такой портрет, на фоне которого они выглядели бы как продолжатели великого дела»¹⁴. По образному выражению О. Ю. Малиновы, автора монографии «Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности» [27], «Ленин стал попукультурной иконой сразу после смерти, без какого-либо временного промежутка»¹⁵.

Также она отмечает, что «в последнее время власть очень активно взялась за историческую память, за наше прошлое, причем делает это с определенными идеологическими целями. Историки нередко сетуют, что политика, вторгающаяся в поле истории, – это скверно, потому что тем самым история оказывается объектом идеологической интерпретации и злостного политического использования. Историю надлежит оставить историкам. Такая позиция, безусловно, имеет право на существование, однако я попытаюсь с нею поспорить. Моя книга о том, как прошлое (точнее, его проекции в настоящее в виде истории и памяти) является чрезвычайно важным объектом символической политики. И не может им не быть в современных, модерных и постмодерных обществах. Следовательно, политики не то что не могут не работать с прошлым, они должны это делать...»¹⁶. Мы разделяем позицию о необходимости участия властных структур в формировании политики исторической памяти, и в этом контексте представляется важным рассмотреть общественно-политическую составляющую ленинского юбилея 2020 г.

Образ В. И. Ленина в интерпретации политических акторов. 21 апреля 2020 г. состоялось Все-союзное торжественное интернет-собрание, посвященное 150-летию со дня рождения В. И. Ленина, а 22 апреля представители КПРФ возложили цветы к мавзолею на Красной площади. Мероприятие было

¹⁰Открытая книга. Лев Данилкин «Ленин. Пантократор солнечных пылинок» [Видеозапись]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=VCcSIx6K_bE&feature=emb_rel_pause (дата обращения: 20.04.2020).

¹¹Лебедева Н. Ленинский шифр Льва Данилкина [Электронный ресурс] // Рос. газ. 2018. 2 июня. URL: <https://rg.ru/2018/06/02/na-krasnoj-ploshchadi-vspomnili-lenina.html> (дата обращения: 20.04.2020).

¹²Там же.

¹³Гусяров Е. Владимир Ленин: «Дело не в России, на нее, господа хорошие, мне наплевать». Попытка понять характер вождя через призму его главной мечты [Электронный ресурс] // Родина. 2017. № 2 (217). URL: <https://rg.ru/2017/02/03/rodina-lenin.html> (дата обращения: 20.04.2020).

¹⁴Ведерников В. В. Колоницкий Б. И.: «Ленин – это прекрасный тактик эпохи Гражданской войны, и он был готов к этому состоянию значительно лучше, чем какие-либо другие политические деятели» [Электронный ресурс]. URL: https://istorex.ru/Novaya_stranitsa_93 (дата обращения: 20.04.2020).

¹⁵Медведев С. Неудобный Ленин [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/30559645.html> (дата обращения: 20.04.2020).

¹⁶Ольга Малинова. Политика памяти в России [Электронный ресурс]. URL: <https://volistob.ru/news/olga-malinova-politika-pamyati-v-rossii> (дата обращения: 20.04.2020).

организовано в соответствии с санитарно-эпидемиологическими требованиями¹⁷.

Собрание проходило в режиме видеоконференции. Его открывал председатель ЦК КПрФ, руководитель фракции КПрФ в Государственной думе Г. А. Зюганов. Основной тезис, озвученный оратором, заключался в том, что «Ленин сумел спасти и восстановить российскую государственность». Также в противовес оценке Президента Российской Федерации он подчеркнул, что «Ленин оказался непревзойденным политиком»¹⁸. Высокую оценку В. И. Ленина поддержали руководители украинских и белорусских коммунистических организаций. П. Н. Симоненко отметил: «Украина как государство стала возможна благодаря Владимиру Ильичу». Он рассказал «о трудностях работы украинской компартии в условиях фашизации и распространения буржуазной идеологии в массах, морального и физического террора в отношении коммунистов». А. Н. Сокол поблагодарил председателя ЦК КПрФ за подготовленные им теоретические материалы, посвященные юбилею В. И. Ленина, и отметил «роль Ленина в становлении и развитии белорусской государственности, экономической и социальной мощи республики»¹⁹.

Понятно, что белорусские коммунисты разделяют отношение российских «товарищей по партии» к В. И. Ленину. Важно отметить, что подобной позиции придерживается и официальный Минск.

В Российской Федерации отношение коммунистических организаций и властных структур к В. И. Ленину как к исторической фигуре предсказуемо не совпадает. В. В. Путин ранее уже отзывался критически о ленинских идеях и действиях. В 2016 г. на заседании Совета по науке и образованию президент обыграл прозвучавшую цитату Б. Пастернака о В. И. Ленине: «Он управлял течением мысли и только потому – страной». Реакция В. В. Путина была достаточно резкой: «Управлять течением мысли – это правильно. Важно только, чтобы эта мысль

привела к нужному результату, а не как у Владимира Ильича. А так сама по себе идея правильная. В конечном итоге эта мысль привела к развалу Советского Союза, вот к чему. Там много было мыслей таких: автономизация и так далее – заложили атомную бомбу под здание, которое называется Россией, она и рванула потом. И мировая революция нам не нужна была...»²⁰

В декабре 2019 г. В. В. Путин на пресс-конференции заявил, что «Ленин был не государственным деятелем, а революционером... Он создал в стране не федерацию, а конфедерацию с правом выхода этноса из государства, но территории были поделены некорректно, и это чувствуется до сих пор. Сталин был против такого устройства, но в конечном итоге принял его. ...Украине в советское время передали исконно русские земли со странной формулировкой “ради повышения доли пролетариата”. Как только партия затрещала, начала рассыпаться и страна, отметил глава государства. Это наследие Ленина дает о себе знать до сих пор»²¹.

Председатель ЦК партии «Коммунисты России» М. А. Сурайкин не согласился с мнением президента: «Для настоящих коммунистов Ленин – это святое, поэтому мы не согласны с Владимиром Владимировичем. Понятно, что у Владимира Владимировича другая позиция и ему кажется, что, если бы мы пошли по сталинскому пути и было создано унитарное государство, предпосылок распада не было бы. Но я думаю, что когда государство... разрушается внешними силами и внутренними врагами, форма (государственного устройства) не сильно влияет. Яркий пример Украина – унитарное государство. Поэтому эту ошибку Владимир Владимирович инкриминирует Ленину. Мне кажется, что он имеет свое мнение, но заблуждается»²².

Председатель ЦК КПрФ Г. А. Зюганов также отмечал заслуги В. И. Ленина как политика и государственника: «Ленин – гениальный политик. <...> Ленин – талантливейший государственный деятель. Он сумел

¹⁷В Москве коммунисты возложили цветы к Мавзолею Ленина, соблюдая социальное дистанцирование [Электронный ресурс]. URL: <https://kprf.ru/party-live/regnews/193652.html/print> (дата обращения: 20.04.2020).

¹⁸Далее в выступлении Г. А. Зюганов охарактеризовал Сталина как продолжателя ленинской политики и дал высокую оценку еще нескольким советским лидерам: «Хочу особо подчеркнуть, что Сталин продолжил эту уникальную политику... <...> ...Брежнев с Косыгиным сумели поддержать ракетно-ядерный паритет и построить очень многое, заложив блестящие основы для будущего продвижения вперед». Речь Г. А. Зюганова также показала, что «исторического примирения», о котором так много говорилось в России в канун 100-летия революции, не произошло. «...Русофобия и антисоветизм продолжают цокачать по страницам газет и экранам. Поэтому мы официально заявляем всем этим антисоветчикам и русофобам: вы подыгрываете тем, кто душит Россию. Вы оказались вместе с теми мерзавцами, которые обслуживали колчаков и денкиных, которые под сенью немецких, американских и английских штыков пытались удушить нашу державу» (см.: «Мы идем ленинским курсом»). Состоялось Всесоюзное торжественное интернет-собрание, посвященное 150-летию со дня рождения В. И. Ленина [Электронный ресурс]. URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/193589.html/print> (дата обращения: 22.04.2020).

¹⁹«Мы идем ленинским курсом». Состоялось Всесоюзное торжественное интернет-собрание, посвященное 150-летию со дня рождения В. И. Ленина [Электронный ресурс]. URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/193589.html/print> (дата обращения: 22.04.2020).

²⁰Резник А. Назад в будущее: почему Путин критикует Ленина [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/politics/26/01/2016/56a7858e9a79477cc8cc27d7> (дата обращения: 22.04.2020).

²¹Большая пресс-конференция Владимира Путина. Онлайн-репортаж [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20191219/1562569120.html> (дата обращения: 22.04.2020).

²²«Коммунисты России» не согласны с мнением Путина о Ленине [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20191219/1562590157.html> (дата обращения: 22.04.2020).

распавшуюся и сгоревшую в Первой мировой войне империю собрать на съезде, мирно и демократично. Он объединил ее не на основе русского национализма и имперской великодержавности, а на основе труда, справедливости и дружбы народов. И страна, как птица феникс, возродилась в новом облике Союза Советских Социалистических Республик»²³. Г. А. Зюганов не скупился на эпитеты в адрес В. И. Ленина, называя его «великим интеллигентом пролетарского типа»²⁴, «самым великим человеком на планете после Иисуса Христа, пророка Мухаммеда и Будды»²⁵, «продолжателем лучших традиций державности тысячелетней России»²⁶.

Образ В. И. Ленина как «собиранителя земель русских» обрисовал на пленарном заседании Государственной думы и заместитель председателя ЦК КПРФ Д. Г. Новиков: «Не Ленин виновен в распаде страны, когда о самостоятельности объявили и в Финляндии, и на Украине, и даже в Сибири. В то роковое время только большевики предложили программу восстановления. Только они оказались способны спасти рассыпавшуюся Россию. Спасти и воссоздать»²⁷.

Однако отметим, что в полемике коммунистов с властью возник достаточно двусмысленный момент, связанный с политической конкуренцией. Когда «Коммунисты России» предложили включить в Конституцию упоминания об исторической роли В. И. Ленина, председатель КПРФ Г. А. Зюганов не только не поддержал идею, но и обрушился с критикой на конкурирующую партийную структуру: «Нет таких коммунистов, это фальшивые коммунисты, это придумка партии власти. Никакого отношения они к коммунистам не имеют»²⁸. В общем-то, поступил по-ленински, поскольку, как известно, Владимир Ильич также не терпел конкурентов в социалистической и коммунистической среде и готов был «размежеваться» со всеми, кто не соглашался подчиниться его воле и партийной (а затем и государственной) власти.

Защищая свое «оппозиционное» положение в структуре российской власти, КПРФ периодически изображает критическое отношение к Кремлю. Ленинский юбилей оказался очередным удобным поводом. «В 1980-е годы к власти пришли предатели и разрушители. Руководствуясь ничтожными целями, они стали уничтожать завоевания Октября. Советский Союз был разрушен, на его осколках вспыхнули кровавые конфликты. Десятки миллионов людей погрузились в нищету. Россией стали править люди, цинично торговавшие ее интересами. Отказываться от губительного либерального курса власть не собирается. Она щедро сыплет популистскими лозунгами, но лишь ухудшает положение трудового народа. Это происходит в условиях агрессивного наступления империализма, преступления которого полностью подтверждают характеристики, данные ему Лениным»²⁹.

Российские коммунисты декларировали в качестве своей важнейшей задачи в юбилейный год «всемерную актуализацию ленинского наследия»³⁰. В чем же заключается актуальность Ленина? Почему его образ становится нежелателен для власти и все более популярен для общества? Сложный ответ на сложный вопрос попытался дать С. Жижек: «Первая реакция публики на идею об актуальности Ленина – это, конечно, вспышка саркастического смеха. С Марксом все в порядке сегодня, даже на Уолл-стрит есть люди, которые любят его: Маркса – поэта товаров, давшего совершенное описание динамики капитализма, Маркса, изобразившего отчуждение и овеществление нашей повседневной жизни. Но Ленин! Нет! Вы ведь не всерьез говорите об этом?! Разве Ленин не олицетворяет собой полный провал осуществления марксизма на практике, колоссальную катастрофу, которой в двадцатом столетии была отмечена вся мировая политика, эксперимент с реальным социализмом, достигший своей кульминации в экономически неэффективной

²³Геннадий Зюганов о Ленине: «Это гениальный мыслитель, политик, стратег и тактик» [Электронный ресурс]. URL: https://www.rline.tv/news/2019-01-21-gennadiy-zyuganov-o-lenine-eto-genialnyy-myslitel-politik-strateg-i-taktik/?sphrase_id=222809 (дата обращения: 22.04.2020).

²⁴Идейное наследие В. И. Ленина и борьба трудящихся за социализм в XXI веке [Электронный ресурс]. URL: https://www.rline.tv/news/2020-03-28-ideynoe-nasledie-v-i-lenina-i-borba-trudyashchikhsya-za-sotsializm-v-xxi-veke/?sphrase_id=222809 (дата обращения: 22.04.2020). Возможно, Г. А. Зюганов забыл о ленинском отношении к интеллигенции, о ленинской характеристике интеллигенции.

²⁵Зюганов поставил Ленина в один ряд с Иисусом Христом, Мухаммедом и Буддой [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20190905/1558346600.html> (дата обращения: 22.04.2020).

²⁶Зюганов назвал Ленина продолжателем «лучших традиций державности» [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20180422/1519153851.html> (дата обращения: 22.04.2020).

²⁷Дмитрий Новиков: «Ленин – великий революционер и великий государственный» [Электронный ресурс]. URL: https://www.rline.tv/news/2020-01-22-dmitriy-novikov-lenin-velikiy-revolutsioner-i-velikiy-gosudarstvennik/?sphrase_id=222809 (дата обращения: 22.04.2020).

²⁸Зюганов высказался по поводу идеи упомянуть Ленина в Конституции [Электронный ресурс]. URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20200227/1565289789.html> (дата обращения: 22.04.2020).

²⁹О 150-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина : постановление VII (март.) совм. пленума ЦК и ЦКРК КПРФ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rline.tv/podrobnosti/2019-04-06-o-150-y-godovshchine-so-dnya-rozhdeniya-vladimira-ilicha-lenina-postanovlenie-vii-martovskogo-sovmes/> (дата обращения: 22.04.2020).

³⁰Коммунисты готовятся широко отметить 150-летие со дня рождения Ленина [Электронный ресурс]. URL: https://www.rline.tv/news/2019-04-01-kommunisty-gotoviyatsya-shiroko-otmetit-150-letie-so-dnya-rozhdeniya-lenina-/?sphrase_id=222809 (дата обращения: 22.04.2020).

диктатуре? <...> Повторить Ленина – значит видеть разницу между тем, что Ленин делал на самом деле, и полем возможностей, которое было им открыто... Повторить Ленина – значит повторить не то, что Ленин делал, а то, что он не сумел сделать, его упущенные возможности» [3, с. 5, 251–252].

Вряд ли большинство людей, положительно оценивающих В. И. Ленина в социологических опросах, столь утонченно формулировали свое отношение к нему. Но осознание «упущенных возможностей» действительно присутствует и определяет для многих вектор отношения и к действующим политикам, и к историческим персонам.

Образ В. И. Ленина и российское общество. «Казалось бы, с 1991 года ситуация в стране глобально изменилась, но миф о Ленине, хотя и трансформированный, продолжает влиять на сознание новых поколений. Понять, почему Ленин до сих пор интересен, каким образом реальный человек растворился в сказке, чрезвычайно важно», – отмечает автор монографии «Ленин. Сотворение мифа» [28] С. Л. Фирсов³¹.

По мнению Б. И. Колоницкого, негативное отношение российских властных структур к В. И. Ленину связано не с ценностными категориями, а с политической прагматикой. Он отмечал, что нельзя ставить вопрос «так, как будто Путин – интеллигент, который хочет точно сказать, что было в прошлом. Путин – прагматик... Его постоянная задача – все время создавать максимально широкую коалицию. Ему кажется, что особый вариант памяти о Второй мировой войне способствует созданию коалиции, а память о революции и Гражданской войне – это проблемный инструмент»³².

Образ Сталина представляется российской власти более выигрышной ставкой. «Если говорить схематично, то Ленин – человек, который разрушил империю, а Сталин империю создал. С точки зрения людей, для которых империя, националь-

ная гордость и супердержава являются важными ценностями, такое восприятие этих персон вполне объяснимо. Революция, с точки зрения этих людей, – плохо. Но это не общая точка зрения, эта яркая группа нашего населения, по-моему, не составляет большинство»³³.

Согласно социологическим опросам М. В. Зыгарь прав. В 2016 г. впервые в постсоветский период российской истории позитивное восприятие В. И. Ленина превысило 50 %. Доля граждан, положительно оценивающих роль В. И. Ленина в истории, за 10 лет выросла с 40 до 53 %³⁴.

В 2017 г. только 14 % граждан выступали за снос памятников В. И. Ленину в России (в 2020 г. еще меньше – 7 %) ³⁵. Отметим также, что музеи, связанные с именем «вождя мирового пролетариата», переживают ренессанс. Последние 2–3 года и в «Горках Ленинских», и в ульяновском «Ленинском мемориале», и в Разливе постоянно увеличивается число посетителей³⁶.

Роль В. И. Ленина в истории как положительную оценивали 57 % респондентов. Причем доля граждан, позитивно оценивающих роль В. И. Ленина в истории, постоянно росла. В 2006 г. целиком положительной и положительной ее называли 11 и 29 % респондентов соответственно, в 2016 г. – 13 и 40 %, а во время последнего опроса – 15 и 41 %, тогда как 17 % считали, что В. И. Ленин сыграл скорее отрицательную роль в истории страны, а 5 % – резко отрицательную, 23 % затруднились ответить³⁷.

Весной 2019 г. социологи Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации провели исследование настроений в обществе. О его результатах рассказал старший научный сотрудник, руководитель исследовательской группы А. Никольская: «Знаете, кого люди больше всего сейчас ценят? Ленина! А на вопрос “почему?” отвечают, что он сумел сломать систему. Он сумел воодушевить массы. Но

³¹ «Ленин в тебе и во мне» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/28836172.html> (дата обращения: 23.04.2020).

³² Почему Путин Ленина не любит [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dw.com/ru/почему-путин-ленина-не-любит/a-38965110> (дата обращения: 23.04.2020).

³³ «Я не хочу впарить какие-то выводы». Михаил Зыгарь о проекте «1917. Свободная история» [Электронный ресурс]. URL: <https://snob.ru/selected/entry/116494/> (дата обращения: 23.04.2020).

³⁴ Позитивное восприятие Ленина россиянами перевалило за 50 % [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/504553> (дата обращения: 23.04.2020).

³⁵ Опрос ФОМ: роль Ленина в истории России положительно оценивают 56 % граждан [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/society/2933718.html> (дата обращения: 23.04.2020).

³⁶ Наследники Ильича: как музеи Ленина зарабатывают на жизнь [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/869593/borisklin/nasledniki-ilicha-kak-muzei-lenina-zarabatyvaiut-na-zhizn> (дата обращения: 23.04.2020). Обратим внимание на проведение в Ульяновске на базе «Ленинского мемориала» Международного форума историков, философов и публицистов, приуроченного к 150-летию со дня рождения В. И. Ленина. Правительство Ульяновской области, Представительство РАН на территории Ульяновской области и Центр стратегических исследований Ульяновской области видят свою задачу в широкой трансляции научного знания, структурировании обыденных представлений о прошлом и трансформации коллективной исторической памяти ради преодоления раскола в обществе. Даже несмотря на сложившуюся эпидемиологическую ситуацию, организаторы не отменили форум, смогли 22 апреля 2020 г. провести его первую часть в онлайн-формате и на момент написания статьи сохраняли надежду на проведение второй части форума в очном формате в Ульяновске.

³⁷ Памятники Ленину обрели всенародную поддержку [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2017/04/19/pamyatniki-leninu-obreli-vsenednuyu-podderzhku/print/> (дата обращения: 23.04.2020).

среди сегодняшних оппозиционеров они не видят нового Ленина»³⁸.

Согласно социологическому опросу фонда «Общественное мнение» (ФОМ) 56 % граждан России в 2020 г. считают роль В. И. Ульянова (Ленина) в истории России положительной, 20 % – отрицательной. ФОМ регулярно проводит подобные опросы. В 2020 г. такой опрос был приурочен к 22 апреля, когда отмечалось 150-летие со дня рождения В. И. Ленина. В результатах опроса 2020 г. есть детализация, в которой представлена выборка на тему того, в чем именно состоит положительная или отрицательная роль В. И. Ленина в истории России. На первом месте среди положительных ответов (9 %) вариант «он совершил революцию и разрушил капиталистический строй», среди отрицательных (5 %) – «большие жертвы, террор и уничтожение нации»³⁹.

Более 60 % россиян согласились в 2017 г. с необходимостью захоронения тела В. И. Ленина, которое находится в мавзолее на Красной площади в Москве, причем половина из них, как следует из данных Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), полагали, что это нужно сделать немедленно⁴⁰.

«Тело Ленина»⁴¹. Поскольку социологические опросы показывают, что значительная часть жителей России считают возможным и нужным перезахоронение тела В. И. Ленина, в российском политическом бомонде периодически возникают дискуссии на эту тему.

В апреле 2017 г. группа депутатов Госдумы попытались внести на рассмотрение законопроект с предложением правового механизма для захоронения останков В. И. Ленина. Один из инициаторов, член ЛДПР В. В. Сысоев, заявил, что «надо в год столетия Революции отдать дань уважения этому человеку, который в свое время был крещен и заслуживает быть погребенным»⁴². Законопроект предполагал, что порядок, сроки и место перезахоронения остан-

ков В. И. Ульянова (Ленина) определяются Правительством Российской Федерации. В пояснительной записке указывалось, что этот вопрос возник еще в 1980-х гг., и с тех пор дискуссия разгорается в российском обществе практически каждый год. Отсутствие в законопроекте сроков перезахоронения, по мнению авторов, позволяло учесть политическую ситуацию и социальные настроения, а также создать правовое поле для последующего перезахоронения не только В. И. Ленина, но и других известных исторических деятелей. По словам депутата, толчком к выдвиганию законопроекта стал опрос негосударственной исследовательской организации «Левада-центр», согласно которому более половины россиян считали, что тело В. И. Ленина нужно захоронить. Однако руководители фракции «Единой России» настояли на отзыве подписей членов своей партии. Спикер Госдумы В. В. Володин, сославшись на позицию «морального лидера» партии В. В. Путина, который подчеркивает необходимость консенсуса в обществе, одобрил отзыв подписей: «Надо руководствоваться позицией человека, который создал партию»⁴³.

Предложения о захоронении выдвигались и в последующем. Например, депутат Госдумы от ЛДПР И. К. Сухарев направил на имя спикера Совета Федерации В. И. Матвиенко запрос с призывом рассмотреть вопрос демонтажа Мавзолея В. И. Ленина на Красной площади⁴⁴. Депутат Законодательного собрания Ленинградской области В. С. Петров предложил захоронить вождя, устроив прощальную траурную процессию к 100-летию его смерти в 2024 г.⁴⁵ Трудно определить, что действительно движет депутатами, предлагающими подобные инициативы (то ли желание пиара на политическом поле, то ли искреннее следование настроениям общества), но ситуацию, как нам представляется, следует рассматривать не с точки зрения оценки действий отдельных депутатов, а через признание реалий политической системы.

³⁸Социологи: «Люди ждут нового Ленина» [Электронный ресурс]. URL: https://www.rline.tv/news/2019-05-20-sotsiologi-lyudi-zhdut-novogo-lenina/?sphrase_id=222809 (дата обращения: 23.04.2020).

³⁹Опрос ФОМ: роль Ленина в истории России положительно оценивают 56 % граждан [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/society/2933718.html> (дата обращения: 23.04.2020).

⁴⁰Более 60 % россиян считают необходимым захоронить тело Ленина, показал опрос [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20170421/1492746503.html> (дата обращения: 23.04.2020). Данных о социологических опросах после 2017 г. на тему «Захоронение тела Ленина» обнаружить не удалось.

⁴¹Мы используем термин «тело Ленина», хотя понимаем, что дать точное физиологическое определение объекту, находящемуся в мавзолее более 90 лет, могут только медицинские специалисты. Плановая профилактика в мавзолее проводится, как правило, раз в два года. С забальзамированным телом Ленина работают специалисты Всероссийского научно-исследовательского института лекарственных и ароматических растений (см.: <https://www.interfax.ru/moscow/699769>). В. В. Путин сравнил Ленина в мавзолее с мощами святых, а глава Совета по правам человека при Президенте Российской Федерации М. А. Федотов говорил, что к телу относится как к мумии фараона (см.: <https://www.interfax.ru/russia/595344>).

⁴²В Госдуме разработали законопроект о захоронении тела Ленина [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/559277> (дата обращения: 23.04.2020).

⁴³Мисливская Г. Володин прокомментировал законопроект о перезахоронении Ленина [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2017/04/21/volodin-prokommentiroval-zakonoproekt-o-perezahoroneni-lenina.html> (дата обращения: 23.04.2020).

⁴⁴Замахина Т. Законопроект о захоронении Ленина внесен в Госдуму [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2017/04/20/zakonoproekt-o-zahoroneni-lenina-vnesen-v-gosdumu.html> (дата обращения: 23.04.2020).

⁴⁵В КПРФ назвали бессовестной идею вынести Ленина из мавзолея [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/812060/2018-11-14/v-kprf-nazvali-bessovestnoi-ideiu-vynesti-lenina-iz-mavzoleia> (дата обращения: 23.04.2020).

Распрощаться с символами богоборчества и убрать тело В. И. Ленина с Красной площади призывала Русская православная церковь за границей (РПЦЗ). В послании Архиерейского собора РПЦЗ говорилось: «Призываем убрать с центральной площади страны тело того, с кем связано становление богоборческой власти, принесшей в жертву своей идеологии миллионы жизней»⁴⁶. «Одним из символов примирения русского народа с Господом могло бы служить освобождение Красной площади от останков главного гонителя и мучителя XX века и сокрушение поставленных ему памятников. Это все – символы беды, трагедии и крушения нашей богоданной державы. Так же следует поступить и с названием городов, областей, улиц, которые по сей день лишены их исторических наименований»⁴⁷.

Позиция Русской православной церкви (РПЦ) была представлена первым заместителем председателя Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и средствами массовой информации, советником спикера Госдумы А. В. Шипковым. Он заявил, что тело В. И. Ленина должно быть захоронено, но в настоящее время это может расшатать «межнациональный консенсус, найденный при присоединении Крыма к России... <...> Давайте наложим мораторий, пять – десять лет. Не мы похороним, так наши дети похоронят... Но похоронить, конечно, надо»⁴⁸. Председатель Отдела внешних церковных связей (ОВЦС) Московского патриархата митрополит Волоколамский Иларион отметил, что тело В. И. Ленина нужно было захоронить сразу после распада СССР. «Когда памятник Дзержинскому с площади Дзержинского убрали, тогда же надо было и вынести тело Ленина из мавзолея»⁴⁹.

Митрополит Иларион дал жесткую оценку советской мемориальной политике: «Именами палачей

нельзя называть улицы и площади. Имена террористов и революционеров не должны увековечиваться в наших городах. Памятники этим людям не должны стоять на наших площадях. Мумифицированные тела этих людей не должны лежать и выставляться на всеобщее обозрение»⁵⁰. Но он также подчеркнул, что по вопросу о перезахоронении нужно дождаться «согласия в обществе. <...> Никто не заинтересован сейчас в том, чтобы разбередить старые раны, чтобы взбудоражить наше общество, чтобы спровоцировать раскол»⁵¹.

Безусловно, в России есть политические организации, которые категорически отрицают саму возможность захоронения В. И. Ленина. Так, лидер КПРФ Г. А. Зюганов пообещал, что возглавляемая им партия этого не допустит⁵². Но В. И. Ленин остается в мавзолее не из-за «твердости» коммунистов. Определяющей является позиция «российского лидера». В. В. Путин заявил, что В. И. Ленина не стоит выносить из мавзолея. По его словам, в тему перезахоронения тела В. И. Ленина «лучше не забираться». Нужно идти вперед и «развиваться активно»⁵³. Политическое действие (а мемориальная политика реализуется именно как политика) зависит не от декоративных структур и организаций. Мемориальные решения принимают те органы власти и люди, которые принимают и все остальные политические решения.

Совершенно очевидно, что простого ответа на вопрос о судьбе некрополя на Красной площади нет. Глава Комитета Совета Федерации по международным делам К. И. Косачев считает, что нужно перенести все захоронения: «...речь не должна идти об отдельных личностях, поскольку в этом случае каждый раз будет неизбежно происходить раскол общества в пользу и против тех или иных решений, но консенсуса не возникнет никогда. <...> ...Раз и на-

⁴⁶ Русская зарубежная церковь призвала убрать тело Ленина с Красной площади [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/world/567019> (дата обращения: 23.04.2020).

⁴⁷ РПЦЗ призвала убрать Ленина с Красной площади и снести памятники ему [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/culture/553290> (дата обращения: 23.04.2020).

⁴⁸ Представитель РПЦ призвал наложить мораторий на тему захоронения Ленина [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/586866> (дата обращения: 23.04.2020).

⁴⁹ В РПЦ назвали запоздавшим на четверть века принятие решения по захоронению Ленина [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/556434> (дата обращения: 23.04.2020). Интересный аспект, связанный с идеей перезахоронения в 1990-е гг., раскрыл в интервью журналу «Историк» экс-премьер России С. В. Степашин. Он рассказал о том, как в 1998 г. Президент России Б. Н. Ельцин поручил ему снести Мавзолей В. И. Ленина. «Мне Борис Николаевич поручал снести мавзолей. <...> ...Ельцин говорит: “Сергей Вадимович, я принял решение – сносим Мавзолей Ленина”. Я говорю: “Ну хорошо, а МВД тут при чем?” Он уточняет, что МВД должно обеспечить порядок. “Хорошо, – говорю, – задачу я понял, я – министр и должен выполнять приказы Верховного главнокомандующего. Единственное, Борис Николаевич, не гарантирую, что после этого акта я останусь министром, а вы – президентом”, – отметил Степашин, добавив, что стал убеждать Ельцина в том, что не стоит сносить мавзолей. “По-христиански, конечно, труп Ленина нельзя показывать. Это грех. Но сейчас не время мавзолеей убирать, не надо. Что, он вам мешает, что ли? Ельцин поворчал, но мои аргументы услышал”, – отметил Степашин» (см.: Степашин рассказал о приказе Ельцина снести Мавзолей Ленина [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/560086> (дата обращения: 23.04.2020)).

⁵⁰ В РПЦ назвали запоздавшим на четверть века принятие решения по захоронению Ленина [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/556434> (дата обращения: 23.04.2020).

⁵¹ Митрополит Иларион: «По перезахоронению Ленина нужно согласие общества» [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2017/04/03/mitropolit-ilarion-po-perezahoroneniui-lenina-nuzhno-soglasie-obshchestva.html> (дата обращения: 23.04.2020).

⁵² Зюганов заверил, что Ленин останется в мавзолее [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/687072/2017-12-23/ziuganov-zaveril-chto-lenin-ostanetsia-v-mavzolee> (дата обращения: 23.04.2020).

⁵³ Российский лидер высказался о предложении вынести тело Ленина из мавзолея [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/956085/2019-12-19/putin-vyskazalsia-o-predlozhenii-vynesti-telo-lenina-iz-mavzoleia> (дата обращения: 23.04.2020).

всегда перенести весь некрополь, вне зависимости от отношения к личностям и – что принципиально важно – с воздаянием соответствующих почестей, с Красной площади в другое не менее достойное, но более подходящее место»⁵⁴. А. Н. Артизов также соглашается, что «не дело, когда в центре столицы современного европейского государства лежат покойники. В месте, где регулярно проходят торжественные мероприятия, военные парады, народные гулянья, где зимой заливают каток... Что и говорить, соседство странное. В то же время любые резкие телодвижения способны принести лишь вред. Представителей старшего поколения тоже надо пощадить, пожалеть их чувства. В силу возраста большинство ветеранов не способно критически оценивать факты, ставшие достоянием гласности в последние десятилетия. И перезахоронение Ленина они воспримут трагически»⁵⁵.

Но разве «представителей старшего поколения» не оскорбляет то, что было сделано одним из главных российских пропагандистских каналов *Russia Today* накануне ленинского юбилея? Цитируем сайт канала: «22 апреля исполняется 150 лет со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Отмечать юбилей вождю мирового пролетариата придется в гордом одиночестве – в России в связи с распространением коронавируса все ушли на самоизоляцию. Как сейчас мог бы выглядеть день рождения Владимира Ильича Ленина? Итак, Москва, наши дни, режим самоизоляции, Мавзолей Ленина»⁵⁶. Посмотрите видео и фото на сайте, обратите внимание на названия инсталляции: «Ильич и коронавирус: Ленин и торт», «Ильич и коронавирус: Ленин в мавзолее». Может, почетное захоронение все же более достойный вариант, чем «танцы на костях» и травестирование образа В. И. Ленина?

Заключение

Большинство современных государств прошли в своей истории через период революций. Образы революционных деятелей прочно закрепились в пантеоне национальных символов. Невозможно представить историю Франции без Робеспьера или историю Англии без Кромвеля. Но на самом деле вопрос заключается не в том, можно ли изъять революционеров из истории, а в том, зачем их изымать. Образ В. И. Ленина стал одним из главных символов России, его знают во всем мире, и он действительно оказал влияние на развитие мировой цивилизации. Как бы к нему ни относилась нынешняя власть, образ России невозможен без образа В. И. Ленина, а российская действительность продолжает во многом определяться ленинскими решениями и действиями, осуществленными столетие назад.

Сегодняшнее отношение к образу В. И. Ленина и его наследию формируется прежде всего властными структурами. «Ажиотаж вокруг высказываний первых лиц об отдаленном прошлом не лучшим образом характеризует интеллектуальную и политическую культуру России»⁵⁷. И корпорация историков, и общество в целом выступают скорее

объектами, чем субъектами исторической политики. Даже в юбилейный год серьезная научная ревизия образа В. И. Ленина не была осуществлена.

Актеры исторической политики могут выбирать для одобрения или порицания и «пламенного революционера», и «жестоккого диктатора», и «добротного дедушку» (хотя по современным меркам В. И. Ленин ушел из жизни далеко не в преклонном возрасте), и «воинствующего атеиста», и «отца-основателя», и «человека, заложившего бомбу под российское государство», и т. д. На практике каждый выбирает тот ленинский миф (или легенду), который считает определяющим, и защищает (ниспровергает) порожденный этим мифом (легендой) образ В. И. Ленина. Символическая политика по отношению к «злодею» не может соответствовать символизации «героя». Когда возникает необходимость неких практических действий, связанных с памятью о В. И. Ленине (памятники, топонимика, мавзолей), общественный консенсус оказывается невозможен, поскольку разные социальные слои и группы определяют свои действия по отношению к различным символам и мифам.

Библиографические ссылки

1. Амиантов ЮН, Ахапкин ЮА, Логинов ВТ, редакторы. *И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922 гг.* Москва: РОССПЭН; 2000. 607 с.

⁵⁴ Косачев полагает, что нужно перенести весь некрополь с Красной площади [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20190418/1552821245.html> (дата обращения: 23.04.2020).

⁵⁵ Данилкин Л. Засекреченного Ленина больше нет. Андрей Артизов: «Правда – лучший метод врачевания исторических травм» [Электронный ресурс] // Рос. газ. 2017. № 217 (7383). URL: <https://rg.ru/2017/09/26/reg-cfo/glava-rosarhiva-lenin-mnogomernaia-figura-v-nem-mnogo-tonov-i-polutonov.html> (дата обращения: 20.04.2020).

⁵⁶ См.: <https://russian.rt.com/russia/video/739398-ilich-i-koronavirus-lenin-v-mavzolee> ; <https://russian.rt.com/science/video/739144-lenin-150-let-izolyaciya>.

⁵⁷ Резник А. Назад в будущее: почему Путин критикует Ленина [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/politics/26/01/2016/56a7858e9a79477cc8cc27d7> (дата обращения: 20.04.2020).

2. Каррер д'Анкосс Э. Ленин. Скобелкин АН, переводчик. 2-е издание. Москва: РОССПЭН; 2008. 383 с. (История сталинизма).
3. Жижек С. 13 опытов о Ленине. Смирнов А, переводчик; Иванов А, редактор. Москва: Ad Marginem; 2003. 256 с. (Спутник).
4. Лимонов Э. Священные монстры. Москва: Ad Marginem; 2004. 320 с. (Спутник).
5. Альтюссер Л. Ленин и философия. Кулиш Н, переводчик. Москва: Ad Marginem; 2005. 175 с. (Спутник).
6. Зыгарь М. Империя должна умереть. История русских революций в лицах. 1900–1917. Москва: Альпина Паблишер; 2017. 909 с.
7. Данилкин ЛА. Ленин. Пантократор солнечных пылинок. Москва: Молодая гвардия; 2017. 784 с.
8. Данилкин ЛА. Ленин. Москва: Молодая гвардия; 2018. 912 с. (Жизнь замечательных людей).
9. Липатова НВ, Прокопенко СА, редакторы. 1917–1922 гг.: революция, кризис, провинция. Ульяновск: [б. и.]; 2020. 528 с.
10. Данилов Е. Ленин: тайны жизни и смерти. Москва: АСТ; 2007. 656 с. Совместно с издательством «Зебра Е».
11. Данилов Е. Владимир Ленин: вождь, убийца, личность. Москва: Зебра Е; 2017. 656 с.
12. Виноградов ВК, Литвин АЛ, Перемышленникова НМ, Христофоров ВС, составители. Дело Фани Каплан, или Кто стрелял в Ленина. Москва: X-History; 2003. 296 с. (Секреты специальных служб).
13. Казаков АЕ. Ленин. Повороты судьбы. Смирнов НМ, редактор. Москва: Вече; 2020. 432 с. (Советская история).
14. Кара-Мурза СГ. Ленин. Алгоритм революции и образ будущего. Москва: Академический проект; 2018. 295 с. (Технологии социологии).
15. Клинге А. Ленин. Самая правдивая биография Ильича. Аничкин Н, редактор. Москва: Эксмо; 2017. 320 с.
16. Колоницкий БИ. #1917: семнадцать очерков по истории Российской революции. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; 2017. 144 с.
17. Краус Т. Ленин. Социально-теоретическая реконструкция. Филиппов С, переводчик. Москва: Наука; 2011. 395 с.
18. Логинов ВТ. В. И. Ленин. Полная биография. Москва: Родина; 2018. 928 с.
19. Логинов ВТ. Неизвестный Ленин. Москва: Эксмо; 2010. 576 с. Совместно с издательством «Алгоритм». (Гении и злодеи).
20. Млечин ЛМ. Ленин. Соблазнение России. Санкт-Петербург: Питер; 2011. 432 с.
21. Никонов ВА. Человек, который изменил все. Москва: Эксмо; 2020. 688 с.
22. Пейн Р. Ленин: жизнь и смерть. Никулина ОЛ, переводчик. Москва: Молодая гвардия; 2002. 667 с. (Жизнь замечательных людей).
23. Петровский-Штерн Й. Еврейский вопрос Ленину. Москва: Мосты культуры. Гешарим; 2012. 288 с.
24. Сервис Р. Ленин. Левитан ГИ, переводчик. Минск: Попурри; 2002. 624 с.
25. Суни РГ, Мартин Т, редакторы. Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. Москва: РОССПЭН; 2011. 376 с.
26. Котеленец ЕА. Битва за Ленина. Новейшие исследования и дискуссии. Москва: АИРО-XXI; 2017. 256 с. (АИРО – монография).
27. Малинова ОЮ. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. Москва: Политическая энциклопедия; 2015. 207 с. (Россия. В поисках себя...).
28. Фирсов СЛ. Ленин. Сотворение мифа. Санкт-Петербург: Вита-Нова; 2019. 576 с.
29. Миллер Ф. Сталинский фольклор. Высоцкий ЛН, переводчик. Санкт-Петербург: Академический проект; 2006. 190 с. Совместно с издательством «ДНК». (Современная западная русистика; том 62).
30. Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. Сухарев С, переводчик. Санкт-Петербург: Академический проект; 1997. 288 с. (Современная западная русистика; том 12).
31. Эннкер Б. Формирование культа Ленина в Советском Союзе. Москва: РОССПЭН; 2011. 438 с.

References

1. Amiantov YuN, Akhapkin YuA, Loginov VT, editors. V. I. Lenin. Neizvestnye dokumenty. 1891–1922 gg. [V. I. Lenin. Unknown documents. 1891–1922]. Moscow: ROSSPEN; 2000. 607 p. Russian.
2. Carrère d'Encausse H. *Lénine*. Paris: Fayard; 1998. 698 p.
Russian edition: Karrer d'Ankoss E. *Lenin*. Skobelkin AN, translator. 2nd edition. Moscow: ROSSPEN; 2008. 383 p. (Istoriya stalinizma).
3. Žižek S. *Repeating Lenin*. Zagreb: Arkzin; 2002. 140 p.
Russian edition: Žižek S. *13 opytov o Lenine*. Smirnov A, translator; Ivanov A, editor. Moscow: Ad Marginem; 2003. 256 p. (Sputnik).
4. Limonov E. *Svyashchennyye monstry* [Sacred monsters]. Moscow: Ad Marginem; 2004. 320 p. (Sputnik). Russian.
5. Althusser L. *Lénine et la philosophie suivie de Marx et Lénine devant Hegel*. Paris: François Maspero; 1972. 93 p.
Russian edition: Althusser L. *Lenin i filosofiya*. Kulish N, translator. Moscow: Ad Marginem; 2005. 175 p. (Sputnik).
6. Zygar' M. *Imperiya dolzhna умерet'. Istoriya russkikh revolyutsii v litsakh. 1900–1917* [The empire must die. The history of Russian revolutions in the faces. 1900–1917]. Moscow: Alpina Publisher; 2017. 909 p. Russian.
7. Danilkin LA. *Lenin. Pantokrator solnechnykh pylinok* [Lenin. Pantocrator of solar motes]. Moscow: Molodaya gvardiya; 2017. 784 p. Russian.
8. Danilkin LA. *Lenin* [Lenin]. Moscow: Molodaya gvardiya; 2018. 912 p. (Zhizn' zamechatel'nykh lyudei). Russian.
9. Lipatova NV, Prokopenko SA, editors. *1917–1922 gg.: revolyutsiya, krizis, provintsiya* [1917–1922: revolution, crisis, province]. Ulyanovsk: [s. l.]; 2020. 528 p. Russian.
10. Danilov E. *Lenin: tainy zhizni i smerti* [Lenin: the secrets of life and death]. Moscow: AST; 2007. 656 p. Co-published by the «Zebra E». Russian.
11. Danilov E. *Vladimir Lenin: vozhd', ubiitsa, lichnost'* [Vladimir Lenin: leader, killer, personality]. Moscow: Zebra E; 2017. 656 p. Russian.

12. Vinogradov VK, Litvin AL, Peremyshlennikova NM, Khristoforov VS, compilers. *Delo Fani Kaplan, ili Kto strelyal v Lenina* [The case of Fany Kaplan or who shot Lenin]. Moscow: X-History; 2003. 296 p. (Sekrety spetsial'nykh sluzhby). Russian.
13. Kazakov AE. *Lenin. Povoroty sud'by* [Lenin. Twists of fate]. Smirnov NM, editor. Moscow: Veche; 2020. 432 p. (Sovetskaya istoriya). Russian.
14. Kara-Murza SG. *Lenin. Algoritm revolyutsii i obraz budushchego* [Lenin. The algorithm of the revolution and the image of the future]. Moscow: Akademicheskii proekt; 2018. 295 p. (Tekhnologii sotsiologii). Russian.
15. Klinge A. *Lenin. Samaya pravdivaya biografiya Il'icha* [Lenin. The truest biography of Ilyich]. Anichkin N, editor. Moscow: Eksmo; 2017. 320 p. Russian.
16. Kolonitskii BI. *#1917: semnadtsat' ocherkov po istorii Rossiiskoi revolyutsii* [#1917: seventeen essays on the history of the Russian Revolution]. Saint Petersburg: Publishing House of the European University at St. Petersburg; 2017. 144 p. Russian.
17. Krausz T. *Lenin. Társadalomelméleti rekonstrukció*. Budapest: Napvilág Kiadó; 2008. 552 p.
Russian edition: Krausz T. *Lenin. Sotsial'no-teoreticheskaya rekonstruktsiya*. Filippov S, translator. Moscow: Nauka; 2011. 395 p.
18. Loginov VT. *V. I. Lenin. Polnaya biografiya* [V. I. Lenin. Full biography]. Moscow: Rodina; 2018. 928 p. Russian.
19. Loginov VT. *Neizvestnyi Lenin* [Unknown Lenin]. Moscow: Eksmo; 2010. 576 p. Co-published by the «Algoritm». (Genii i zlodei). Russian.
20. Mlechin LM. *Lenin. Soblaznenie Rossii* [Lenin. Seduction of Russia]. Saint Petersburg: Piter; 2011. 432 p. Russian.
21. Nikonov VA. *Chelovek, kotoryi izmenil vse* [The man who changed everything]. Moscow: Eksmo; 2020. 688 p. Russian.
22. Payne R. *The life and death of Lenin*. Great Britain: W. H. Allen & Co.; 1964. 672 p.
Russian edition: Payne R. *Lenin: zhizn' i smert'*. Nikulina OL, translator. Moscow: Molodaya gvardiya; 2002. 667 p. (Zhizn' zamechatel'nykh lyudei).
23. Petrovsky-Shtern Y. *Lenin's Jewish question*. New Haven: Yale University Press; 2010. 224 p.
Russian edition: Petrovsky-Shtern Y. *Evreiskii vopros Leninu*. Moscow: Mosty kul'tury. Gesharim; 2012. 288 p.
24. Service R. *Lenin: a biography*. Cambridge (Mass.): Macmillan; 2000. 592 p.
Russian edition: Service R. *Levitan GI*, translator. Minsk: Popurri; 2002. 624 p.
25. Suny RG, Martin T, editors. *A state of nations: empire and nation-making in the age of Lenin and Stalin*. Oxford: Oxford University Press; 2001. 320 p.
Russian edition: Suny RG, Martin T, editors. *Gosudarstvo natsii: imperiya i natsional'noe stroitel'stvo v epokhu Lenina i Stalina*. Moscow: ROSSPEN; 2011. 376 p.
26. Kotelenets EA. *Bitva za Lenina. Noveishie issledovaniya i diskussii* [The battle for Lenin. Latest research and discussions]. Moscow: AIRO-XXI; 2017. 256 p. (AIRO – monografiya). Russian.
27. Malinova OYu. *Aktual'noe proshloe: simvolicheskaya politika vlastvuyushchei elity i dilemmy rossiiskoi identichnosti* [Actual past: the symbolic policy of the ruling elite and the dilemma of Russian identity]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya; 2015. 207 p. (Rossiya. V poiskakh sebya...). Russian.
28. Firsov SL. *Lenin. Sotvorenie mifa* [Lenin. Creation of a myth]. Saint Petersburg: Vita-Nova; 2019. 576 p. Russian.
29. Miller FJ. *Folklore for Stalin: Russian folklore and pseudofolklore of the Stalin era*. Armonk: M. E. Sharpe; 1990. 220 p.
Russian edition: Miller F. *Stalinskii fol'klor*. Vysotskii LN, translator. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt; 2006. 190 p. Co-published by the «DNK». (Sovremennaya zapadnaya rusistika; volume 62).
30. Tumarkin N. *Lenin lives! The Lenin cult in Soviet Russia*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press; 1983. XIII, 315 p.
Russian edition: Tumarkin N. *Lenin zhiv! Kul't Lenina v Sovetskoi Rossii*. Sukharev S, translator. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt; 1997. 288 p. (Sovremennaya zapadnaya rusistika; volume 12).
31. Ennker B. *Die Anfänge des Leninkults in der Sowjetunion*. Köln: Böhlau Verlag; 1997. VIII, 379 S.
Russian edition: Ennker B. *Formirovanie kul'ta Lenina v Sovetskom Soyuze*. Moscow: ROSSPEN; 2011. 438 p.

Статья поступила в редколлегию 20.06.2020.
Received by editorial board 20.06.2020.

УДК 94(476+438)

БЕЛАРУСЬ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ПОЛЬШИ (2005–2020)

А. Г. ЦЫМБАЛ¹⁾

¹⁾Минский государственный лингвистический университет, ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь

Политическое использование истории для утверждения доминирующих политических дискурсов, формирования системы лояльностей является неотъемлемой частью современной внутренней и внешней политики. Польша стала классическим примером инструментализации истории. Конфликты вокруг различных интерпретаций исторических событий представляют важную часть взаимоотношений Польши с Россией, Украиной, Германией и Литвой. Беларусь до последнего времени оставалась белым пятном в польской исторической политике. Цель работы – изучение белорусского направления польской исторической политики. В основу исследования положен институциональный подход. В статье раскрыто влияние внешнеполитического фактора на формирование польской исторической политики, проанализированы концептуальные основы и цели польской исторической политики по отношению к Беларуси, дана характеристика акторов, институтов и практик польской исторической политики. В заключении поставлен вопрос об оценке эффективности польской исторической политики в Беларуси.

Ключевые слова: историческая политика; политика памяти; Польша; Беларусь; Институт национальной памяти.

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке БРФФИ в рамках научного проекта Г20Р-011 «Современное зарубежное историческое белорусоведение: эволюция методологических подходов и оценок».

БЕЛАРУСЬ У ГІСТАРЫЧНАЙ ПАЛІТЫЦЫ ПОЛЬШЧЫ (2005–2020)

А. Г. ЦЫМБАЛ^{1*}

^{1*}Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, вул. Захарава, 21, 220034, г. Мінск, Беларусь

Палітычнае выкарыстанне гісторыі для зацвярджэння дамінуючых палітычных дыскурсаў, фарміравання сістэмы лаяльнасцей з'яўляецца неад'емнай часткай сучаснай унутранай і знешняй палітыкі. Польшча стала класічным прыкладам краіны, у якой адбываецца інструменталізацыя гісторыі. Канфлікты вакол розных інтэрпрэтацый гістарычных падзей – важная частка ўзаемаадносін Польшчы з Расіяй, Украінай, Германіяй і Літвой. Беларусь да апошняга часу заставалася белай плямай у польскай гістарычнай палітыцы. Мэта працы – вывучэнне беларускага напрамку польскай гістарычнай палітыкі. У аснову даследавання пакладзены інстытуцыйнальны падыход. У артыкуле раскрыты ўплыў знешнепалітычнага фактара на фарміраванне польскай гістарычнай палітыкі, прааналізаваны канцэптualныя асновы і мэты польскай гістарычнай палітыкі ў адносінах да Беларусі, дадзена характарыстыка актараў, інстытутаў і практык гістарычнай палітыкі Польшчы. У заключэнні пастаўлена пытанне аб ацэнцы эфектыўнасці польскай гістарычнай палітыкі ў Беларусі.

Ключавыя словы: гістарычная палітыка; палітыка памяці; Польшча; Беларусь; Інстытут нацыянальнай памяці.

Падзяка. Даследаванне выканана пры падтрымцы БРФФД у рамках навуковага праекта Г20Р-011 «Сучаснае замежнае гістарычнае беларусазнаўства: эвалюцыя метадалагічных падыходаў і ацэнак».

Образец цитирования:

Цымбал А.Г. Беларусь в исторической политике Польши (2005–2020). Журнал Белорусского государственного университета. История. 2020;4:20–33 (на англ.).
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-4-20-33>

For citation:

Tsimbal AG. Belarus in the historical policy of Poland (2005–2020). Journal of the Belarusian State University. History. 2020;4:20–33.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-4-20-33>

Автор:

Александр Георгиевич Цымбал – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории, мировой культуры и туризма.

Author:

Alexander G. Tsimbal, PhD (history), docent; associate professor at the department of history, world culture and tourism.

aleksander.g.t@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-9447-5132>

BELARUS IN THE HISTORICAL POLICY OF POLAND (2005–2020)

A. G. TSIMBAL^a

^aMinsk State Linguistic University, 21 Zacharava Street, Minsk 220034, Belarus

The political use of history to affirm dominant political discourses and form a system of loyalty has become an integral part of modern domestic and foreign policy. Poland represents a classic example of the instrumentalisation of history. History has become the subject of controversy, and sometimes acute conflicts of Poland with Russia, Ukraine, Germany and Lithuania. Until recently, Belarus remained a blank spot in Polish historical policy. The aim of the research is to study the Belarusian direction of Polish historical policy. The research is based on an institutional approach. The article reveals the influence of the foreign factor on the formation of Polish historical policy. The conceptual foundations and goals of the Polish historical policy in relation to Belarus are analysed. The characteristics of actors, institutions and practices of Polish historical policy are given. In conclusion, we raise the question of assessing the effectiveness of Polish historical policy in Belarus.

Keywords: historical policy; politics of memory; Poland; Belarus; Institute of National Remembrance.

Acknowledgements. The study was carried out with the support of the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research in the framework of the scientific project Г20P-011 «Modern foreign historical Belarusian studies: the evolution of methodological approaches and assessments».

Introduction

The political use of history to affirm dominant political discourses and form a system of loyalty has become an integral part of modern domestic and foreign policy. Active instrumentalisation of the past by politicians has contributed to the growing popularity of studies of historical policy or politics of memory.

The term «historical policy» first appeared in the 1930s in the aspect of party political use of history. The concept was also used by the American historian H. Zinn in his book «The politics of history». The title of historical policy, or *Geschichtspolitik* received the dispute of historians in Germany. In 1986 E. Nolte published an article in which the experience of Auschwitz called secondary after the Gulag [1, p. 47]. Then such approach caused a negative reaction. The intervention of politicians in the sphere of cultural memory and the manipulation of history in the opportunistic interests of the ruling groups was considered by proponents of left-liberal views as an unacceptable phenomenon that deserves condemnation.

However, since the mid-2000s a new stage in the «career» of historical policy begins. The demand for history in the political sphere in the countries of Central and Eastern Europe is due to several factors. Firstly, this is the collapse of the communist bloc, the beginning of transit and democratisation processes, the elimination of censorship restrictions that raised the question of revising the difficult past and Soviet authoritarian narrative. Secondly, after the initial successes and failures of the transition period, the construction of a formally democratic society and free market, accession to the EU, new winners and losers from the post-communist transformation arose. This led to frustration and disappointment in the changes for some. For others, new integration processes and supranational projects in

Europe have caused phobias of loss of sovereignty and erosion of national identity. The answer to new challenges for everyone was the history and the search for a golden age of nation and state in it. Thirdly, this is a crisis of big ideologies, which in the postmodern world have lost their attractiveness, in part due to the collapse of the Soviet project. Deligitimisation of ideologies raised the question of the search for new meanings and value bases for domestic and foreign policy. When there is no point in the future, it appears in the past. History becomes the main discipline¹. The rejection of large projects and narratives led to the return of the nation state values. The struggle for the sovereignty of the state and nation declared the highest value also raised the question of responsibility for the dark pages of the past, receiving material and moral compensation for the suffering.

These transformations, on the one hand, led to the return of the previously censored memory of particular social and ethnic groups, on the other hand, they contributed to the growth of conflicts of historical memories and historical policies. An appeal to history has become an important characteristic of modern populism, resuscitating old stereotypes based on the stigmatisation of political opponents, both within the country and outside. The history here also provides the most ample opportunities.

The British historian, associated with the Jagiellonian University in Krakow (Poland) N. Davis, noted that with the collapse of the USSR and the communist bloc, in the light of the archival revolution of the 1990s the revision of the Soviet narrative, first of all, of the World War II has begun [2, p. 470], which actualised the issues raised in Germany during the dispute of historians and the problem of historical policy. It was

¹The world is fixated on the past [Electronic resource]. URL: <https://www.economist.com/leaders/2018/12/22/the-world-is-fixated-on-the-past> (date of access: 01.06.2020).

Poland where a new approach considering historical policy as an integral part of domestic and foreign politics has prevailed. History has become the subject of controversy, and sometimes acute conflicts of Poland with Russia, Ukraine, Germany and Lithuania. Until recently, Belarus has remained a blank spot in Polish historical policy.

The aim of the research is to study the Belarusian direction of Polish foreign historical policy. Chronological framework: 2004/2005–2020, from the entry of Poland into the EU and the coming to power of the right-wing conservative party «Law and Justice» («Prawo i Spra-

wiedliwość», PiS) to the time of writing this article. We will examine how historical policy is conceptualised in the works of researchers from Poland, Ukraine, Russia and Belarus. Then we will determine the influence of the foreign factor on the formation of Polish historical policy. The next step is an analysis of the conceptual foundations and goals of the Poland's historical policy towards Belarus. Then we proceed to the description of the actors, institutions and practices of Polish historical policy. In conclusion, we raise the question of assessing the effectiveness of Belarusian direction of Polish foreign historical policy.

Historiography and method

Historical policy or politics of memory is a relatively new field of interdisciplinary studies, the conceptualisation of the apparatus of which is not yet finalised. This issue lies in the mainstream of memory studies, which, according to researchers, is experiencing the third stage of its development [3, p. 24–27]. There is a problem of the concepts correlation of historical policy and politics of memory. V. Titov offers a number of models of correlation of these concepts. The first considers historical policy as a broader concept and involves the construction of a holistic historical picture of the world. The politics of memory includes, first of all, the problems of preserving memory sites. The second model argues that the politics of memory is based on broad social foundations, while historical policy reflects an official, state, point of view. The third approach departs from vertical schemes by proposing as a criterion a method of policy implementation. The politics of memory is seen as a softer variant and is opposed to aggressive historical policy, as political technology and the desire to rewrite history with the implantation of correct assessments of the past [4, p. 44–46]. In the article we will use, first of all, the concept of historical policy.

Ukrainian researcher of the problems of the political use of history G. Kas'janov defines historical policy as one of the types of policy aimed at constructing and instrumentalisation of the historical memory and its representations, especially in professional historiography. Historical policy is a mean of ensuring the forms of loyalty of social groups, maintaining political and ideological control over them [5, p. 27]. The politics of memory serves as a narrower term that encompasses practices related to the formation of collective or historical memory and does not involve interference in the field of professional historiography or didactics of history. The utilitarian use of history and memory is the main

feature of historical policy, which is manifested in political, legislative practices, domestic and foreign politics. In his monograph, G. Kas'janov considers the conflict of historical policies of Ukraine with Poland and Russia.

Russian researcher O. Malinova speaks of several areas in which historical memory finds its manifestation in politics [6, p. 26–27]:

- 1) the formation and support of group identity;
- 2) legitimisation of political decisions;
- 3) the factor of political culture;
- 4) the factor of making foreign policy decisions;
- 5) an element of soft power in foreign policy.

In addition, one of the latest trends is the securitisation of historical policy, which finds its expression in the strategies of national and information security. Among the threats to state security, a biased review of history is highlighted. It also affirms the need for approval of the national version of the history and memory model within the country and, which is characteristic, abroad². The issues of memory and identity are thus considered within the framework of the ontological security of the nation and state, including in the context of international security [7, p. 15–30].

A more extensive historiography of historical policy or politics of memory arose in Poland, where large-scale research projects were carried out to study the influence of historical policies of states on the formation of a new political identity during the transition from authoritarian regimes to democracy³. The authors of this project compared historical policies in Poland, Chile, Spain, Georgia, South Africa and Estonia. Researchers were interested in the degree to which new narratives of memory were used during the period of systemic transformation and the models of historical policy that were used in the construction of identity in the process of democratisation [8]. A comprehensive view of historical

²For example, para 27 of the Concept of national security of the Republic of Belarus. See: Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь от 9 нояб. 2010 г. № 575 [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31000575> (дата обращения: 01.06.2020) ; Para 49 of the Concept of information security of the Republic of Belarus. See: О концепции информационной безопасности Республики Беларусь : постановление Совета безопасности Респ. Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://mininform.gov.by/upload/medialibrary/6f8/6f80a36dcb2aac3bcaa330cda20ae733.pdf> (дата обращения: 01.06.2020).

³Polityka pamięci [Electronic resource]. URL: <http://www.politics-of-memory.umk.pl/projekt-pl.html> (date of access: 01.06.2020).

policy is provided by the work of R. Chwedoruk [9], which examines both the theoretical aspects of the problem and the implementation of historical policy in Germany, Poland and Russia. Discussions regarding the historical policies of Poland and other countries are examined in a number of monographs and collective work [10–12]. The aspect of Poland's foreign historical policy is revealed in work of B. Ociepka [13]. A special approach to the problem of historical policy is presented in a study by M. Łuczewski. The authour suggests analysing the historical policies of Poland, Russia and Germany through the prism of the concept of moral capital. This concept refers to a narrative that gives moral status or moral value. History thus creates the moral foundation of identity through the support of heroic traditions in Russia, the memory of victims in Poland, or, as in the case of Germany, the decisive denial of the crimes of past regimes [14, p. 47]. It should also be noted that generalised studies focusing on the issues of political transformations and the construction of historical narrative in Belarus in the 20th–21st centuries have appeared in Poland [15].

In Belarusian historiography, the first steps have been taken to conceptualise historical policy in the Belarusian context [16]. This problem is reflected in the articles of V. Shadurski [17], V. Snapkouski [18]. V. Menkouski explores the issues of the relationship between historiography and historical policy, in particular the case of contemporary Russia [19]. The researcher also addresses the problem of the politics of memory of Stalinism in Russia and Belarus [20]. The focus of researchers is the Belarusian experience of historical policy in different periods, as well as the problems of historical memory of Belarusians [21; 22]. The image of Poland in Belarusian historical policy is presented by A. Tikhamirau [23]. Among the few works devoted to Polish historical policy towards Belarus, one can mention an article by V. Shadurski, in which some observations of the authour about the work of the Polish-Belarusian

historical commission are presented [24] as well as the publication of D. Bukonkin [25]. The authour considers historical policy as a mean of solving the internal problems of Poland, and the foreign aspect is described as secondary. The article describes a chronology of events that can be attributed to the historical policy of Poland towards Belarus. In our study, we proceed from the fact that it is an external factor that is the key in the formation and implementation of Polish historical policy regarding Belarus.

In Russia, the study of historical policy is connected with the activities of the Centre for the Study of Collective Memory and Symbolic Policy of the European Humanities University in Saint Petersburg under the scientific supervision of A. Miller. In the publication devoted to the politics of memory in Russia and Eastern Europe, the authours define the institutional approach to the study of historical politics as the most relevant [26, p. 14–15]. Institutions are understood as traditional institutions and forms, such as museums, memorials and textbooks, as well as new means of instrumentalisation of history: institutes of national remembrance, commissions to counter attempts to falsify history, etc. Institutionalisation also includes sustainable practices that are important for their participants as confirmation of their belonging to a particular group and affirmation of identity (ceremony of laying wreaths, reading the names of the repressed). As part of the third wave of memory research, attention is concentrated on narrative conflicts, on the struggle for museums and monuments. Among current trends, there is a need to talk not about memory, but about memories emphasising the process of creating identities and forming groups. The new identity policy is actively using the sphere of historical memory to articulate and assert the rights of groups that seek compensation for their historical traumatic experience, which emphasises the aspect of constructing groups using historical or memory policy.

New historical policy of Poland in the foreign policy context

The democratisation processes, although they took place differently in the countries of the former socialist camp, but in the field of history led to the construction of a new narrative, where the common features were the nationalisation of history, the accentuation of the traditions of independence and the glorification of the pantheon of martyrs and fighters for national sovereignty, criminalisation and victimisation of the nation's past. The formation of the identity and positioning of their country is carried out by contrasting historical opponents who perform the function of constituting the *Other*.

A classic example of the instrumentalisation of history is Poland, which over the past 20 years has passed from liberal critical patriotism to a new historical policy based on the values of romantic nationalism of the 19th century [27, p. 43–65]. In the early 2000s Poland

went through heated internal discussions about the problems of nationalism and anti-semitism, relations with the invaders during the World War II. An example was the issue of the participation of the Polish population in the extermination of Jews in the village of Edvabne. The victory of the political party «Law and Justice» in the parliamentary and presidential elections in 2005 was a turning point in the approach to historical policy. Year before in 2004 Poland had joined the EU and European institutions lost a significant amount of leverage based on the need to comply with a democratic inclusive model of memory policy. Since that time, Poland has gained a voice in the formation of European historical politics, especially in the construction of a narrative of World War II. Poland sought to use the experience of the victim of Nazism and communism as symbolic capital in relations with EU countries.

In addition to domestic discussions about the legacy of the Polish People's Republic (PPR) in modern Polish statehood, relations with Russia played a significant role in activating Poland's new historical policy. The confrontation with Russia regarding the recognition of the USSR crimes against Poland was a significant factor that led to a change in approaches in historical policy. In February 2005, the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation issued a statement regarding the decisions of the Yalta Conference of 1945, positively assessing its results for Poland. However, in Poland itself this was perceived as an attempt to rehabilitate Stalinist politics [28, p. 62]. In March 2005, the Chief Military Prosecutor's Office of the Russian Federation announced the termination of the Katyn case without charge and non-recognition of the «genocide of the Polish people»⁴, which also caused an extremely negative reaction in Poland.

The Polish national conservative forces could not fail to note the significance of the presence in May 2005 at commemorative events in Russia dedicated to the 60th anniversary of the end of World War II more than 90 heads of state and government leaders, including the US president George W. Bush. The Russian historical narrative based on the rehabilitation of certain aspects of the Soviet past has since begun to actively advance in domestic and foreign policy [29, p. 137–156].

Conceptual foundations and goals of Polish foreign historical policy

The concept of historical policy was firmly established in Polish political discourse. The issues of its institutionalisation, goals and implementation methods are discussed at the level of the head of state. On 17 November 2015 with the participation of the president, a meeting was held that was supposed to begin the development of the Historical policy strategy of Poland. President A. Duda, then said that «the strong [countries] around us have a very intensive historical policy» and Poland should decide how to use historical policy to strengthen the state's potential⁹. The Belarusian aspect was also heard at the meeting. P. Żurawski vel Grajewski,

Its anti-Polish character in Russia approved a new state holiday which is National Unity Day, celebrated since the 4 November 2005 in honour of the expulsion of Polish invaders from the Kremlin in 1612⁵.

At the moment the Russian-Polish «war of memories» has reached the stage of mutual accusations at the level of the top states officials⁶. However, historical events, which are the subject of a conflict of interpretations, largely occurred on the territories between Warsaw and Moscow.

Thus, it is the context of historical disputes with Russia that becomes crucial for understanding the essence of the Belarusian vector of historical policy in Poland. Belarus does not occupy a central place in Polish foreign historical policy, where Russian, Ukrainian and German directions dominate. The main discussions basically relate to events of Polish-Russian and Polish-Soviet relations, which took place rather over the head of Belarusians, although they directly affected their historical fate. In 2016 the head of the Ministry of Foreign Affairs of Polish Republic W. Waszczykowski also spoke in this spirit, he called for «not politicising history, reaching the truth and opening events that took place decades ago, for which Belarusians are not responsible»⁷ (hereinafter translated by A. Ts.). Belarusians and Poles in the Polish discourse of historical policy are considered as «victims of imperialism»⁸.

who is the coordinator of the Security, Defense and Foreign Policy Section of the National Development Council in the Office of the President of Polish Republic, called for the active use of the heritage of the Polish-Lithuanian Commonwealth «the largest community of free people in the era of the existence of this state», which represents significant political capital in relation to neighbours, especially Belarusians¹⁰. In 2016 Polish president A. Duda also emphasised the external aspect that neighbouring states pursue an offensive historical policy and Poland should go the same way to build an international image of the country¹¹.

⁴Россия отказалась признать факт «геноцида польского народа» в Катыни [Электронный ресурс]. URL: https://www.newsru.com/russia/11mar2005/ne_priznali.html (дата обращения: 01.06.2020).

⁵День народного единства в России: история праздника [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20121103/908875140.html> (дата обращения: 01.06.2020).

⁶Oświadczenie Prezesa Rady Ministrów Mateusza Morawieckiego [Electronic resource]. URL: <https://www.premier.gov.pl/wydarzenia/aktualnosci/oswiadczenie-prezesa-rady-ministrow-mateusza-morawieckiego-0.html> (date of access: 01.06.2020); Vladimir Putin: the real lessons of the 75th anniversary of World War II [Electronic resource]. URL: <https://nationalinterest.org/feature/vladimir-putin-real-lessons-75th-anniversary-world-war-ii-162982> (date of access: 01.06.2020).

⁷Szefowie MSZ Białorusi i Polski o historii, Polakach na Białorusi [Electronic resource]. URL: <https://dzieje.pl/aktualnosci/szefowie-msz-bialorusi-i-polski-o-historii-polakach-na-bialorusi> (date of access: 01.06.2020).

⁸Біа́лору́с: Waszczykowski rozmawiał z Łukaszenką m. in. o przejściach granicznych i historii [Electronic resource]. URL: <https://dzieje.pl/aktualnosci/bialorus-waszczykowski-rozmawial-z-lukaszenka-min-o-przejsciach-granicznych-i-historii> (date of access: 01.06.2020).

⁹Polityka historyczna służy budowaniu potencjału państwa [Electronic resource]. URL: <https://www.prezydent.pl/aktualnosci/wydarzenia/art,67,musimy-ksztaltowac-postawy-obywatelskie-i-patriotyczne.html> (date of access: 01.06.2020).

¹⁰Zapis spotkania inaugurującego prace nad powstaniem Strategii polskiej polityki historycznej w Belwederze, 17 listopada 2015 roku [Electronic resource]. URL: <https://www.prezydent.pl/kancelaria/dzialalnosc-kancelarii/art,18,zapis-spotkania-dot-strategii-polskiej-polityki-historycznej.html> (date of access: 01.06.2020).

¹¹Prezydent: trzeba realizować «ofensywną» politykę historyczną [Electronic resource]. URL: <https://tvn24.pl/polska/prezydent-polska-powinna-prowadzic-ofensywna-polityke-historyczna-ra619783-3173381> (date of access: 01.06.2020).

At the moment there is no information on the results of the development of the Historical policy strategy of Poland. However historical policy issues are reflected in the key documents defining Poland's foreign policy: National security strategy and Foreign policy strategy. The National security strategy addresses historical issues in the context of protecting national identity and Poland's image abroad. Strengthening the positive image of Poland and its attractiveness in the field of culture and economy should be carried out through public and cultural diplomacy, taking into account the goals of historical policy¹².

According to the Foreign policy strategy for 2017–2021 the main goal of historical policy is to oppose Russia's actions in the Eastern and European directions, which, as it is claimed, seeks to foment historical disputes between nations in order to strengthen its influence. Thus, historical policy is based on the opposition of the Polish national and Russian-imperial or Soviet-nostalgic narratives. Belarus is given the role of a kind of buffer opposing influence from the East. In this regard, the desire to strengthen Belarus' ability to withstand internal and external challenges is declared in the long term¹³.

Significant, in our opinion, is the statement about the inadmissibility of a revival of geopolitical thinking, a new «concert of empires» in the world and a neo-imperial vision of history.

A crucial role in foreign historical policy is giving to supporting the Polish identity abroad, which is constituted by culture and history from which the tasks of custody of the Polish cultural and historical heritage and places of memory follow. The promotion of Polishness is seen as a platform for promoting the values inherent in the Polish nation. Their historical and civilisational basis is the Christian roots of the Western world, as well as the traditions of patriotism and independence¹⁴.

In Poland's Foreign policy strategy, a significant place is given directly to historical diplomacy, the

purpose of which is to demonstrate the Polish contribution to the development of European civilisation. The task of combating falsification of history universal for the discourse of historical policy is noted and the concept of defective memory codes (*wadliwe kody pamięci*) is introduced into the official discourse of the Ministry of Foreign Affairs of Polish Republic. They are understood as any deformations in the public discourse of the elements of a collective historical memory of events that are essential for Polish identity. Obviously, Polish historical policy is designed to correct these defects and should bring «the truth about the Polish contribution to the victory over Nazism and communism, as well as the casualties from two totalitarianisms»¹⁵. An important image-building task of Polish foreign policy is to break the widespread thesis about Polish, at least passive, responsibility for the Holocaust. In this regard Polish diplomacy should promote the statement that obligatory and necessary condition for the Holocaust was the partition of the Polish state by the Third German Reich and the USSR. The idea of equality of responsibility of Nazi Germany and the Soviet Union for the suffering of the Polish nation in the 20th century is central to the historical policy of Poland.

Thus, the Polish historical narrative promoted abroad is based on two key points. First, Poland and Poles in history claim to be victims, but never perpetrators. For all crimes and conflicts are responsible neighbouring countries and nations with their totalitarian and imperial political systems and ideologies. Secondly, it is the exclusivity of Polish historical experience in the struggle for freedom and independence, the upholding of Christian values. Polish martyrology is the basis for supporting the national identity and loyalty of the diaspora to the mother country. Historical policy should contribute to the promotion of Polishness and the formation of a positive image of Poland.

Actors, institutions, practices

The main actors of historical policy in the Belarusian direction are the Ministry of Foreign Affairs of Polish Republic, diplomatic and consular institutions of Poland, the Institute of National Remembrance (IPN). Since 2016 the Council on Historical Diplomacy has been operating under the Ministry of Foreign Affairs of Polish Republic, which is engaged in the development of a Historical politics strategy and its implementation abroad¹⁶. A certain

role in the formation and implementation of historical policy is played by other state organisations in Poland, for example, the Polish Institute, the Centre for Polish-Russian dialogue and consent. Non-governmental organisations and think tanks, various organisations of combatants and veterans of the Armia Krajowa (AK), natives of Kresy, as well as the Union of Poles in Belarus. They can exert a kind of pressure from below and

¹² Strategia bezpieczeństwa narodowego Rzeczypospolitej Polskiej 2020 [Electronic resource]. URL: https://www.bbn.gov.pl/ftp/dokumenty/Strategia_Bezpieczenstwa_Narodowego_RP_2020.pdf (date of access: 01.06.2020).

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Zarządzenie nr 24 Ministra Spraw Zagranicznych 1 z dnia 11 lipca 2016 r. w sprawie Rady Dyplomacji Historycznej [Electronic resource]. URL: <https://sip.lex.pl/akty-prawne/dzienniki-resortowe/rada-dyplomacji-historycznej-35101239> (date of access: 01.06.2020).

influence on the Polish government in the implementation of the historical policy.

The situation with the Polish minority is more complicated due to the existence of actually two organisations, one of which is supported by Poland and more active in promotion of the Polish historical memory in Belarus. Forms of activity include cultural and educational work, public events (improvement of burial places, memorial events). One can find in the Polish minority media criticism of attempts by the Belarusian public or government agencies to memorialise events related to Belarusian-Polish relations in history. There are accusations of Belarusian depolonisation of Polish places of national memory¹⁷.

The Institute of National Remembrance – Commission for the Prosecution of Crimes against the Polish Nation plays a key role in the implementation of the Belarusian direction of historical policy. IPN is active primarily in the Hrodna region, where the majority of Belarusian Poles live. In 2006 an exhibition dedicated to the Warsaw Uprising was presented in Hrodna. About 1000 people visited it. The exhibition in Lida about W. Pilecki, the hero of Polish resistance during the World War II who lived near Lida in the interwar period, was of particular interest not only among the Polish minority but also among Belarusians. An exhibition about W. Pilecki with the assistance of the Polish Institute was also presented in Minsk at the National History Museum. As noted by J. Pawłowicz, director of the Museum of Cursed Soldiers and Political Prisoners of the PPR, it was Belarusians themselves, who helped in creating Polish places of memory by providing information about the burial places and graves of the AK¹⁸.

In 2010 due to the cooling of bilateral relations, the activities of IPN in Belarus encountered difficulties. In 2012 the visit of the delegation of the institute was limited to participation in the conference and meeting with representatives of the Polish minority¹⁹.

After the elections in Poland in 2015 an improvement in relations between Belarus and Poland took place, which makes it possible to talk about a new stage in the historical policy towards Belarus. A certain shift has occurred from value emphasis to pragmatism of relations. In response the Belarusian authorities began to demonstrate greater openness in the symbolic sphere and the possibilities of working with the Polish minority²⁰.

The nature and significance of historical policy for Poland was noted in 2017 by the deputy minister of foreign affairs of Polish Republic B. Cichocki, arguing that in Polish-Belarusian relations the historical issues are a priority and after streamlining them Poland will be ready to talk about the future²¹.

During the visit of the IPN delegation in January 2018 meetings were already held at the level of heads of departments in the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Belarus. IPN Chairman J. Szarek proposed to establish a memorial plaque in honour of R. Lemkin, a native of Vaŭkavysk, the author of the concept of genocide and the draft Convention on the prevention and punishment of the crime of genocide adopted by the UN General Assembly on 9 December 1948. At the same time, a meeting was held between the IPN delegation and the administration of Babrujsk, where the creation of a monument to Polish officers in the Babrujsk fortress was discussed²².

IPN implements educational and enlightenment projects on the Polish history «Przystanek Historia»²³. In 2017 as part of this project in Hrodna an exhibition dedicated to priest J. Popieluszko, who was killed by the security services of the PPR²⁴ was presented. IPN publishing products were presented at a book fair in Minsk in February 2020²⁵. Educational trips to Belarus are organised, for example, for the winners of the Polish nationwide educational project «Kresy – Polish Eastern lands in the 20th century», which reinforce an image of Belarus as Polish historical outskirts in the historical consciousness of young Poles²⁶.

¹⁷Prof. Winnicki o białoruskiej depolonizacji polskich miejsc pamięci narodowe [Electronic resource]. URL: <http://znadniemna.pl/32878/prof-winnicki-o-bialoruskiej-depolonizacji-polskich-miejsc-pamieci-narodowej/> (date of access: 01.06.2020).

¹⁸Polska polityka historyczna w międzynarodowym wymiarze: w poszukiwaniu źródła sukcesu: zapis konferencji inauguracyjnej działalności Fundacji im. Janusza Kurtyki. Warszawa; Kraków: Fundacja im. Janusza Kurtyki, 2017. P. 67–69.

¹⁹Prezes IPN w Mińsku – 19–20 października 2012 [Electronic resource]. URL: <https://ipn.gov.pl/pl/dla-mediow/komunikaty/11399,Prezes-IPN-w-Minsku-19-20-pazdziernika-2012.html?search=78031143> (date of access: 01.06.2020).

²⁰Mrozek K. Reset i kontynuacja. Polityka rządu PiS wobec Białorusi [Electronic resource]. URL: https://www.batory.org.pl/upload/files/Programy%20operacyjne/Forum%20Idei/PL_Reset%20i%20kontynuacja_INTERNET.pdf (date of access: 01.06.2020).

²¹Wiceszef MSZ: u Białorusinów gotowość do uporządkowania zaległości w stosunkach z Polską [Electronic resource]. URL: <https://dzieje.pl/aktualnosci/wiceszef-msz-u-bialorusinow-gotowosc-do-uporzadkowania-zaleglosci-w-stosunkach-z-polska> (date of access: 01.06.2020).

²²Wizyta delegacji Instytutu Pamięci Narodowej w Mińsku (Białoruś) – 28–30 stycznia 2018 [Electronic resource]. URL: <https://ipn.gov.pl/pl/upamietnianie/biezaca-dzialalnosc-biu/46815,Wizyta-delegacji-Instytutu-Pamieci-Narodowej-w-Minsku-Bialorus-2830-stycznia-2018.html?search=78031143> (date of access: 01.06.2020).

²³Białoruś: wizyta szefa IPN i otwarcie «Przystanku Historia» w Mińsku [Electronic resource]. URL: <https://dzieje.pl/aktualnosci/bialorus-wizyta-szefa-ipn-i-otwarcie-przystanku-historia-w-minsku> (date of access: 01.06.2020).

²⁴W Grodnie «Przystanek Historia» poświęcony ks. Popieluszcze [Electronic resource]. URL: <https://dzieje.pl/aktualnosci/w-grodnie-przystanek-historia-poswiecony-ks-popieluszcze> (date of access: 01.06.2020).

²⁵IPN na Targach Książki w Mińsku (Białoruś) – 5–9 lutego 2020 [Electronic resource]. URL: <https://ipn.gov.pl/pl/aktualnosci/87456,IPN-na-Targach-Ksiazki-w-Minsku-Bialorus-5-9-lutego-2020.html> (date of access: 01.06.2020).

²⁶Final ogólnopolskiego projektu edukacyjnego «Kresy – polskie ziemie wschodnie w XX wieku» [Electronic resource]. URL: <https://ipn.gov.pl/pl/aktualnosci/71917,Final-ogolnopolskiego-projektu-edukacyjnego-Kresy-polskie-ziemie-wschodnie-w-XX-.html?search=78031143> (date of access: 01.06.2020).

IPN actively uses new forms of representing history in the public sphere, especially in working with youth. The history of the Polish Kresy is popularised through comic books about the military odyssey of A. Srebrny. Among other things, there is an episode dedicated to the defense of Hrodna in September 1939 from Soviet troops²⁷.

On the territory of Belarus, search activities and creation and maintenance of places of memory are carried out. For instance the village of Pahost where in 1939 there was an outpost of the Polish Border Guard Corps and the soldiers died in battle²⁸. In 2019 a memorial plaque was opened in Miory to soldiers of the Anders Army²⁹. Polish diplomatic and consular institutions maintain records and custody of Polish places of national memory in Belarus³⁰. Polish cemeteries are being restored, for example, soldiers of the Polish-Soviet War³¹. Olympiads on history of Poland are organised for Belarusian schoolchildren whose laureates receive the right to enter Polish universities³². Polish museums record interviews with members of the AK and the post-war anti-communist underground³³. Commemorative events are held among the Polish minority with the support of Poland on the deportation of the population from Western Belarus in 1939–1940³⁴. The Institute of National Remembrance has established and awarded the «Witness of history» award for organisations and people who contribute to preserving the memory of Polish history³⁵. «Pro Patria» medal is awarded for custody of Polish places of memory in Belarus and achievements in cultivating the memory of the struggle for independence of Poland by the Office for Veterans and

Victims of Repression³⁶. In 2018, events dedicated to the 100th anniversary of the restoration of Polish statehood were held within the Union of Poles of Belarus³⁷.

The warming in Polish-Belarusian relations did not lead to the disappearance of exacerbations in historical policy. Inside Poland, the Belarusian dimension of historical policy is connected with the history of Belarusians in Poland. The scene of the clash of various narratives is the figure of one of the «cursed soldiers» R. Rajs (nom de guerre Bury), commander of the Polish anti-communist underground in 1946, who burned 5 villages and killed several dozen of Orthodox Belarusians in the Podlaskie voivodeship. In 1949 R. Rajs was executed by a court order in Białystok, but in 1995 the authorities of the new Poland overturned the verdict, saying that he acted «in a state of emergency, which forced decisions that were not always ethically unambiguous»³⁸. However, as a result of the 2005 IPN investigation, R. Rajs's actions were classified as a crime with elements of genocide. Hajnówka, the center of Belarusian life in Poland, in recent years has become the venue for the march of Polish nationalist groups in honour of the «cursed soldiers» and R. Rajs. In 2016 there was information about the patronage of the march organised by the National Radical Camp on the part of president A. Duda³⁹, but he ultimately distanced himself from this event⁴⁰. The Belarusian authorities practically did not publicly react to events within Poland related to the Belarusian minority. The situation changed in February 2019 when during his visit to Poland, the head of the Council of the Republic of the National Assembly of the Republic of Belarus M. Myasnikovich visited the village of Zaleshany

²⁷ IPNtv Warszawa: Antek Srebrny – Obrona Grodna 1939 r. [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Tsy03r5ro08> (date of access: 01.06.2020).

²⁸ Biuro Poszukiwań i Identyfikacji IPN rozpoczęło prace na Białorusi [Electronic resource]. URL: <https://ipn.gov.pl/pl/aktualnosci/41583,Biuro-Poszukiwan-i-Identyfikacji-IPN-rozpoczelo-prace-na-Bialorusi.html> (date of access: 01.06.2020).

²⁹ Na Białorusi odsłonięto tablicę upamiętniającą żołnierzy Wojska Polskiego [Electronic resource]. URL: <https://www.polskieradio.pl/399/7978/Artykul/2362425,Na-Bialorusi-odslonieta-tablice-upamietniajaca-zolnierzy-Wojska-Polskiego> (date of access: 01.06.2020).

³⁰ Miejsca pamięci narodowej [Electronic resource]. URL: http://www.minsk.msz.gov.pl/pl/informacje_konsularne/mpn/ (date of access: 01.06.2020).

³¹ W Dokszycach na Białorusi poświęcono cmentarz żołnierzy z wojny polsko-bolszewickiej [Electronic resource]. URL: <https://dzieje.pl/aktualnosci/w-dokszycach-na-bialorusi-poswiecono-cmentarz-zolnierzy-z-wojny-polsko-bolszewickiej> (date of access: 01.06.2020).

³² Olimpiada Historii Polski dla Polaków na Białorusi – etap okręgowy w Białymstoku [Electronic resource]. URL: <https://www.radio.bialystok.pl/wiadomosci/index/id/167630> (date of access: 01.06.2020).

³³ Nowe notacje ze świadkami historii na Białorusi [Electronic resource]. URL: <https://muzeum1939.pl/nowe-notacje-ze-swiadkami-historii-na-bialorusi/aktualnosci/3.html> (date of access: 01.06.2020).

³⁴ Obchody 79. Rocznicy wywózek Polaków na nieludzką ziemię w Lidzie [Electronic resource]. URL: <http://znadniemna.pl/36659/obchody-79-rocznicy-wywozek-polakow-nieludzka-ziemie-lidzie-zdjecia/> (date of access: 01.06.2020).

³⁵ Weronika Sebastianowicz i Józef Porzecki laureatami nagrody «Świadek Historii» [Electronic resource]. URL: <http://znadniemna.pl/12832/weronika-sebastianowicz-i-jozef-porzecki-laureatami-nagrody-swiadek-historii/> (date of access: 01.06.2020).

³⁶ Białoruś: wiceminister R. Szczęch wręczyła medale «Pro Patria» [Electronic resource]. URL: <https://dzieje.pl/aktualnosci/bialorus-wiceminister-r-szczech-wreczyla-medale-pro-patria> (date of access: 01.06.2020).

³⁷ Spotkanie z polską historią pod Mińskiem [Electronic resource]. URL: <http://znadniemna.pl/32706/spotkanie-polska-historia-minsk/> (date of access: 01.06.2020).

³⁸ Informacja o ustaleniach końcowych śledztwa S 28/02/Zi w sprawie pozbawienia życia 79 osób – mieszkańców powiatu Bielski Podlaski w tym 30 osób tzw. furmanów w lesie koło Puchał Starych, dokonanych w okresie od dnia 29 stycznia 1946 r. do dnia 2 lutego 1946 [Electronic resource]. URL: <https://ipn.gov.pl/pl/dla-mediow/komunikaty/9989,Informacja-o-ustaleniach-koncowych-sledztwa-S-2802Zi-w-sprawie-pozbawienia-zycia.html> (date of access: 01.06.2020).

³⁹ Prezydent Andrzej Duda zaprasza na marsz ONR-u. Do Hajnówki [Electronic resource]. URL: <http://bialystok.wyborcza.pl/bialystok/1,35241,19626420,prezydent-andrzej-duda-zaprasza-na-marsz-onr-u-do-hajnowki.html> (date of access: 01.06.2020).

⁴⁰ Prezydent wycofał poparcie dla marszu narodowców [Electronic resource]. URL: <https://www.newsweek.pl/polska/zolnierze-wykleci-uroczystosci-andrzej-duda-marsz-narodowcow/7bv16k9> (date of access: 01.06.2020).

honoured the memory of the inhabitants killed by R. Rajs with a bow of the knee which was interpreted as a signal of Minsk's opposition to the attempts to glorify Bury⁴¹. A month later the IPN issued an informational message stating that, based on new studies of the circumstances of the murder of Orthodox Belarusians in Podlasie, there was no reason for the 2005 decision⁴². The Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Belarus reacted by calling the Polish ambassador and demanding public official comments on attempts to re-evaluate R. Rajs's actions⁴³. It should be noted that not all actors of historical policy in Poland supported such methods of IPN to promote anti-communist narrative⁴⁴. The well-known Polish historian G. Motyka, who in 2011–2016 was a member of the IPN council, also criticised the book that glorifies R. Rajs⁴⁵.

Inside Poland, the Belarusian context of historical policy appeared in connection with the 2016 law on decommunisation, under which local governments had to change the names of streets associated with the communist past⁴⁶. It was planned to rename B. Tarashkevich Street in Bielsk Podlaski. A similar question about renaming was posed along the streets named after Jakub Kolas and Janka Kupala in Hajnówka⁴⁷. These intentions caused indignation in Belarus⁴⁸. The streets have retained their names.

The conflict between Belarus and Poland happened in 2017 over the installation of the monument to T. Kościuszko in Switzerland in the city of Solothurn. Initially, there should have been an inscription on the plaque: «To the famous son of Belarus from grateful compatriots». However, at the request of the Polish side all

references to Belarus disappeared. The conflict caused enough resonance in the Belarusian media, the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Belarus spoke on the issue. The Belarusian public began funding the installation of the monument to T. Kościuszko in Belarus. The conflict in Switzerland was eventually settled and on 17 October a monument was erected with the inscription «Tadeusz Kościuszko. 1746–1817. From the Belarusian Association in Switzerland»⁴⁹.

An attempt to institutionalise the Polish-Belarusian historical dialogue was the idea of creating a historical commission. The desire to intensify the dialogue led to the fact that such commissions on the subject of history with different statuses appeared more than once. It is characteristic that the parties apparently perceived the nature of these meetings in different ways. In Belarusian publications the historical commission created on the initiative of Warsaw in 2014 is mentioned [24, p. 78]. One of the meetings of Polish and Belarusian historians and archivists took place in July 2016. There the secretary of the Polish Council for the Protection of Struggle and Martyrdom Sites A. Kunert spoke about the historical commission as the future institution, and so far the format of its possible work had been discussed⁵⁰. Polish minister of foreign affairs W. Waszczykowski in February 2017 also spoke about the preparations for the creation of such a commission⁵¹. At the same time, a series of meetings of historians entitled «Polish-Belarusian dialogue of historians on complex issues» took place⁵². Meetings are also held by the Polish-Belarusian advisory commission on cultural heritage issues⁵³. In 2017 the

⁴¹Wizyta przewodniczącego Rady Republiki Zgromadzenia Narodowego Republiki Białoruś w Polsce [Electronic resource]. URL: <http://poland.mfa.gov.by/pl/embassy/news/b493254504ee76d9.html> (date of access: 01.06.2020).

⁴²Komunikat dotyczący informacji zawartych w ustaleniach końcowych śledztwa S 28/02/Zi w sprawie pozbawienia życia 79 osób – mieszkańców powiatu Bielsk Podlaski, w tym 30 osób tzw. furmanów w lesie koło Puchał Starych, dokonanych w okresie od dnia 29 stycznia 1946 r. do dnia 2 lutego 1946 r. [Electronic resource]. URL: <https://ipn.gov.pl/pl/aktualnosci/71917,Final-ogolnopolskiego-projektu-edukacyjnego-Kresy-polskie-ziemie-wschodnie-w-XX-.html?search=78031143> (date of access: 01.06.2020).

⁴³В МИД Беларуси вызван посол Польши для пояснений о пересмотре оценок деяний Ромуальда Райса [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belta.by/politics/view/v-mid-belarusi-vyzvan-posol-polshi-dlja-pojasnenij-o-peresmotre-otsenok-dejanij-romualda-rajisa-339702-2019/> (дата обращения: 01.06.2020).

⁴⁴Adamski L. Opfer verleihen Moralkapital [Electronic resource]. URL: <https://zeitung.faz.net/faz/feuilleton/2020-03-12/d3097f56e3ec53fd731cc2d9fbd924af/?GEP=s5> (date of access: 01.06.2020).

⁴⁵Ustawa z dnia 1 kwietnia 2016 r. o zakazie propagowania komunizmu lub innego ustroju totalitarnego przez nazwy jednostek organizacyjnych, jednostek pomocniczych gminy, budowli, obiektów i urządzeń użyteczności publicznej oraz pomniki [Electronic resource]. URL: <http://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU20160000744> (date of access: 01.06.2020).

⁴⁶Motyka G. Książce IPN o «Bury» bliżej do «Trylogii» Sienkiewicza niż do pracy naukowej [Electronic resource]. URL: <https://wyborcza.pl/alehistoria/7,162654,24567164,ksiazce-ipn-o-burym-blizej-do-trylogii-sienkiewicza-niz-do.html?disableRedirects=true> (date of access: 01.06.2020).

⁴⁷Polska dekomunizacja oburza Białorusinów. I władze, i opozycję [Electronic resource]. URL: <https://wyborcza.pl/7,75399,22666081,polska-dekomunizacja-oburza-bialorusinow-i-wladze-i-opozycje.html> (date of access: 01.06.2020).

⁴⁸У Польшы хочуць перайменаваць вуліцу Браніслава Тарашкевіча [Электронны рэсурс]. URL: <https://nn.by/?c=ar&i=200444> (дата звароту: 01.06.2020).

⁴⁹В Швейцарии открыли памятник Тадеушу Костюшко [Электронный ресурс]. URL: <https://news.tut.by/culture/565635.html> (дата обращения: 01.06.2020).

⁵⁰Polsko-białoruskie spotkanie historyków w Mińsku [Electronic resource]. URL: <https://dzieje.pl/aktualnosci/polsko-bialoruskie-spotkanie-historykow-w-minsku> (date of access: 01.06.2020).

⁵¹Polsko-białoruska komisja historyczna. Obawy, ale i nadzieje [Electronic resource]. URL: <https://bialystok.wyborcza.pl/bialystok/7,35241,21360818,polsko-bialoruska-komisja-historyczna-obawy-ale-i-nadzieje.html?disableRedirects=true> (date of access: 01.06.2020).

⁵²Polscy i białoruscy historycy już po raz czwarty debatowali o sprawach trudnych [Electronic resource]. URL: <https://uwb.edu.pl/nawosci/aktualnosci/polscy-i-bialoruscy-historycy-juz-po-raz-czwarty-debatowali-o-sprawach-trudnych/93f86a75> (date of access: 01.06.2020).

⁵³19 posiedzenie Polsko-Białoruskiej Komisji Konsultacyjnej ds. Dziedzictwa Kulturalnego [Electronic resource]. URL: <http://www.mkidn.gov.pl/pages/posts/19.-posiedzenie-polsko-bialoruskiej-komisji-konsultacyjnej-ds.-dziedzictwa-kulturalnego-9418.php> (date of access: 01.06.2020).

first meeting of the commission of experts on clarifying the content of school history textbooks was held⁵⁴.

The main subjects of Polish historical policy towards Belarus cover primarily the problems of World War II and the history of the 20th century. Much attention is paid to the events of 1939–1941, discussions continue regarding the Belarusian Katyn list. In Poland they insist on the need to search for the Belarusian part and memorialise Kurapaty as a likely place of the execution of Poles⁵⁵. Belarusian textbooks are criticised (edited by E. K. Novik), which states that there are no documents confirming the responsibility of the USSR authorities for the execution of Poles in Katyn⁵⁶. The transfer of documents on the Katyn case by the Belarusian KGB in November 2015 was perceived as a sign of goodwill in Poland⁵⁷, although this document has long been known to experts and was published back in 1998 in a collection of documents on Western Belarus 1939–1941 [30, p. 129–130].

A characteristic feature is the consideration of historical issues in the legal terms. The Commission for the Prosecution of Crimes Against the Polish Nation is investigating the probable killing of 20 000 Poles in Minsk prisons in 1939–1941⁵⁸. The problems of relations between the Polish and Soviet partisan movements during the years of Nazi occupation are being raised. In relation to certain conflicting episodes between AK and the Soviet partisans, the IPN carries out investigative and procedural actions⁵⁹.

Discontent in Poland was caused by the initial refusal of the Belarusian authorities to assist in the investigation and localisation of the graves of the victims of the «Augustow roundup»⁶⁰. In 2017 during a visit to Poland by Belarusian minister of foreign affairs V. Makei documents were transferred from the Belarusian archives

regarding people who were possibly killed in the summer of 1945 in the outskirts of Augustow⁶¹, which had a positive response.

Poland is sensitive to how the country appears in the public sphere in Belarus. So the Ministry of Foreign Affairs of Polish Republic protested against the TV series «Talaś» based on the reanimation of the Soviet anti-Polish narrative⁶². A negative response in Poland was met by the replacement of the Polish language with English on the memorial plaque of the Kabyliackaja Hara in Orsha, dedicated to mass repressions in the 1930s, which was perceived as intentional erasing of the traces of the dead Poles⁶³.

The historical issues of Polish-Belarusian relations are widely discussed in the Polish media which form public opinion, set the tone for mutual contacts and the historical agenda. Domestic contradictions in Poland are also reflected in the media discourse on Belarusian issues. Without aiming to review the Polish press on a historical topic, it can be noted that, for example, the liberal-centrist press is critical to the historical policy of PiS. Conservative publications advocate tougher historical policy. Newspaper «Rzeczpospolita» raises questions about the possibility of receiving reparations from Russia during the occupation of 1939–1945. It is alleged that citizens of Belarus – former citizens of Poland or their descendants – could join similar lawsuits against Russia⁶⁴. This makes the owners and applicants for the Pole's card another potential target group of Polish historical policy.

At the same time in Poland the historical policy of PiS towards Belarus is criticised. On the part of think tanks, it is indicated that the Polish authorities, along with pragmatism, have ceased to pay attention to the

⁵⁴ Беларусь – Польша: приоритеты сотрудничества в сфере образования [Электронный ресурс]. URL: <https://edu.gov.by/news/belarus-polsha-prioritety-sotrudnichestva-v-sfere-obrazovaniya/> (дата обращения: 01.06.2020).

⁵⁵ Ofiary NKWD. Na tropie białoruskiej listy katyńskiej [Electronic resource]. URL: <https://www.rp.pl/Zbrodnia-katynska/200329150-Ofiary-NKWD-Na-tropie-bialoruskiej-listy-katynskiej.html> (date of access: 01.06.2020) ; Gdzie są groby 3870 Polaków? «Lista białoruska» to jedna z nieodkrytych tajemnic zbrodni katyńskiej [Electronic resource]. URL: <https://wyborcza.pl/alehistoria/7,121681,25838769,gdzie-sa-roby-3870-polakow-lista-bialoruska-to-jedna-z.html> (date of access: 01.06.2020).

⁵⁶ «Rz»: Białoruskie podręczniki historii zakłamuja sowieckie zbrodnie [Electronic resource]. URL: <https://dorzeczy.pl/kraj/96487/Rz-Bialoruskie-podreczniki-historii-zaklamuja-sowieckie-zbrodnie.html> (date of access: 01.06.2020).

⁵⁷ Białoruskie KGB przekazało Polsce unikalny dokument dotyczący zbrodni katyńskiej [Electronic resource]. URL: <https://tvn24.pl/polska/przelom-w-relacjach-polski-i-bialorusi-przekazano-dokument-ws-katynia-ra592450-3317426> (date of access: 01.06.2020).

⁵⁸ Apel o kontakt w związku ze śledztwem w sprawie zamordowania przez NKWD w Mińsku (Białoruś) w okresie 17.09.1939 – 30.06.1941 ok. 20 tys. obywateli polskich [Electronic resource]. URL: <https://ipn.gov.pl/pl/dla-mediow/komunikaty/10675,Apel-o-kontakt-w-zwiazku-ze-sledztwem-w-sprawie-zamordowania-przez-NKWD-w-Minsku.html?search=78031143> (date of access: 01.06.2020).

⁵⁹ Śledztwo w sprawie zbrodni popełnionych przez partyzantów sowieckich na żołnierzach Armii Krajowej i ludności cywilnej na terenie powiatów Stołpce i Wołożyn woj. nowogródzkie (S 17.2001.Zk) [Electronic resource]. URL: <https://ipn.gov.pl/pl/sledztwa/sledztwa/oddzialowa-komisja-w-lo/31487,Sledztwa-w-toku.html?search=78031143> (date of access: 01.06.2020).

⁶⁰ Podlaskie: w Gibach uczczono ofiary obławy augustowskiej [Electronic resource]. URL: <https://ipn.gov.pl/pl/dla-mediow/media-o-ipn/41037,PRZEGLAD-MEDIOW-15-17-lipca-2017.html?search=78031143> (date of access: 01.06.2020).

⁶¹ Białoruś przekazała IPN listę 21 ofiar represji stalinowskich [Electronic resource]. URL: <https://ipn.gov.pl/pl/dla-mediow/media-o-ipn/39136,PRZEGLAD-MEDIOW-8-marca-2017.html?search=78031143> (date of access: 01.06.2020).

⁶² Talaś i polityka historyczna Białorusi – Zychowicz [Electronic resource]. URL: <https://www.rp.pl/arttykul/807125-Talas-i-polityka-historyczna-Bialorusi---Zychowicz.html> (date of access: 01.06.2020).

⁶³ Władze Orszy zacierają ślady Polaków mordowanych przez NKWD [Electronic resource]. URL: <https://kresy24.pl/wladze-orszy-zacieraja-slady-polakow-mordowanych-przez-nkwd/> (date of access: 01.06.2020).

⁶⁴ Czy Polska powinna otrzymać reparacje od Rosji? [Electronic resource]. URL: <https://www.rp.pl/Publicystyka/190919456-Czy-Polska-powinna-otrzymac-reparacje-od-Rosji.html?preview=1&remainingPreview=4&grantedBy=preview&&cid> (date of access: 01.06.2020).

anti-Polish accents of Belarusian historical policy. The Stefan Batoria Foundation speaks of the need for a more principled line with regard to Belarus in clarifying issues such as the Polish operation of the NKVD, the Augustow roundup or the Belarusian Katyn list. Even positive statements by the director of the IPN on the Belarusian Museum of the Great Patriotic War made during a visit in January 2018 are considered unacceptable⁶⁵. The instrumentalisation of history leads to paradoxical results. Poland promotes an anti-communist narrative in foreign historical policy. At the same time, the goals of Polish politics regarding Belarus require positive rhetoric from historical policy actors in relation to Belarusian memory institutions which largely preserve the Soviet narrative.

Thus, the Polish historical policy towards Belarus went through several stages. The first is from 2004–2005 until 2010. Due to weak contacts with the Belarusian authorities the IPN acted actively with the support of Polish diplomatic and consular structures in Belarus. First of all, the activity was launched on the territory of the Hrodna region, where the majority of the Polish minority lives. The second stage (2010–2015) is characterised by a cooling of Belarusian-Polish relations

as a whole, which reflected on the possibilities of implementation and historical policy. The third stage began in 2015. Its distinctive feature was the pragmatism of relations with Belarus. In exchange for expanding contacts in the economic sphere the Belarusian side made certain concessions in the field of symbolic politics. Since that time, we can talk about intensifying the historical dialogue. Poland also gained more opportunities to work with the Polish minority and promote Polish history. Characteristically, pragmatism did not lead to a convergence of views on complex issues in history. We are still talking about the competition between two exclusive narratives of memory: the Polish national and Soviet-nostalgic with elements of the national narrative in Belarus. Single symbolic gestures of a conciliatory character like the transfer of documents or the opening of commemorative signs are interspersed with mutual notes of protest regarding unsatisfactory interpretations of history. It should also be noted that the Polish historical policy towards Belarus is exclusively offensive. Declarative statements about the need for historical dialogue in practice are expressed in promoting their truth.

Conclusion

How to evaluate the effectiveness of foreign historical policy? Today, this methodological issue has not been adequately covered in historical policy studies. We can talk about the number of conferences, exhibitions and other events, the number of visitors, published books, etc. The main problem is the perception of the message of historical policy in the target group. At present Belarus does not have sociological surveys showing the dynamics of the perception of Polish historical policy in the Belarusian society as a whole and in particular social groups⁶⁶. Almost the only one is the study of the historical memory of the Belarusian Poles, conducted in 2008 and described in the article by A. Lastovsky [31]. The history of Poland, as a common ethnic narrative, is an important symbol for this social group to which interest is shown. The open question is the impact of «interest» on real social practices. The key role here is played by the communicative memory preserved in families. Polish historical policy, which actualises the Polish national narrative, refers to it.

As noted by professor V. Shadurski, the Belarusian nation remains poorly consolidated, divided into several

large identity groups [17, p. 22]. One of these is the Polish minority. Polish historical policy in Belarus is aimed at destroying the Soviet-nostalgic narrative, opposing the spread of the Russian-imperial vision of history and strengthening Polish identity and the formation of loyalty among the Polish minority to Poland. The solution to this task is carried out through the popularisation of Polish history and culture, primarily among the Polish minority. The historical policy of Poland addresses topics and issues crowded out to the periphery of the Belarusian official historical discourse.

One of the goals of historical policy is to create a positive image of Poland and strengthen Polish identity abroad. In this regard, the question about the degree of influence of historical politics, along with economic attractiveness and other factors, on the desire to get a Pole's card or the desire to immigrate to Poland is open. More than 137 thousand of Pole's cards were issued in Belarus since 2008⁶⁷. As of April 2019, Belarusians represented the second group of foreign citizens (more than 21 000) who received a residence permit in Poland, most of which are with a Pole's

⁶⁵Mrozek K. Reset i kontynuacja. Polityka rządu PiS wobec Białorusi [Electronic resource]. URL: https://www.batory.org.pl/upload/files/Programy%20operacyjne/Forum%20Idei/PL_Reset%20i%20kontynuacja_INTERNET.pdf (date of access: 01.06.2020).

⁶⁶An interesting example of studying the perception of historical propaganda and the formation of the country's image on the example of Polish-Russian historical disputes is the research of the Center for Polish-Russian Dialogue and Reconciliation. See: *Obraz Polski w Rosji przez pryzmat sporów historycznych* [Electronic resource]. URL: http://cprdip.pl/assets/media/Wydawnictwa/Raporty/Wojna_informacyjna_i_propaganda_historyczna_raport_z_badan_2020.pdf; *Obraz Polski w Rosji przez pryzmat sporów historycznych* (date of access: 01.06.2020); *Raport z badania opinii publicznej. Wojna informacyjna i propaganda historyczna* [Electronic resource]. URL: http://cprdip.pl/wydawnictwo,raporty,668,obraz_polski_w_rosji.html (date of access: 01.06.2020).

⁶⁷За 11 лет более 137 тысяч граждан Беларуси получили карту поляка [Электронный ресурс]. URL: <https://belsat.eu/ru/news/bolee-137-tysyach-belorusov-poluchili-kartu-polyaka> (дата обращения: 01.06.2020).

card⁶⁸. A similar question can be posed about the influence of the promoted image of the country's history on the choice of a place of study at the university. In 2018–2019, 3686 Belarusians entered the first year of Polish universities, and in total 7485 students from Belarus studied there in 2018⁶⁹.

In Poland the current historical policy of PiS is criticised as insufficiently principled. There are accusations that in a historical dialogue with Belarus one can speak not of striving for a common understanding of the past, but of a rapprochement between the Polish and Belarusian ways of thinking about the methods of implementing historical policy – a selection of beneficial facts and their arbitrary interpretation to construct the desired narrative⁷⁰. This criticism raises the question of the possible radicalisation of the Polish national narrative of memory in relation to Belarus into an openly nationalist one, as was already in the R. Rajs's case.

In Polish foreign policy history is used as a tool for forming the right media agenda, strengthening a political position, as an argument for developing cooperation or gaining profit. History is positioned as the moral and value basis of politics, an instrument of emotional influence, when from the position of historical victim restoration of justice and perpetuation of memory is required. History has long become part of the diplomatic protocol in the form of laying wreaths, the opening of monuments, etc.

In our opinion, Polish historical policy does not always calculate whether the proposed images and ideas will be properly perceived abroad. The Polish national narrative promoted in Belarus comes into conflict not only with the official «large» Belarusian narrative, which is combining elements of the Soviet and national, but also with the memory of particular groups of the population of Belarus. Particularly in Babrujsk, where the IPN wants to erect a monument to Polish soldiers, the image

of the Poles in local history and memory is more likely connected with the brutal Jewish pogroms of 1919–1920⁷¹. Presentist approach to history based on an exclusive model of memory, ethnocentrism and the glorification of the Polish presence in the East unwittingly contributes not only to the propaganda of Polish history but also to the revival of anti-Polish phobias and stereotypes.

The image of Belarus in Polish historical policy is still the Kresy, a sphere of Polish cultural and historical influence, part of the imaginary geography of Polish nationalism. This approach, in a sense, devalues the statements of the Ministry of Foreign Affairs of Polish Republic about the inadmissibility of a revival of imperial thinking. The Jagiellonian idea only for Poland has nothing to do with imperialism. In Belarus, like in the other Eastern neighbours of Poland, a view of the East through the prism of Kresy is perceived as a manifestation of Polish traditional imperialism and nationalism, as J. Mieroszewski wrote about [32, p. 7].

Another problem could be a possible Belarusian response to Polish historical policy. There may be several strategies. The first is the resuscitation of the Soviet-nostalgic narrative, possibly interspersed with the Belarusian national, if the latter does not contradict the former. In case of increasing confrontation of history interpretations and the radicalisation of the Polish national memory narrative, this approach will inevitably lead to the rehabilitation of Stalinism and the justification of any actions of the Soviet authorities. This in principle makes historical dialogue impossible. The second option may be an emphasis on the Belarusian national model of memory, which is also exclusive and aimed at cultural and political homogenisation, although to a lesser extent it may be in conflict with Polish historical policy. And the third option is an asymmetric response, the promotion of an inclusive model combining various versions of historical memory.

Библиографические ссылки

1. Chwedoruk R. Polityka historyczna w Europie – periodyzacja i wiodące dyskursy. *Studia Politologiczne*. 2015;(35):47–74.
2. Davies N. *Europe at war 1939–1945: no simple victory*. London: Penguin Books; 2006. 544 p.
3. Feindt G, Krawatzek F, Mehler D, Pestel F, Trimçev R. Entangled memory: toward a third wave in memory studies. *History and Theory*. 2014;53(1):24–44.
4. Титов ВВ. *Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции*. Москва: Ваш формат; 2017. 184 с.
5. Касьянов Г. *Past continuous: історична політика 1980-х – 2000-х. Україна та сусіди*. Київ: Laurus; 2018. Совместное издание с «Антропос-Логос-Фільм». 420 с.
6. Малинова ОЮ. Режим памяти как инструмент анализа: проблемы концептуализации. В: Миллер АИ, Ефременко ДВ, редакторы. *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; 2020. с. 26–40.

⁶⁸Białorusini drugą najliczniejszą grupą cudzoziemców w Polsce [Electronic resource]. URL: <https://udsc.gov.pl/bialorusini-druga-najliczniejsza-grupa-cudzoziemcow-w-polsce/> (date of access: 01.06.2020).

⁶⁹Сколько белорусских студентов уезжают учиться в Россию и Польшу [Электронный ресурс]. URL: from: <https://news.tut.by/society/648038.html> (дата обращения: 01.06.2020).

⁷⁰Mrozek K. Reset i kontynuacja. Polityka rządu PiS wobec Białorusi [Electronic resource]. URL: https://www.batory.org.pl/upload/files/Programy%20operacyjne/Forum%20Idei/PL_Reset%20i%20kontynuacja_INTERNET.pdf (date of access: 01.06.2020).

⁷¹Акулич М. Бобруйск и евреи: история, холокост, наши дни. [Б. м.] : Изд. решения, 2017 ; Антигерои Бобруйщины. Сто лет назад это были ее польские захватчики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bobrlife.by/news/antigeroi-bobrujshhiny-stolet-nazad-eto-byli-ee-polskie-zahvatchiki> (дата обращения: 01.06.2020).

7. Innes AJ, Steele BJ. Memory, trauma and ontological security. In: Resende E, Budryte D, editors. *Memory and trauma in international relations. Theories, cases and debates*. London: Routledge; 2014. p. 15–30.
8. Marszałek-Kawa J, Piechowiak-Lamparska J, Ratke-Majewska A, Wawrzyński P. *Polityka pamięci i kształtowanie tożsamości politycznej w czasie tranzytacji postautorytarnej. Studia przypadku*. Warszawa: Difin SA; 2016. 268 s.
9. Chwedoruk R. *Polityka historyczna*. Warszawa: PWN; 2018. 386 s.
10. Nowinowski SM, Pomorski J, Stobiecki R, editors. *Pamięć i polityka historyczna: doświadczenia Polski i jej sąsiadów*. Łódź: Instytut Pamięci Narodowej; 2008. 398 s.
11. Skibiński P, Wiścicki T, Wysocki M, editors. *Historycy i politycy: polityka pamięci w III RP*. Warszawa: Wydawnictwo DiG; 2011. 259 s.
12. Traba R. *Przeszłość w teraźniejszości: polskie spory o historię na początku XXI wieku*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie; 2009. 325 s.
13. Ociepka B. Zagraniczna polityka historyczna: Polska między Niemcami a Rosją. In: Ociepka B, editor. *Historia w dyplomacji publicznej*. Warszawa: Wydawnictwo naukowe SCHOLAR; 2015. s. 212–229.
14. Łuczewski M. *Kapitał moralny: polityki historyczne w późnej nowoczesności*. Kraków: Ośrodek Myśli Politycznej; 2017. 431 s.
15. Śleszyński W. *Historia w służbie polityki: zmiany polityczne a konstruowanie przekazu historycznego na ziemiach białoruskich w XX i XXI wieku*. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku; 2018. 467 s.
16. Коваленя А, Арчаков В, Данилович В, Баньковский А. К вопросу об исторической политике. *Беларуская думка*. 2019;8:3–11.
17. Шадурский ВГ. Историческая политика в Республике Беларусь: этапы развития и версии интерпретации прошлого. *Труды факультета международных отношений БГУ*. 2014;5:9–24.
18. Снапковский ВЕ. Историческая политика в Беларуси в период перестройки и парламентской республики (1985–1994 гг.). *Труды факультета международных отношений БГУ*. 2014;5:62–69.
19. Шмигель М, Меньковский ВИ. «Есть у революции начало, нет у революции конца»: 1917 год в российской исторической политике и современной русскоязычной историографии. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2017;2:83–91.
20. Menkouski VI. The phenomenon of the historical memory of Stalinism in the Russian Federation and the Republic of Belarus. *East European History*. 2015;1(1):32–38.
21. Ластовский АЛ. Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой. *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 2009;4:88–99.
22. Матусевич ОА. Основные подходы к изучению исторической памяти белорусов: проблемы, достижения и перспективы. *Труды БГТУ. Серия 6. История, философия*. 2017;2:74–78.
23. Тихомиров АВ. Польша в исторической политике Беларуси (XX – начало XXI вв.). В: Шадурский ВГ, редактор. *Многовекторность во внешней политике Республики Беларусь*. Минск: Издательский центр БГУ; 2016. с. 79–82.
24. Шадурский ВГ. От культуры памяти к культуре исторического диалога (на примере деятельности белорусскопольской исторической комиссии). В: Шадурский ВГ, редактор. *Беларусь между Востоком и Западом: современные тенденции*. Минск: Издательский центр БГУ; 2017. с. 75–85.
25. Буконкин ДА. Историческая политика как новый элемент в белорусско-польских межгосударственных отношениях. В: Шадурский ВГ, редактор. *Многовекторность во внешней политике Республики Беларусь*. Минск: Издательский центр БГУ; 2016. с. 4–15.
26. Миллер АИ, Ефременко ДВ, редакторы. *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Актеры, институты, нарративы*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; 2020. 632 с.
27. Траба Р. Польские споры об истории в XXI веке. *Pro et contra*. 2009;3–4:43–65.
28. Zięba R. *Poland's foreign and security policy: problems of compatibility with the changing international order*. Cham: Springer; 2020. 280 p.
29. Rulyova N, Hutchings S, Beumers B. Commemorating the past/performing the present: television coverage of the Second World War victory celebrations and the (de)construction of Russian nationhood. In: Rulyova N, Hutchings S, Beumers B. *The Post-Soviet Russian media*. London: Routledge; 2009. p. 153–172.
30. Adamuzsko W, editor. *«Zachodnia Białorus» 17.IX.1939–22.VI.1941. Tom 1. Wydarzenia i losy ludzkie: rok 1939*. Warszawa: [s. n.]; 1998. 511 s.
31. Ластовский АЛ. Историческая память белорусских поляков: между официальными нарративами и семейными преданиями. *Социологический альманах*. 2011;2:290–301.
32. Mieroszewski J, Rosyjski «kompleks polski» i obszar ULB. *Kultura*. 1974;9:1–3.

References

1. Chwedoruk R. The policy of history in Europe: pediodisation and the main debates. *Studia Politologiczne*. 2015;35:47–74.
2. Davies N. *Europe at war 1939–1945: no simple victory*. London: Penguin Books; 2006. 544 p.
3. Feindt G, Krawatzek F, Mehler D, Pestel F, Trimçev R. Entangled memory: toward a third wave in memory studies. *History and Theory*. 2014;53(1):24–44.
4. Titov VV. *Politika pamyati i formirovanie natsional'no-gosudarstvennoi identichnosti: rossiiskii opyt i novye tendentsii* [The policy of memory and the formation of national-state identity: Russian experience and new trends]. Moscow: Wash format; 2017. 184 p. Russian.
5. Kas'janov G. *Past continuous: istorychna polityka 1980-h–2000-h. Ukraina ta susydy* [Past continuous: historical policy of the 1980s–2000s. Ukraine and its neighbours]. Kyiv: Laurus; 2018. 420 p. Ukrainian. Co-published by «Anthropos-Logos-Film».
6. Malinova OYu. [Memory regime as an analysis tool: problems of conceptualisation]. In: Miller AI, Efremenko DV, editors. *Politika pamyati v sovremennoi Rossii i stranakh Vostochnoi Evropy. Aktory, instituty, narrativy* [The policy of memory in

modern Russia and the countries of Eastern Europe. Actors, institutions, narratives]. Saint Petersburg: Publishing House of the European University in Saint Petersburg; 2020. p. 26–40. Russian.

7. Innes AJ, Steele BJ. Memory, trauma and ontological security. In: Resende E, Budryte D, editors. *Memory and trauma in international relations. Theories, cases and debates*. London: Routledge; 2014. p. 15–30.

8. Marszałek-Kawa J, Piechowiak-Lamparska J, Ratke-Majewska A, Wawrzyński P. Polityka pamięci i kształtowanie tożsamości politycznej w czasie tranzytu postautorytarnej. *Studia przypadku*. Warszawa: Difin SA; 2016. 268 s.

9. Chwedoruk R. Polityka historyczna. Warszawa: PWN; 2018. 386 s.

10. Nowinowski SM, Pomorski J, Stobiecki R, editors. *Pamięć i polityka historyczna: doświadczenia Polski i jej sąsiadów*. Łódź: Instytut Pamięci Narodowej; 2008. 398 s.

11. Skibiński P, Wiścicki T, Wysocki M, editors. *Historycy i politycy: polityka pamięci w III RP*. Warszawa: Wydawnictwo DiG; 2011. 259 s.

12. Traba R. *Przeszłość w teraźniejszości: polskie spory o historię na początku XXI wieku*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie; 2009. 325 s.

13. Ociepa B. Zagraniczna polityka historyczna: Polska między Niemcami a Rosją. In: Ociepa B, editor. *Historia w dyplomacji publicznej*. Warszawa: Wydawnictwo naukowe SCHOLAR; 2015. s. 212–229.

14. Łuczewski M. *Kapitał moralny: polityki historyczne w późnej nowoczesności*. Kraków: Ośrodek Myśli Politycznej; 2017. 431 s.

15. Śleszyński W. *Historia w służbie polityki: zmiany polityczne a konstruowanie przekazu historycznego na ziemiach białoruskich w XX i XXI wieku*. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku; 2018. 467 s.

16. Kovalenya A, Archakov V, Danilovich V, Ban'kovskii A. [On the issue of historical policy]. *Belaruskaja dumka*. 2019;8:3–11. Russian.

17. Shadurski VG. [Historical policy in the Republic of Belarus: stages of development and interpretation versions of the past]. *Trudy fakul'teta mezhdunarodnykh otnoshenii BGU*. 2014;5:9–24. Russian.

18. Snapkouski VE. [Historical policy in Belarus during the period of perestroika and the parliamentary republic (1985–1994)]. *Trudy fakul'teta mezhdunarodnykh otnoshenii BGU*. 2014;5:62–69. Russian.

19. Śmigiel M, Menkowski VI. «There is a beginning of the revolution, no end of the revolution»: 1917 in Russian historical policy and contemporary Russian-language historiography. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2017;2:83–91. Russian.

20. Menkowski VI. The phenomenon of the historical memory of Stalinism in the Russian Federation and the Republic of Belarus. *East European History*. 2015;1(1):32–38.

21. Lastovsky AL. Particular features of historical memory in Belarus. *The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions*. 2009;4:88–99. Russian.

22. Matusevich OA. [Basic approaches to the study of the historical memory of Belarusians: challenges, achievements and prospects]. *Trudy BGTU. Seriya 6. Istoriya, filosofiya*. 2017;2:74–78. Russian.

23. Tikhmirau AV. [Poland in the historical policy of Belarus (20th – beginning of 21st centuries)]. In: Shadurski VG, editor. *Mnogovektornost' vo vneshnei politike Respubliki Belarus'* [Multivectorness in the foreign policy of the Republic of Belarus]. Minsk: Publishing Centre of the Belarusian State University; 2016. p. 79–82. Russian.

24. Shadurski VG. [From a culture of memory to a culture of historical dialogue (on the example of the activities of the Belarusian-Polish historical commission)]. In: Shadurski VG, editor. *Belarus' mezhdz Vostokom i Zapadom: sovremennyye tendentsii* [Belarus between East and West: current trends]. Minsk: Publishing Centre of the Belarusian State University; 2017. p. 75–85. Russian.

25. Bukonkin DA. [Historical policy as a new element in the Belarusian-Polish interstate relations]. In: Shadurski VG, editor. *Mnogovektornost' vo vneshnei politike Respubliki Belarus'* [Multivectorness in the foreign policy of the Republic of Belarus]. Minsk: Publishing Centre of the Belarusian State University; 2016. p. 4–15. Russian.

26. Miller AI, Efremenko DV, editors. *Politika pamyati v sovremennoi Rossii i stranakh Vostochnoi Evropy. Aktory, instituty, narrativy* [The policy of memory in modern Russia and the countries of Eastern Europe. Actors, institutions, narratives]. Saint Petersburg: Publishing House of the European University in Saint Petersburg; 2020. 632 p. Russian.

27. Traba R. [Polish disputes about history in the 21st century]. *Pro et contra*. 2009;3–4:43–65. Russian.

28. Zięba R. *Poland's foreign and security policy: problems of compatibility with the changing international order*. Cham: Springer; 2020. 280 p.

29. Rulyova N, Hutchings S, Beumers B. Commemorating the past/performing the present: television coverage of the Second World War victory celebrations and the (de)construction of Russian nationhood. In: Rulyova N, Hutchings S, Beumers B. *The post-Soviet Russian media*. London: Routledge; 2009. p. 153–172.

30. Adamuzsko W, editor. *«Zachodnia Białorus» 17.IX.1939–22.VI.1941. Tom 1. Wydarzenia i losy ludzkie: rok 1939*. Warszawa: [s. n.]; 1998. 511 s.

31. Lastovsky AL. [The historical memory of Belarusian Poles: between official narratives and family traditions]. *Sotsiologicheskii almanakh*. 2011;2:290–301. Russian.

32. Mieroszewski J, Rosyjski «kompleks polski» i obszar ULB. *Kultura*. 1974;9:1–3.

Received by editorial board 26.06.2020.

УДК 355.486:356.15(438)«1944/1946»

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОТРЯДА КАПИТАНА Р. РАЙСА (БУРОГО) НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОСТОЧЧИНЫ В 1944–1946 гг. В ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬШИ

Л. А. КОЗИК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуется проблема отражения в политике памяти современной Республики Польша деятельности отряда под командованием Р. Райса (Бурого) на Белосточчине в 1944–1946 гг. Цель статьи – проанализировать публичные практики, места памяти и их роль в формировании и отражении коллективной памяти о деятельности отряда Р. Райса, представителей которого причисляют к «проклятым солдатам». Отмечено, что завершённое в 2005 г. следствие привело к выводу, что действия отряда имеют признаки геноцида. Однако проведённый анализ показал существование двух противоположных нарративов в рамках очерченной проблемы. Один из них – националистический и антикоммунистический – транслируется государством посредством Института национальной памяти, музейных учреждений, а также правыми политическими партиями, движениями и общественными организациями и близкими к ним СМИ. В соответствии с ним Р. Райс выступает героем, который вел борьбу в интересах польского государства. Ответственность за убийство белорусов – граждан Польши сторонники этого подхода возлагают на самих жертв. Иной нарратив транслируется белорусскими общественными организациями и СМИ. Они стремятся сохранить в обществе память о трагедии 1946 г. и однозначно оценивают деятельность отряда Р. Райса как преступную. Сделан вывод о том, что современная польская историческая политика частично отходит от гуманистических, общечеловеческих ценностей, делает акцент на националистическом видении истории и фактически игнорирует интересы белорусов Белосточчины.

Ключевые слова: политика памяти; Польша; белорусы; Ромуальд Райс; «проклятые солдаты»; Институт национальной памяти; геноцид.

Благодарность. Автор высказывает искренние слова благодарности за ценные советы и помощь в подготовке статьи доценту А. Г. Цымбалу (Минский государственный лингвистический университет) и профессору Э. Мироновичу (Белостокский университет).

ДЗЕЙНАСЦЬ АТРАДА КАПІТАНА Р. РАЙСА (БУРАГА) НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАСТОЧЧЫНЫ ў 1944–1946 гг. У ПАЛІТЫЦЫ ПАМ’ЯЦІ РЭСПУБЛІКІ ПОЛЬШЧЫ

Л. А. КОЗИК^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Даследуецца праблема адлюстравання ў палітыцы памяці сучаснай Рэспублікі Польшчы дзейнасці атрада пад камандаваннем Р. Райса (Бурага) на Беласточчыне ў 1944–1946 гг. Мэта артыкула – прааналізаваць публічныя практыкі,

Образец цитирования:

Козик ЛА. Дзейнасць атрада капітана Р. Райса (Бурага) на тэрыторыі Беласточчыны ў 1944–1946 гг. у палітыцы памяці Рэспублікі Польшчы. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя*. 2020;4:34–47.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-4-34-47>

For citation:

Kozik LA. The partisan unit under the command of captain R. Rajs (Bury) activity on the territory of Białystok region in 1944–1946 in the politics of memory of the Republic of Poland. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2020;4:34–47. Belarusian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-4-34-47>

Автор:

Любовь Антоновна Козик – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории южных и западных славян исторического факультета.

Author:

Liubov A. Kozik, PhD (history), docent; associate professor at the department of Southern and Western Slav's history, faculty of history.
lubov.kozik@gmail.com

месцы памяці і іх ролю ў фарміраванні і адлюстраванні калектыўнай памяці аб дзейнасці атрада Р. Райса, прадстаўнікоў якога залічваюць да «праклятых салдат». Адзначаецца, што следства, якое завяршылася ў 2005 г., прыйшло да высновы, што дзейнасць Р. Райса мела прыкметы генацыду. Аднак праведзены аналіз паказаў існаванне ў Польшчы двух супрацьлеглых наратываў у межах акрэсленай праблемы. Адзін з іх – нацыяналістычны і антыкамуністычны – трансліруецца дзяржавай праз Інстытут нацыянальнай памяці, музейныя ўстановы, а таксама правымі палітычнымі партыямі, грамадскімі арганізацыямі і блізкімі да іх СМІ. У адпаведнасці з ім Р. Райс выступае героем, які вёў барацьбу ў інтарэсах польскай дзяржавы. Адказнасць за забойства беларусаў – грамадзян Польшчы прыхільнікі гэтага падыходу ўскладаюць на саміх ахвяр. Другі наратыв трансліруецца беларускімі грамадскімі арганізацыямі і СМІ. Яны імкнуча захаваль у грамадстве памяць аб трагедыі 1946 г. і адназначна ацэньваюць дзейнасць атрада Р. Райса як злачынную. Зроблена выснова аб тым, што ў сучаснай польскай гістарычнай палітыцы назіраецца частковы адыход ад гуманістычных, агульначалавечых каштоўнасцей, робіцца акцэнт на нацыяналістычным бачанні гісторыі і фактычна ігнаруюцца інтарэсы беларусаў Беларускай Беларусі.

Ключавыя словы: палітыка памяці; Польшча; беларусы; Рамуальд Райс; «праклятыя салдаты»; Інстытут нацыянальнай памяці; генацыд.

Падзяка. Аўтар выказвае шчырыя словы ўдзячнасці за каштоўныя парады і дапамогу ў падрыхтоўцы артыкула дацэнт А. Г. Цымбалу (Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт) і прафесару Э. Мірановічу (Беластоцкі ўніверсітэт).

THE PARTISAN UNIT UNDER THE COMMAND OF CAPTAIN R. RAJS (BURY) ACTIVITY ON THE TERRITORY OF BIAŁYSTOK REGION IN 1944–1946 IN THE POLITICS OF MEMORY OF THE REPUBLIC OF POLAND

L. A. KOZIK^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The Polish politics of memory concerning the activities of the unit under the command of captain R. Rajs (Bury) in Białystok region in 1944–1946 is considered in the article. The aim of the study is to analyse public practices, places of memory and their role in forming and reflecting the collective memory about R. Rajs's unit (whose representatives are referred to as «cursed soldiers»). The analysis of public practices, memorable days and places of memory in Poland revealed a confrontation between two narratives. The first one is the nationalist and anti-communist narrative. It is transmitted by the state through the Institute of National Remembrance, museum institutions, as well as by right-wing political parties, movement, public organisations and the media close to them. According to them, R. Rajs is a hero who fought in the interests of the Polish state. Another narrative is presented by Belarusian national minority, their public organisations and mass media. They try to preserve the memory of the 1946 tragedy in the society and define the activities of the R. Rajs's unit as crimes. The author emphasises that the judicial investigation completed in 2005 by the Institute of National Remembrance came to the conclusion that R. Rajs actions had signs of genocide. The author notes that the Polish historical politics departs in some sense from humanistic, universal values. It focuses on the nationalist vision of history and actually ignores the interests of the Belarusians of Białystok region.

Keywords: politics of memory; Poland; Belarusians; Romuald Rajs; «cursed soldiers»; the Institute of National Remembrance; genocide.

Acknowledgements. The authors would like to express her sincere gratitude to docent A. G. Tsimbal (Minsk State Linguistic University) and full professor E. Mironowicz (University in Białystok) for the valuable advice and suggestions in the preparation of the article.

Уводзіны

Крах камуністычнай сістэмы ў Польшчы ў 1989 г. прывёў да істотных змен у грамадска-палітычным і эканамічным жыцці краіны. Палітыкі, якія прыйшлі да ўлады, імкнуліся абгрунтаваць заканамернасць сваёй перамогі і ўласную легітымнасць, звяртаючыся да гістарычнага мінулага народа і краіны. Пераемнасць улады трансліравалася праз зварот да традыцый міжваеннай Польшчы (так званай 2-й Рэчы

Паспалітай) і заявы пра пабудову 3-й Рэчы Паспалітай, што было замацавана ў Канстытуцыі Рэспублікі Польшчы 1997 г. Дадатковымі аргументамі сталі прызнанне польскім урадам у эміграцыі вынікаў прэзідэнцкіх выбараў 1990 г. і перадача паўнамоцтваў і прэзідэнцкіх рэгалій Леху Валенсу.

У новых умовах, калі адбывалася дэідэалагізацыя навукі (адкрыццё архіваў, плюралізм навуковых

падыходаў), з’яўляліся новыя тэмы для даследаванняў і магчымасці для пераацэнкі падзей мінулага. На гэтым фоне ў канцы 1990-х гг. у Польшчы пачаліся размовы пра неабходнасць выкарыстання гістарычнай навукі ў палітычных мэтах. Такая ідэя не была новай у Заходняй Еўропе. Упершыню тэрмін *Geschichtspolitik* быў выкарыстаны ў ФРГ у пачатку 1980-х гг., і звязваўся ён са спробай перагледзець некаторыя ацэнкі мінулага і надаць больш пазітыўны характар нямецкаму патрыятызму. Аднак дзеянні ў гэтым напрамку сустрэлі моцную адмоўную рэакцыю навуковага асяроддзя. У тых умовах само паняцце *Geschichtspolitik* атрымала негатыўную афарбоўку і стала азначаць інтэрпрэтацыю гісторыі па палітычных, партыйных матывах і спробы запэўніць шырокія колы грамадства ў яе правільнасці [1, с. 8–9].

У Польшчы некаторы час ідэя выкарыстання гісторыі ў палітычных мэтах не знаходзіла шырокага распаўсюджвання. Сітуацыя змянілася пасля парламенцкіх і прэзідэнцкіх выбараў 2005 г., калі да ўлады прыйшлі правацэнтрэцкія палітыкі, аб’яднаныя вакол партыі «Правы і справядлівасць». Можна сцвярджаць, што з гэтага часу пачалася выпрацоўка польскай гістарычнай палітыкі. У адрозненне ад Германіі ў Польшчы сама ідэя яе правядзення атрымала падтрымку часткі навуковай супольнасці.

Прыхільнікі правядзення гістарычнай палітыкі заяўляюць, што яна накіравана на папулярызацыю спадчыны народа ў свядомасці грамадства, паказ каштоўнасці гісторыі Польшчы як унутры краіны, так і на міжнародным узроўні, фарміраванне пачуцця гонару за гістарычнае мінулае [2, с. 8, 17]. Не ўсе даследчыкі пагаджаюцца з гэтым меркаваннем. У польскай гістарычнай палітыцы ў XXI ст. яны бачаць антыліберальную, пранацыянальную логіку, накіраваную на захаванне нацыянальнай супольнасці¹. Яе галоўным правадніком у Польшчы выступае Інстытут нацыянальнай памяці (ІНП).

Інстытут быў утвораны ў 1999 г. на базе Галоўнай камісіі па расследаванні злачынстваў супраць польскага народа (да 1990 г. – Галоўная камісія па расследаванні злачынстваў гітлерызму). Сярод задач ІНП – правядзенне следства ў справе «нацысцкіх і камуністычных злачынстваў, у тым ліку злачынстваў у дачыненні да асоб польскай нацыянальнасці ці польскіх грамадзян іншай нацыянальнасці, што былі здзейснены ў перыяд з 8 лістапада 1917 па 31 ліпеня 1990 г.»², пошукавыя працы па высвятленні месцаў знаходжання асоб, якія загінулі ў барацьбе

за незалежнасць і аб’яднанне польскай дзяржавы, у змаганні з таталітарнай сістэмай ці ў выніку таталітарных рэпрэсій і этнічных чыстак у той час. Таксама ІНП ажыццяўляе дзейнасць, накіраваную на захаванне памяці пра гістарычныя падзеі, месцы і асоб у гісторыі барацьбы і пакутніцтва польскага народа ў краіне і за яе межамі, месцы памяці і пакутніцтва іншых народаў на тэрыторыі Польшчы ў перыяд з 8 лістапада 1917 па 31 ліпеня 1990 г.³ ІНП уключае ў свой склад розныя структурныя падраздзяленні, сярод якіх ёсць і Камісія па расследаванні злачынстваў супраць польскага народа⁴.

Аналізуючы асаблівасці трансляцыі і ўспрымання інфармацыі пра дзейнасць атрада Р. Райса на Беласточчыне, неабходна вызначыць, што навукоўцы разумеюць пад паняццямі «гістарычная палітыка» і «палітыка памяці», якія выкарыстоўваюцца ў межах *memory studies*. Нягледзячы на існаванне вялікай колькасці літаратуры па гэтай праблеме, можна сцвярджаць, што адзінага падыходу да іх вызначэння не існуе. Некаторыя даследчыкі ставяць знак роўнасці паміж гэтымі паняццямі і лічаць іх узаемазамяняльнымі, іншыя бачаць адрозненні паміж імі і вылучаюць асаблівасці ў выкарыстанні адпаведных тэрмінаў [3, с. 194–202].

У польскай гістарычнай навуцы пераважна выкарыстоўваецца паняцце «гістарычная палітыка». Пад ім разумеюць палітычна матываваную інтэрпрэтацыю мінулага, якая з’яўляецца элементам палітычнага дзеяння дзяржавы і іншых суб’ектаў і ставіць сваёй мэтай уплыў на свядомасць грамадства [4, с. 49]. Падобным чынам яго тлумачаць расійскія і ўкраінскія спецыялісты. Даследчыкі сыходзяцца ў меркаванні, што гістарычная палітыка ахоплівае розныя формы калектыўных уяўленняў пра мінулае і яго рэпрэзентацый, у тым ліку прафесійную гістарыяграфію. Для яе, з аднаго боку, характэрныя сітуацыі з непраўдзівай (фальшывай) прэзентацыяй гісторыі, а з другога – замоўчванне (забыццё) непрыемных фактаў у гісторыі [1, с. 10; 5, с. 18].

У сваю чаргу, палітыка памяці для шэрагу даследчыкаў выступае як больш вузкае паняцце, якое датычыцца розных форм грамадскіх практык і норм, звязаных з рэгуляваннем калектыўнай памяці. Яна мае дачыненне да юрыдычных пытанняў, месцаў памяці, так званых *transitional justice*, і не прадугледжвае інтэрвенцыю ў сферу прафесійнага гісторыяпісання і дыдактычнай гісторыі [1, с. 7; 4, с. 49; 5, с. 19].

¹Траба Р. Польские споры об истории в XXI веке // Полит.ру [Электронный ресурс]. URL: <https://polit.ru/article/2010/02/03/traba/> (дата обращения: 29.07.2020).

²О IPN // Instytut Pamięci Narodowej [Electronic resource]. URL: <https://ipn.gov.pl/pl/o-ipn/24154,O-IPN.html> (date of access: 25.06.2020). (Тут і далей пераклад наш. – Л. К.)

³Ibid.

⁴Statut Instytutu Pamięci Narodowej – Komisji Ścigania Zbrodni przeciw Narodowi Polskiemu [Electronic resource]. URL: <https://ipn.gov.pl/pl/o-ipn/statut/85521,Statut-Instytutu-Pamieci-Narodowej-Komisji-Scigania-Zbrodni-przeciwko-Narodowi-P.html> (date of access: 25.06.2020).

Іншае меркаванне выказвае расійская даследчыца В. Ю. Малінава. На яе думку, палітыка памяці мае ў першую чаргу дачыненне да калектыўнай памяці, якая абапіраецца на розныя крыніцы і вылучаецца прынцыповай выбіральнасцю і непайманай [6, с. 8]. Даследчыца лічыць, што палітыка памяці выступае больш шырокім паняццем, якое «апісвае любыя практыкі звароту да мінулага ў палітычным кантэксце, незалежна ад таго, ці яны складаюцца ў паслядоўную стратэгію» [6, с. 9], а гістарычная палітыка з'яўляецца адным з яе кампанентаў.

У дадзеным даследаванні выкарыстоўваецца больш вузкае разуменне палітыкі памяці, якое прадугледжвае зварот да публічных практык, звязаных з фарміраваннем і адлюстраваннем калектыўнай памяці, памятных дат, месцаў памяці і г. д. Аўтар свядома не разглядае гістарыяграфію дзейнасці атрада капітана Р. Райса (псеўданім – Буры) на Беласточчыне ў 1944–1946 гг., бо яе аналіз заслугоўвае асобнай публікацыі.

Праблема ўспрымання дзейнасці атрада капітана Р. Райса на Беласточчыне ў 1944–1946 гг. у сучасным польскім грамадстве знайшла адлюстраванне ў публікацыях польскай даследчыцы А. Мароз

[7; 8]. Яе працыносяць міждысцыплінарны характар і прысвечаны аналізу адлюстравання дзейнасці Р. Райса ў калектыўнай памяці палякаў і беларусаў Падляшша. Аўтар падкрэслівае розніцу паміж паняццямі гісторыі і калектыўнай памяці і пазбягае ацэнкі «правільнасці» меркавання кожнага з бакоў. Даследчыца піша, што ў абагульненым выглядзе ацэнка дзеянняў Р. Райса часта даецца з пазіцыі жорсткага супрацьстаяння ў яго чорна-белым варыянце. Насамрэч сітуацыя больш складаная і ў ёй ёсць розныя адценні, якія А. Мароз і прыводзіць у сваіх даследаваннях.

У сваю чаргу, М. Орцюх засяроджвае ўвагу на дыскусіі вакол постаці Р. Райса на старонках прэсы і ў электронных медыя, якія, на яго думку, выступаюць часткай польскай гістарычнай палітыкі [9]. Асобу Р. Райса даследчык разглядае ў катэгорыі «праклятых салдат» (*żołnierze wyklęci*) і паказвае іх успрымання ў этнічна польскім і беларускім асяроддзях. М. Орцюх прыходзіць да высновы, што ва ўмовах гістарычнай палітыкі і гларыфікацыі дзейнасці «праклятых салдат» дзеючай уладай спрэчкі вакол Бурага яшчэ доўга будуць эмацыянальна балючым момантам у польскім грамадстве.

Асноўная частка

У гады Другой сусветнай вайны ў польскім руху Супраціўлення склаліся дзве плыні. Адна з іх падпарадкоўвалася ўраду ў эміграцыі, другая была пракамуністычная, фактычна прасавецкая. Іх найбольш вядомымі фарміраваннямі з'яўляліся Армія краёва (АК) і Армія людова (АЛ) адпаведна. Пасля заканчэння вайны да ўлады ў Польшчы прыйшлі камуністы, якія ў сваёй палітыцы і прапагандзе вылучылі АЛ і прыхільнікаў камуністаў як станоўчых герояў, АК і яе саюзныя фарміраванні як адмоўных. Дадатковай прычынай непрымання апошніх было тое, што некаторыя ўдзельнікі адмовіліся падпарадкоўвацца загаду аб роспуску АК (студзень 1945 г.) і вырашылі весці ўзброеную барацьбу супраць устаноўленай у Польшчы ўлады⁵, якая, у сваю чаргу, акрэслівала іх дзейнасць як бандыцкую і злачынную. Пасля ліквідацыі польскага ўзброенага падполля ў сярэдзіне 1950-х гг. дзейнасць гэтых фарміраванняў практычна не згадвалася ў публічнай прасторы, пра гэтых людзей «забылі» або

згадвалі іх у негатыўным рэчышчы. Выключэннем сталі апазіцыйныя арганізацыі, якія ў 1970–80-я гг. у сваіх нелегальных выданнях станоўча выказваліся пра ўдзельнікаў пасляваеннага супраціву.

Пасля падзей 1989 г. у Польшчы пра людзей, якія са зброяй у руках змагаліся супраць пракамуністычных сіл у першыя пасляваенныя гады, пачалі гаварыць і пісаць, прысвячаць ім выставы і ладзіць у іх гонар канферэнцыі. У 1993 г. упершыню ў дачыненні да такіх асоб быў выкарыстаны тэрмін «праклятыя салдаты», гэта значыць тыя, каго выракліся, каго ўлада забыла, «пракляла». У другой палове 1990-х гг. гэты тэрмін пачаў актыўна выкарыстоўвацца ў публічнай прасторы, штуршком да чаго стала кніга Е. Шляскага «Праклятыя салдаты»⁶. У сучаснай Польшчы сінонімам адпаведнага тэрміна выступае паняцце «нязломленыя салдаты». Дырэктар Музея Войска польскага А. Булава так тлумачыць розніцу паміж імі: у тэрміне «праклятыя салдаты» робіцца акцэнт на знішчэнні памяці пра ўдзельнікаў

⁵У ліпені 1944 г. пры падтрымцы і актыўным удзеле савецкага кіраўніцтва ў Польшчы было абвешчана аб стварэнні Польскага камітэта нацыянальнага вызвалення, які заявіў, што не прызнае ўрад у эміграцыі і з'яўляецца адзінай законнай сілай у краіне. У студзені 1945 г. ён быў ператвораны ў Часовы ўрад, які атрымаў афіцыйнае прызнанне СССР. Устаноўленая сістэма двоеўладдзя (польскі ўрад у эміграцыі, прызнаны ўсімі краінамі, за выключэннем СССР, які разарваў з ім дыпламатычныя адносіны вясной 1943 г., і Часовы ўрад, прызнаны СССР) абмяркоўвалася на Ялцінскай канферэнцыі лідарамі «Вялікай тройкі». На ёй было прынята рашэнне аб рэарганізацыі Часовага ўрада «на больш шырокай дэмакратычнай аснове з уключэннем у яго дэмакратычных дзеячаў з самой Польшчы і палякаў з-за мяжы» (гл.: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.): сб. док. М.: Изд-во полит. лит., 1979. С. 279). У выніку ў чэрвені 1945 г. быў створаны Часовы ўрад нацыянальнага адзінства, які ўжо ў ліпені таго ж года атрымаў міжнароднае прызнанне.

⁶Ślaski J. Żołnierze wyklęci. Warszawa: Rytm, 1996. 276 s.

антыкамуністычнага падполля, у той час як паняцце «нязломленыя салдаты» падкрэслівае нязломную волю, актыўнасць, супрацьстаянне навязанай сацыялістычнай сістэме, барацьбу ў неспрыяльных умовах⁷.

Такім чынам, з пачатку 1990-х гг. у Польшчы адбываецца працэс гераізацыі і мемарыялізацыі АК і арганізацый, якія ўзніклі пасля яе роспуску. Гэта можна назіраць па тым, што з'яўляюцца прысвечаныя іх дзейнасці месцы памяці, яны ўшаноўваюцца ў дзяржаўных святах, польскіх выданнях для школ і навукова-папулярнай літаратуры. Так, напрыклад, у праграме 2017 г. па гісторыі для сярэдніх школ адзначаецца, што пры вывучэнні тэмы «Пачаткі камунізму ў Польшчы» вучні павінны «характарызаваць пазіцыю палякаў у дачыненні да новай улады з асаблівым акцэнтам на ўзброеным супраціве (нязломленыя [праклятыя] салдаты)»⁸.

Пасляваенны польскі ўзброены супраціў не быў маналітным. Яго прадстаўлялі розныя арганізацыі, сярод якіх на тэрыторыі Беласточчыны дзейнічалі Грамадзянская краёвая армія і Нацыянальнае ваеннае аб'яднанне (НВА)⁹. Гэта былі добра арганізаваныя фарміраванні, якія мелі разгалінаваную агентурную сетку, а з вясны 1945 г. – добра ўзброеныя атрады [10, с. 49]. Узброенае падполле прадстаўляла розныя палітычныя сілы, якія сыходзіліся ў непрыманні новай улады і ўсходняй мяжы, якая прайшла па лініі Керзана. Дадатковым фактарам у гэтым пытанні стала падпісанне Пагаднення аб эвакуацыі беларускага насельніцтва з тэрыторыі Польшчы і польскіх грамадзян з тэрыторыі БССР паміж Польскім камітэтам нацыянальнага вызвалення і ўрадам БССР у верасні 1944 г.¹⁰ Яно прадугледжвала добраахвотную «эвакуацыю» палякаў і яўрэяў, якія пражывалі ў заходніх абласцях БССР і мелі да 17 верасня 1939 г. польскае грамадзянства, на тэрыторыю Польшчы і, адпаведна, беларусаў з Польшчы ў БССР.

Дзеянне дадзенага пагаднення непасрэдным чынам датычылася беларусаў Польшчы, якія пражывалі

ва ўсходняй частцы Бельскага, Беластоцкага і Сакольскага павеатаў Беластоцкага ваяводства. Па ацэнках даследчыкаў, іх колькасць складала 130–150 тыс. чалавек [11, с. 40; 12, с. 177].

Польскі ўрад быў зацікаўлены ў пазбаўленні ад нацыянальных меншасцей, якія, як лічылася, у міжваенны перыяд паспрыялі аслабленню дзяржавы. Асноўную пагрозу палякі бачылі ў немцах і ўкраінцах. Што датычыцца беларусаў, то ўлады разлічвалі на іх хуткую асіміляцыю і ўліванне ў польскае асяроддзе. Тым не менш у канцы 1944 г. адміністрацыя пачала аказваць эканамічны і нацыянальны ціск на беларусаў, фактычна прымушаючы іх выязджаць у БССР. Беларусы пазбаўлялі права прымаць удзел у аграрнай рэформе і атрымліваць зямельныя надзелы, потым для іх павысілі падаткі і колькасць абавязковых паставак дзяржаве¹¹, пачалі закрываць беларускія школы.

Польскае ўзброенае падполле, якое дзейнічала на Беласточчыне, таксама бачыла пасляваенную Польшчу монаэтнічнай дзяржавай. Беларусы абвінавачвалі ў падтрымцы новага ўрада¹², супрацоўніцтве з савецкімі органамі ўлады ў 1939–1941 гг., сувязях з савецкімі партызанамі (якія лічыліся ворагамі польскага падполля ў гады Другой светнай вайны), варожым стаўленні да палякаў і г. д. Такім чынам, у галоўным пытанні – пазбаўленні ад беларусаў – пазіцыі польскіх улад і ўзброеных падпольных фарміраванняў супадалі. Аднак метады дасягнення гэтай мэты былі абсалютна рознымі. Калі ўлады дзейнічалі легальнымі сродкамі, то польскае падполле запалохвала, рабавала, забівала беларусаў, паліла вёскі [11, с. 44–46; 12, с. 197–203]. Найбольшую вядомасць у гэтым атрымаў атрад пад камандаваннем капітана Р. Райса. У студзені – лютым 1946 г. ён спаліў некалькі беларускіх вёсак і забіў 79 беларусаў у ваколіцах Гайнаўкі¹³.

Польскія ўлады змагаліся з узброеным падполлем і асуджалі яго антыўрадавую дзейнасць. Беларусы яны ўспрымалі як польскіх грамадзян, а таму ў публічных выказваннях і публікацыях на працягу ўсяго

⁷Wykłeci czy niezłomni? Różnicę tłumaczy dyrektor Muzeum Wojska Polskiego // Polskie Radio [Electronic resource]. URL: <https://www.polskieradio.pl/7/473/Artykul/1733831,Wykleci-czy-niezlomni-Roznice-tlumaczy-dyrektor-Muzeum-Wojska-Polskiego> (date of access: 26.07.2020).

⁸Podstawa programowa kształcenia ogólnego z komentarzem. Szkoła podstawowa. Historia [Electronic resource]. 2017. S. 21. URL: <https://www.ore.edu.pl/wp-content/uploads/2017/05/historia-pp-z-komentarzem-szkola-podstawowa-1.pdf> (date of access: 28.07.2018).

⁹У НВА ўвайшлі атрады Нацыянальнай ваеннай арганізацыі і Нацыянальных узброеных сіл. Частка груп, сфарміраваных пасля роспуску АК, прыбыла з Віленшчыны.

¹⁰Гл.: Документы і материалы по истории советско-польских отношений. Т. 8. Январь 1944 г. – декабрь 1945 г. М.: Наука, 1974. С. 213–219. (Падобныя пагадненні былі падпісаны Польскім камітэтам нацыянальнага вызвалення з урадамі Украінскай і Літоўскай ССР).

¹¹Гэта супярэчыла міждзяржаўным дамоўленасцям, у адпаведнасці з якімі перасяленцы вызваляліся ад выплаты нядоімкаў па натуральных пастаўках, грашовых падаткаў, страхавых плацяжоў (гл.: Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 8. Январь 1944 г. – декабрь 1945 г. М.: Наука, 1974. С. 213–219).

¹²Ва ўсходніх раёнах Беластоцкага ваяводства пераважна беларусы былі членамі Польскай рабочай партыі і працавалі ва ўстановах Міністэрства публічнай бяспекі (аналог савецкага Народнага камісарыята дзяржаўнай бяспекі і Міністэрства дзяржаўнай бяспекі) [11, с. 40].

¹³Па інфармацыі савецкага боку, за перыяд з восені 1944 па лета 1946 г. (час абмену насельніцтвам) было забіта 500 беларусаў, якія зарэгістраваліся на выезд у БССР, абрабавана звыш 1 тыс. гаспадарак [12, с. 202]. Даняы аб тым, колькі беларусаў, якія вырашылі застацца ў Польшчы, пацярпелі ад рук узброенага падполля і звычайных бандаў, невядомыя.

сацыялістычнага перыяду не падкрэслівалі іх нацыянальнасць. Спробы беларусаў арганізаваць самаахову ад нападаў узброеных фарміраванняў і звычайных бандытаў з суседніх польскіх вёсак не знаходзілі падтрымкі з боку мясцовай улады. Сітуацыя крыху змянілася пасля стварэння вясной 1946 г. добраахвотных атрадаў грамадзянскай міліцыі, у якія беларусы ўступалі, для таго каб легальна мець зброю для абароны сваёй мясцовасці [11, s. 64].

У 1948 г. спецслужбы арыштавалі Р. Райса, а ў 1949 г. яму быў вынесены смяротны прысуд. Аднак 23 лютага 1991 г. Польскі сейм прыняў закон аб прызнанні несапраўднымі прысудаў, выдадзеных у дачыненні да рэпрэсаваных асоб за іх дзейнасць у імя незалежнасці польскай дзяржавы¹⁴. Фактычна ўсе «праклятыя салдаты», якія змагаліся з пракамуністычнай і прасавецкай уладай, атрымалі «індальгенцыю», іх дзейнасць прызнавалася справядлівай. Але ўзнікае пытанне пра тое, якім чынам у сучаснай палітыцы памяці Польшчы ўспрымаецца дзейнасць атрада Бурэга ў дачыненні да беларускага насельніцтва ў першыя пасляваенныя гады.

У пачатку 1990-х гг. сын Р. Райса пры падтрымцы Сусветнага саюза салдат Арміі краёвай паспрабаваў дабіцца рэабілітацыі свайго бацькі і атрымання кампенсаций. Вынікам яго старанняў стала тое, што ў 1995 г. Р. Райс быў рэабілітаваны судом Варшаўскай ваеннай акругі на падставе закона 1991 г. аб прызнанні несапраўднымі прысудаў за дзейнасць у імя незалежнасці Польшчы. Аргументам на карысць Р. Райса было прызнана тое, што ён кіраваўся вышэйшымі інтарэсамі (незалежнасць польскай дзяржавы), а таму не заўсёды яго дзейнасць была этычнай¹⁵.

Нягледзячы на рашэнне суда, факт забойства атрадам пад камандаваннем Р. Райса беларусаў – польскіх грамадзян у студзені – лютым 1946 г. застаецца фактам, пазіцыю ў дачыненні да якога павінны былі выказаць польскія ўлады і кампетэнтныя органы. У 1995 г. у Беластоцкую акруговую камісію расследавання злачынстваў супраць польскага народа ІНП быў накіраваны зварот ад імя Грамадскага камітэта па эксгумацыі астанкаў асоб, забітых каля в. Старыя Пухалы. Гэта стала падставай для правядзення адмысловага расследавання. У 1997 г.

следства было прыпынена ў сувязі з ліквідацыяй камісіі, аднак праз пяць гадоў яго аднавілі, бо справу кваліфікавалі як дзеянні супраць чалавечнасці (генацыд), па якіх няма тэрміну даўнасці¹⁶.

Следства выявіла, што 26 студзеня 1946 г. атрад Р. Райса спыніўся ў в. Аўгустынцы. Перад адыходам з яе былі расстраляны солтыс і адзін з жыхароў (быццам бы за супрацоўніцтва са службай бяспекі, хаця гэта ніколі не было даказана). Раніцай наступнага дня атрад узяў у палон у лесе пад Гайнаўкай 40 фурманаў, якія па распараджэнні мясцовых улад адправіліся, каб вывезці дрэвы з лесу. Людзі і гужавы транспарт былі выкарыстаны байцамі Р. Райса як сродак перамяшчэння.

Пазней, 29 студзеня, атрад Бурэга зайшоў у в. Залешаны, якую было вырашана спаліць. Р. Райс загадаў сабраць жыхароў у хаце Дзмітра Сахарчука на сход. Тых, хто не захацеў ісці, прывялі пад пагрозай расстрэлу. Людзям не дазвалялі выходзіць з хаты. Потым былі выведзены 16-гадовы сын солтыса Пётр Дзем'янюк (яго бацьку не змаглі знайсці ў вёсцы) і адзін з жыхароў суседняй в. Сухавольцы Аляксандр Зелінко, якіх расстралялі на панадворку. Пасля гэтага ў хату зайшоў Р. Райс, які загадаў палякам выйсці, а астатнім паведаміў, што вёска і людзі будуць знішчаны. Выйшаўшы, ён замкнуў дзверы. У бок хаты пачалі страляць з кулямёта, ад чаго загарэлася саламяная страх. Па людзях, якія спрабавалі збегчы, адкрылі агонь. Пасля гэтага падпалілі вясковыя хаты. У выніку апісаных дзеянняў загінулі 14 чалавек (у тым ліку сям'ера дзяцей), двое былі цяжка паранены, адзін вясковец моцна абгарэў. У той самы дзень былі спалены некалькі забудов у вёсках Вулка Выганоўская, Сухавольцы, Сакі і Мостэк. У першай з іх былі забіты два чалавекі¹⁷.

Атрад Р. Райса 31 студзеня затрымаўся ў в. Старыя Пухалы. Тут сярод 40 фурманаў былі выбраны 30 праваслаўных, якіх расстралялі ў бліжэйшым лесе. Каталікоў адпусцілі дадому¹⁸. Забітых закапалі на бульбяным полі і прыкрылі галінамі. Узрост расстраляных склаў ад 17 да 56 гадоў. Эксгумацыя цел паказала, што фурманаў застрэлілі, а іх «чарапы былі разбіты». Адзін са сведкаў здарэння расказваў, што на загад Р. Райса твары людзей раздрабілі абухамі сякер. Гэта пацвердзіў і эксперт, які заявіў, што галовы

¹⁴Ustawa z dnia 23 lutego 1991 r. o uznaniu za nieważne orzeczeń wydanych wobec osób represjonowanych za działalność na rzecz niepodległego bytu Państwa Polskiego // Dziennik Ustaw [Electronic resource]. 1991. Nr 31. Poz. 149. URL: <http://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU19910340149/O/D19910149.pdf> (date of access: 26.07.2020).

¹⁵Informacja o ustaleniach końcowych śledztwa S 28/02/Zi w sprawie pozbawienia życia 79 osób – mieszkańców powiatu Bielsk Podlaski, w tym 30 osób tzw. furmanów, w lesie koło Puchał Starych, dokonanego w okresie od dnia 29 stycznia 1946 r. do dnia 2 lutego 1946 r. [Electronic resource]. URL: <https://ipn.gov.pl/pl/dla-mediow/komunikaty/9989,Informacja-o-ustaleniach-koncowych-sledztwa-S-2802Zi-w-sprawie-pozbawienia-zycia.html> (date of access: 05.10.2018).

¹⁶Ibid.

¹⁷Ibid.

¹⁸Kowalik H. Pokaż jak się żegnasz. Mimo upływu 60 lat nadal trwa sąd nad «Burym» za pacyfikację białoruskich wsi na Podlasiu // Wprost. Historia [Electronic resource]. 2015. 12 list. URL: <https://historia.wprost.pl/reportaze-sadowe/524217/pokaz-jak-sie-zegnasz.html> (date of access: 26.07.2020).

былі разбіты тупымі, круглымі і паўкруглымі прадметамі¹⁹.

На наступны дзень, 1 лютага, атрад Бурага затрымаўся ў в. Лубіцэ, адкуль накіраваліся групы для пацыфікацыі суседніх вёсак. Былі спалены вёскі Шпакі, Зань, Канцавізна каля Суража. У Шпаках расстралялі сем чалавек, чацвярых паранілі (двое з іх памерлі ў шпіталі), адну жанчыну звалтавалі, спалілі 22 забудовы, у тым ліку 17 хат. У в. Зань загінула па розных даных ад 24 да 30 чалавек (у тым ліку 9 дзяцей), ад 8 да 15 асоб былі паранены (адна з іх пазней памерла), 21 забудову спалілі. Пры гэтым рассядаванне паказала, што дамы каталікоў, як і дамы праваслаўных, што стаялі блізка да іх, не падпальвалі. У бок тых, хто спрабаваў ратавацца, адкрылі агонь. У в. Канцавізне ахвяр сярод насельніцтва не было, бо людзі паспелі збегчы, калі пачалі падпальваць хаты і страляць. У выніку падпалу атрад Р. Райса знішчыў 3 хаты, 24 хлявы і 12 іншых гаспадарчых забудов [5, с. 51–53]²⁰.

Вывучыўшы дакументы і паказанні 169 сведкаў²¹, следства прыйшло да высновы, што дзейнасць атрада Бурага мела прыкметы генацыду, бо людзі (польскія грамадзяне) былі забіты па прычыне іх беларускай нацыянальнасці. У выснове дакладна акрэслена, што адказнасць за здзейсненае нясе Р. Райс, які аддаваў загады аб знішчэнні вёсак, забойстве беларускіх фурманаў і мірных жыхароў. Яго дзеянні нельга растлумачыць дзяржаўнымі інтарэсамі. Больш за тое, яны спрыялі росту папулярнасці камуністычнай улады ў Польшчы і падрывалі аўтарытэт падпольных арганізацый.

Следства было закрыта 30 чэрвеня 2005 г. з-за сканчэння тэрміну даўнасці па прычыне смерці выканаўцаў і адсутнасці магчымасці высветліць іх асобы²². Гэта рашэнне было абскарджана чатырма асобамі (з 80 чалавек, якіх прызналі пацярпелымі), тым не менш акруговы суд Беластока ў лістападзе 2005 г. пакінуў рашэнне ў сіле. Гэта аргументавалася тым, што следства было праведзена добра-сумленна, а большасць выканаўцаў яшчэ ў канцы 1940-х – пачатку 1950-х гг. быў вынесены смяротны прысуд, частка з іх загінула ў баях. Суд адзначыў, што рашэнні аб забойствах прымаўся асабіста Р. Райсам, а таму адказнасць не можа пашырацца на ўсю арганізацыю – Нацыянальныя ўзброеныя сілы, у складзе якіх ён ваяваў.

Нягледзячы на вынікі следства і яго высновы, шэраг кансерватыўных польскіх палітычных і грамадскіх дзеячаў і гісторыкаў выступілі ў абарону Р. Райса. Яны тлумачылі яго ўчынкi тым, што беларусы падтрымлівалі камуністаў у міжваенны перыяд, у верасні 1939 г. віталі Чырвоную армію, прымалі актыўны ўдзел у сацыялістычных пераўтварэннях 1939–1941 гг., выдавалі палякаў органам НКУС, дапамагалі складаць спісы на вываз палякаў у Сібір і г. д. Такім чынам, на думку абаронцаў Р. Райса, беларусы «заслужылі» такое стаўленне да сябе. Дадатковым абвінавачаннем лічыцца тое, што беларусы звярталіся да савецкага кіраўніцтва з просьбамі перадаць БССР частку тэрыторыі Бельскага павета Польшчы. У пасляваенных умовах, калі палякі лічылі (а некаторыя і цяпер лічаць), што ў іх адабралі ўсходнія землі, гэта ўспрымалася як двайная здрада. У віну беларусам ставяць і тое, што яны падтрымлівалі пасляваенную ўладу ў Польшчы і супрацоўнічалі са спецслужбамі. У сувязі з гэтым у апраўданне Р. Райса сцвярджаецца, што падполле змагалася са спецслужбамі, а не з беларусамі як такімі. Быццам бы ў асноўным падполле дасылала апошнім лісты з пагрозамі або, «у выключных выпадках», расстрэльвала асобных людзей, каб запалохаць такім чынам вёску і прымусіць жыхароў выехаць з Польшчы.

Пра высокае прызнанне дзейнасці і заслуг капітана Р. Райса ў Польшчы сведчыць і тое, што яго імя было згадана ў экспазіцыі Музея гісторыі Другой сусветнай вайны. Праўда, такое рашэнне кіраўніцтва музея падверглася моцнай крытыцы ліберальных колаў [9, с. 224].

З канца 1980-х гг. імя Р. Райса прама ці ўскосна фігуруе ў публічнай прасторы Беласточчыны. Так, у 1989 г. на Доме кіно ў Беластоку, дзе ў 1949 г. адбываўся судовы працэс над Бурым, з'явілася памятная дошка з надпісам: «У гэтым будынку пасля вайны выносілі смяротны прысуд салдатам Падпольнай Польшчы» (над надпісам змяшчаюцца выява арла ў кароне і каталіцкі крыж, вакол арла – абрэвіатура АК). У 1999 г. у горадзе адбылася спецыяльная выстава, да якой быў выдадзены альбом «Праклятыя салдаты. Антыкамуністычнае ўзброенае падполле пасля 1944 г.». Пад фотаздымкам Р. Райса быў змешчаны каментарый: «Спаленне... вёсак было акцыяй у адказ на тое, што фурманаў злавілі ў пушчы

¹⁹Sledztwa S 28/02/Zi... (У дакуменце такія сведчанні пра расстрэл ставяцца пад сумненне. Як больш верагодныя падаюцца сведчанні членаў атрада Р. Райса, якія заяўлялі, што не ведалі прычын расстрэлу фурманаў. Такі падыход следчых выклікае здзіўленне, бо прыведзенае ў гэтым жа дакуменце заключэнне эксперта фактычна пацвярджае словы сведкаў-беларусаў. Пры гэтым акцэнт робіцца на тым, што спачатку фурманы былі расстраляны, а ўжо потым, магчыма, іх целы знявечылі.)

²⁰Ibid.

²¹Сярод сведкаў былі 15 байцоў з атрада Р. Райса, з якіх ніхто не прызнаўся ў забойстве фурманаў (гл.: Kowalik H. Pokaż jak się zęgnasz. Mimo upływu 60 lat nadal trwa sąd nad «Burym» za pacyfikację białoruskich wsi na Podlasiu // Wprost. Historia [Electronic resource]. URL: <https://historia.wprost.pl/reportaze-sadowe/524217/pokaz-jak-sie-zęgnasz.html> (date of access: 26.07.2020)).

²²Informacja o ustaleniach końcowych...

падчас нелегальнай вырубкі дрэў»²³. Уступ да альбома напісаў прэм'ер-міністр Е. Бузэк.

Інфармацыя пра Р. Райса і яго паплечнікаў рэгулярна з'яўлялася на прысвечаных «праклятым салдатам» выставах, арганізаваных Беларэспубліканскім аддзяленнем ІНП, мэта якіх – выхоўваць у маладога пакалення палякаў патрыятызм і пачуццё гонару за сваё мінулае.

З 2011 г. у Польшчы 1 сакавіка адзначаецца дзяржаўнае свята – Нацыянальны дзень памяці «праклятых салдат» (не з'яўляецца афіцыйным выхадным днём), калі ўзгадваюцца тыя, хто змагаўся з фашызмам і таталітарызмам (маецца на ўвазе савецкі ваярынт) і абараняў сваю радзіму. У шэрагу польскіх гарадоў з гэтай нагоды сталі праводзіць шэсці (з-за наяўнасці элементаў інсцэнізацыі іх яшчэ называюць маршам «праклятых салдат»). Таксама ў Польшчы 2013 г. быў аб'яўлены Годам «праклятых салдат».

Найбольшую актыўнасць у арганізацыі такіх маршаў праяўляе Нацыянальна-радыкальны лагер (НРЛ), які, паводле кіраўнікоў, бярэ вытокі з аднайменнай групы, што ўзнікла ў Польшчы ў 1934 г. Для абедзвюх арганізацый характэрны нацыяналізм, антысемітызм, клерыкалізм. На інтэрнэт-старонцы аб'яднання адзначаецца, што гэта таварыства маладых людзей, якім «блізкія такія каштоўнасці, як Бог, Гонар, Айчына, Сям'я, Традыцыя і Сяброўства». Сцвярджаецца, што ў сучаснай Польшчы прыходзіць новае пакаленне, якое прывядзе краіну да адраджэння²⁴. Акрамя таго, прадстаўнікі гэтай арганізацыі нясуць пасыл, згодна з якім грамадства заўсёды павінна памятаць, што змена ўсходняй мяжы пасля Другой сусветнай вайны стала вынікам «камуністычнага злачынства»²⁵.

У 2016 г. НРЛ правёў першы марш «праклятых салдат» у Гайнаўцы. Спачатку было заяўлена, што ён пройдзе пад патранатам прэзідэнта Польшчы А. Дуды. Аднак у апошні момант, пасля таго як у СМІ сталі пісаць, што для мясцовых беларусаў гэты марш

з'яўляецца пляўком у душу, бо іх блізкія былі забіты атрадам Р. Райса, адміністрацыя прэзідэнта заявіла, што ніякага патранату не будзе (і быццам бы і не планавалася)²⁶.

Пасля гэтага маршы польскіх нацыяналістаў у Гайнаўцы адбываюцца штогод (пры ціхай, негалосянай падтрымцы мясцовых улад). Падчас шэсця заўсёды станоўча згадваецца Р. Райс. Двойчы мясцовыя ўлады спрабавалі забараніць марш і двойчы суд палічыў гэта рашэнне незаконным²⁷.

Падчас маршаў назіраюцца спрэчкі з мясцовым насельніцтвам, якое арганізоўвае контракцыю па шляху руху калоны. Жыхары кажуць, што не выступаюць супраць «праклятых салдат», якіх лічаць героямі, аднак падкрэсліваюць, што тыя, хто забіваў тут людзей па нацыянальна-рэлігійнай прыкмеце, героямі не з'яўляюцца. Для радыкальных сіл такая пазіцыя раўназначная здрадзе. Пра гэта сведчаць хаця б лозунгі, якія гучаць на маршах: «Буря – наш герой», «Раз серпам, раз молатам у чырвоную галыцьбу»²⁸, «Смерць ворагам Айчыны», «На дрэвах замест лісця будучы вісець камуністы», «Нацыянальная Гайнаўка» і інш. Падчас канфліктаў удзельнікі маршаў прапануюць незадаволеным іх правядзеннем ехаць у Беларусь, задаюць апанентам пытанне, чаму тыя не выехалі з Польшчы раней, сцвярджаюць, што гэта польская зямля і дзяржава, дзе ўсе пытанні павінны вырашаць толькі палякі і г. д. У падтрымку сваёй пазіцыі польскія правыя здымаюць фільмы, вядуць прапагандысцкую работу, у якой выкарыстоўваюць польскіх парламентарыяў. Сярод кантраверсійных фільмаў можна назваць работу Е. Шакаліцкай «Двойчы быў пракляты» (2017), якая атрымала тры ўзнагароды на IX кінафестывалі «Непакорныя, нязломленыя, праклятыя», што праходзіў пад патранатам прэзідэнта Польшчы А. Дуды (Гдыня, 27–30 верасня 2017 г.)²⁹. У Беластоку паказ стужкі быў арганізаваны мясцовым аддзяленнем ІНП³⁰.

²³ Kowalik H. Pokaż jak się żegnaś. Mimo upływu 60 lat... (Прычына забойства беларусаў у гэтым выпадку вызначана памылкова. Яны былі накіраваны мясцовымі ўладамі для вызву драўніны з лесу. Аднак сам факт такога запісу сведчыць пра спробы маніпуляцыі калектыўнай памяццю. Больш падрабязна пра стратэгіі фарміравання памяці гл. [8, с. 86–88]).

²⁴ Obóz Narodowo-Radykalny [Electronic resource]. URL: <https://www.onr.com.pl/czym-jest-onr/> (date of access: 06.10.2018).

²⁵ Polska Jutra. Deklaracja Ideowa Obozu Narodowo-Radykalnego [Electronic resource]. URL: <https://www.onr.com.pl/deklaracja-ideowa/> (date of access: 06.10.2018).

²⁶ Celej P. Ludobójca czy patriota – kim był Romuald Rajs «Bury» z plakatu marszu, któremu miał patronować prezydent Duda? [Electronic resource]. URL: <https://natemat.pl/171467,ludobojca-czy-patriota-kim-byl-romuald-rajs-bury-z-plakatu-marszu-pod-patronatem-prezydenta-dudy#> (date of access: 06.10.2018); Gaafar A. Andrzej Duda miał objąć patronatem marsz ONR, ale... skasował wpis i wszystkiego się wypiera [Electronic resource]. URL: <https://natemat.pl/171483,andrzej-duda-objal-patronatem-marsz-onr-po-czym-skasowal-wpis-i-wszystkiego-sie-wypiera> (date of access: 26.07.2020).

²⁷ Wieczeryńska S., Fiłończuk R. W Zaleszanych upamiętniono ofiary pacyfikacji wsi w styczniu 1946 r. // Portal Historyczny [Electronic resource]. URL: <https://dzieje.pl/aktualnosci/w-zaleszanych-upamietniono-ofiary-pacyfikacji-wsi-w-styczniu-1946-r> (date of access: 26.07.2020); Iwaniuk J. Radni Hajnówki przeciwko upamiętnianiu «Burego» podczas marszu // Polskie Radio Białystok [Electronic resource]. URL: <https://www.radio.bialystok.pl/wiadomosci/index/id/179660> (date of access: 26.07.2020).

²⁸ У такіх выказваннях праяўляецца ўкараэнае ў Польшчы меркаванне, што тыя, хто падтрымліваў камуністаў, прадстаўлялі найбяднейшыя слаі грамадства, а да такіх, без сумнення, належалі беларусы Падляшша (і ў больш шырокім сэнсе Заходняй Беларусі).

²⁹ Nagrody IX Festiwalu Filmowego Niepokorni Niezłomni Wyklęci zostały przyznane. Gdynia, 27–30 września 2017 [Electronic resource]. URL: <https://gdansk.ipn.gov.pl/pl2/aktualnosci/42039,Nagrody-IX-Festiwalu-Filmowego-Niepokorni-Niezłomni-Wyklęci-zostaly-przyznane-Gd.html> (date of access: 26.07.2020).

³⁰ Pokaz autorski filmu «Podwójnie wyklęty» z udziałem reżyser Ewy Szakalickiej. Białystok, 10 marca 2018 [Electronic resource]. URL: <https://bialystok.ipn.gov.pl/pl1/aktualnosci/48367,Pokaz-autorski-filmu-Podwójnie-wyklęty-z-udziałem-reżyser-Ewy-Szakalickiej-Biał.html> (date of access: 26.07.2020).

У 2016 г. быў выдадзены адкрыты ліст нашчадкаў Р. Райса, прадстаўнікоў Саюза салдат НВА, гісторыкаў, дзеячаў культуры «ў абарону памяці і гонару камандуючага 3-й Віленскай брыгадай Нацыянальнага ваеннага аб'яднання» капітана Рамуальда Райса Бурага. У звароце адзначаецца, што Р. Райс вёў барацьбу ў межах «агульнапольскага антыкамуністычнага паўстання», на супрацьлеглым баку якога былі забітыя ім жыхары вёсак Залешаны, Вулка Выганоўская, Зань і Шпакі. У якасці абгрунтавання справядлівасці дзеянняў Бурага прыводзіцца наступная інфармацыя: «У незалежнай Польшчы яны (забітыя жыхары згаданых вёсак. – Л. К.) былі дзеячамі і супрацоўнікамі Камуністычнай партыі Заходняй Беларусі, якія заяўлялі пра жаданне адарваць Падляшша і Беласточчыну ад Айчыны-маці, каб далучыць польскія землі да Савецкага Саюза. Падчас савецкай акупацыі гэтыя ж самыя людзі былі супрацоўнікамі савецкай ваеннай разведкі Смерш і НКВС, якія праследавалі “ворагаў савецкай улады”. 19 красавіка 1945 г. прызначаны Саветамі беластоцкай ваявода выдаў распараджэнне аб стварэнні Вясковай службы парадку... якая мела агнястрэльную зброю, каб страляць у бок Бурага і яго салдат. Былыя дзеячы КПЗБ становіліся ўзброенымі савецкімі калабарантамі, якія палявалі на салдат незалежніцкага падполля, каб выдаць іх у рукі камуністычных улад. У гэтым сэнсе акцыя Бурага мела абарончы характар, бо забівалі даносчыкаў, гатовых выдаць на смяротны прысуд звыш 200 салдат 3-й Віленскай брыгады НВА. Дзеянні капітана Бурага знаходзяцца ў этычных межах...»³¹ Смерць жанчын і дзяцей аўтары ліста спісвалі на пабочны эффект барацьбы ці дзеяння асобных салдат.

Як бачым, у сучаснай Польшчы дзеянні Р. Райса ацэньваюцца не з пункта гледжання маралі і гуманістычных каштоўнасцей, а з пазіцый палітычных інтарэсаў дзяржавы, як іх бачаць пэўныя групы. Гэта сведчыць пра тое, што дыскусія выходзіць за межы гістарычнай навукі, дзе, як сцвярджае польскі даследчык прафесар Беластоцкага ўніверсітэта Э. Мірановіч, Р. Райс і яго падначаленыя выступаюць злачынцамі, а не нацыянальнымі героямі³². Такім чынам, нягледзячы на добравядомыя факты, зада-

чы антыкамуністычнай гістарычнай палітыкі даюць маральнае права для гераізацыі ўсіх, хто змагаўся з прасавецкай уладай у Польшчы. А гэта вядзе да рэлятывізацыі такой фундаментальнай агульначалавечай каштоўнасці, як права на жыццё.

Яшчэ адным сведчаннем гераізацыі Р. Райса з'яўляецца згадванне яго імя на адкрытым у 2018 г. у гміне Пасвентне помніку. Надпіс на ім гучыць наступным чынам: «У гонар салдат 3-й Віленскай брыгады Нацыянальнага ваеннага аб'яднання капітана Рамуальда Райса Бурага, падпаручніка Казімежа Хмялёўскага Рэкіна 6-й Віленскай брыгады Арміі краёвай, падпаручніка Люцыяна Мінкевіча Віктара, падпаручніка Уладыслава Лукасіка Млота, якія 28 красавіка 1946 г. пад Бжаховымі Музыламі перамаглі ў баі з аперацыйнай групай УБ, ГМ і КУБ³³. Удзячныя крэўныя». Ва ўрачыстасці адкрыцця помніка прымалі ўдзел прадстаўнікі органаў мясцовага самакіравання, віцэ-ваявода Палескага ваяводства, дэпутат ад партыі «Права і справядлівасць» Д. Піянткоўскі і каталіцкія святары. Аднак у хуткім часе хтосьці напісаў на ім «забойцы» і закрэсліў імя Р. Райса³⁴.

Здавалася б, у сітуацыі, калі дзеянні Р. Райса на Беласточчыне ў студзені – лютым 1946 г. атрымалі адназначную ацэнку следства, ІНП павінен прытрымлівацца як мінімум нейтральнай пазіцыі ў дачыненні да мерапрыемстваў, дзе згадваецца яго імя. Аднак тут умешваецца палітыка.

Прадстаўнікі партыі «Права і справядлівасць», якія прыйшлі да ўлады ў 2005 г., выразна заявілі пра неабходнасць пераацэнкі падзей гісторыі і стварэнне новага наратыву. Аднак толькі з 2015 г., калі партыя перамагла на парламенцкіх і прэзідэнцкіх выбарах і сканцэнтравала ўладу ў сваіх руках, гэтыя ідэі пачалі ўвасабляцца ў жыццё. Падчас інаўгурацыйнай прамовы прэзідэнт А. Дуда зазначыў, што сучасная Польшча «часта патрабуе абароны, патрабуе абароны яе добрага імя», а таму існуе неабходнасць правядзення актыўнай гістарычнай палітыкі як унутры краіны, так і за яе межамі: «Мы, палякі, маем вялікую гісторыю... якой павінны ганарыцца. Мы павінны гаварыць праўду, а таксама мы павінны змагацца за праўду ў адносінах з нашы-

³¹ Grupa naukowców, dziennikarzy i działaczy społecznych wystosowała list w obronie dobrego imienia kapitana Romualda Rajsa pseudonim «Bury» [Electronic resource]. URL: <https://kresy.pl/wydarzenia/list-otwarty-w-obronie-kapitana-burego/> (date of access: 26.07.2020). (Праведзенае ІНП следства, як і сучасныя навуковыя даследаванні, паказвае, што ў вясковых жыхароў не было зброі для аказання супраціву, а калі яна і з'явілася, то пасля падзей, якія апісваюцца ў звароце [13]. Гл. таксама: Informacja o ustaleniach końcowych...)

³² Dla Białorusinów «Bury» to symbol okrucieństwa i zbrodni. Z prof. Eugeniuszem Mironowiczem, historykiem z Uniwersytetu w Białymstoku, rozmawia Przemysław Prekiel [Electronic resource]. URL: <https://wolnemedi.net/dla-bialorusinow-bury-to-symbol-okrucienstwa-i-zbrodni/> (date of access: 05.10.2018).

³³ Упраўленне бяспекі, грамадзянская міліцыя, корпус унутранай бяспекі, з дапамогай якіх адбывалася ўсталяванне пракамуністычнай улады ў Польшчы і вялася барацьба з узброеным падполлем.

³⁴ Chłódowski M. «Bury» bohaterem pomnika w Poświętnem. Komentarze: «Bandycie stawiają pomnik» // Gazeta Wyborcza [Electronic resource]. 2018. 26 lip. URL: <https://bialystok.wyborcza.pl/bialystok/7,35241,23719343,bury-bohaterem-pomnika-w-poswietnem-komentarze-bandycie.html> (date of access: 26.07.2020) ; Poświętne. Pomnik żołnierzy wykłetych zdewastowany. Zamazany Bury. Policja już prowadzi dochodzenie // Kurjer Poranny [Electronic resource]. 2018. 3 sier. URL: <https://poranny.pl/poswietne-pomnik-zolnierzy-wykletych-zdewastowany-zamazany-bury-policja-juz-prowadzi-dochodzenie/ar/13387960> (date of access: 27.07.2020).

мі суседзімі...»³⁵ Ацэньваючы словы прэзідэнта А. Дуды, трэба ўлічваць, што ў барацьбе за электарат партыя «Права і справядлівасць» часта прыбягае да антыкамуністычнай і нацыяналістычнай рыторыкі, а таму і гісторыю свайго народа і краіны разглядае менавіта з такой пазіцыі. Пра гэта сведчыць і выступленне прэзідэнта на сустрэчы з прадстаўнікамі навуковай супольнасці ў лістападзе 2015 г., падчас якой абмяркоўваліся пытанні распрацоўкі стратэгіі польскай гістарычнай палітыкі. На ёй А. Дуда заявіў пра неабходнасць «паказаць гісторыю так, як у дадзены момант будзе найбольш карысным з палітычнага пункта гледжання для нашай краіны. Нашай задачай з'яўляецца фарміраванне патрыятызму палякаў, мы павінны фарміраваць грамадзянскую пазіцыю»³⁶.

Задачу па рэалізацыі такога варыянта гістарычнай палітыкі выконвае ІНП, частка супрацоўнікаў якога з 2015 г. актыўна ўдзельнічаюць у палітычным жыцці краіны, праводзячы кансерватыўную і нацыяналістычную гістарычную палітыку ў адпаведнасці з тым, як яе разумеюць лідары кіруючай партыі³⁷.

Сведчаннем змен у пазіцыі ІНП, які мае найлепшыя фінансавыя і арганізацыйныя магчымасці для ўплыву на грамадства, стала выданне ў 2019 г. «Заявы ў справе інфармацыі, якая змяшчаецца ў канчатковых высновах следства S 28/02/Zi ў справе забойства 79 асобаў – вяхароў павета Бельска-Падляскага,

у тым ліку 30 так званых фурманаў у лесе каля Старых Пухал, якое было здзейснена ў перыяд з 29 студзеня па 2 лютага 1946 г.»³⁸ У дакуменце адзначаецца, што «ў святле новых навуковых даследаванняў выніковая інфармацыя следства (пра тое, што дзеянні атрада Райса былі накіраваны супраць чалавецтва і мелі прыкметы генацыду. – Л. К.) не адпавядае фактычным даным»³⁹. У якасці абгрунтавання такога рашэння былі названы некалькі публікацый, якія выйшлі ў Польшчы ў 2016–2018 гг.⁴⁰ Іх аўтары сцвярджаюць, што Р. Райс «меў магчымасць спаліць не пяць, а значна больш беларускіх вёсак у Бельскім павеце. <...> Мы лічым, што не праваслаўнае веравызнанне і беларуская нацыянальнасць былі прычынай, па якой гэтыя людзі загінулі ад рук партызан 3-й Віленскай брыгады АК»⁴¹. У гэтых і іншых публікацыях фактычна абгрунтоўваецца адсутнасць прыкмет генацыду ў дзеяннях атрада Р. Райса. Ва ўсіх згаданых выданнях даказваецца, што беларусы пацярпелі за тое, што падтрымлівалі камуністычны рэжым. Аднак працы, на якія спасылкаецца ІНП, атрымалі ў свой час разгромныя навуковыя рэцэнзій з боку спецыялістаў па гісторыі руху Супраціўлення і антысавецкага падполля ў Цэнтральна-Усходняй Еўропе⁴².

У заяве ІНП са спасылкай на згаданы вышэй закон 1991 г. сцвярджаецца, што прызнанне прысуду несправядлівым раўназначнае зняццю ўсіх абвінавачанняў⁴³. Адпаведна, паводле ІНП,

³⁵ Andrzej Duda w swoim pierwszym orządzu: aktywna polityka historyczna jest potrzebna [Electronic resource]. URL: <https://histmag.org/Andrzej-Duda-w-swoim-pierwszym-oredziu-aktywna-polityka-historyczna-jest-potrzebna-11612/> (date of access: 03.10.2020).

³⁶ Zapis spotkania inaugurujuce prace nad powstaniem Strategii Polskiej Polityki Historycznej w Belwedrze, 17 listopada 2015 r. S. 5 [Electronic resource]. URL: <https://www.prezydent.pl/kancelaria/dzialalnosc-kancelarii/art,18,zapis-spotkania-dot-strategii-polskiej-polityki-historycznej.html> (date of access: 03.10.2020).

³⁷ Праўда, далёка не ўсе супрацоўнікі ІНП падтрымліваюць такі варыянт гістарычнай палітыкі і адлюстравання гістарычнага мінулага.

³⁸ Гаворка ідзе пра следства ІНП, якое было спынена ў 2005 г.

³⁹ Komunikat dotyczący informacji zawartych w ustaleniach końcowych śledztwa S 28/02/Zi w sprawie pozbawienia życia 79 osób – mieszkańców powiatu Bielsk Podlaski, w tym 30 osób tzw. furmanów w lesie koło Puchał Starych, dokonanych w okresie od dnia 29 stycznia 1946 r. do dnia 2 lutego 1946 r. [Electronic resource]. URL: <https://ipn.gov.pl/pl/dla-mediow/komunikaty/67471,Komunikat-dotyczacy-informacji-zawartych-w-ustaleniach-koncowych-sledztwa-S-2802.html> (date of access: 26.07.2020).

⁴⁰ У дакуменце змяшчаецца пералік гэтых прац (Krajewski K., Wąsowski G. Kapitan Romuald Rajs a Białorusini – fakty i mit // Glaukopis. Pismo społeczno-historyczne. 2016. Nr 33 ; Krajewski K., Wąsowski G. Kpt. Romuald Rajs «Bury» na kartach książki «Skazy na pancerniach», czyli prawda według Piotra Zychowicza // Glaukopis. Pismo społeczno-historyczne. 2019. Nr 36. URL: http://podziemiezbrojne.blox.pl/resource/Bury_vs_Zychowicz.2018.pdf ; Bechta M., Muszyński W. J. Przeciwno Pax Sovietica. Narodowe Zjednoczenie Wojskowe i struktury polityczne Ruchu Narodowego wobec reżimu komunistycznego 1944–1956. Warszawa : IPN, 2017 ; Ostapiuk M. Komendant «Bury». Biografia kpt. Romualda Adama Rajsa «Burego» (1913–1949). Białystok : Olsztyn ; Warszawa: IPN, 2019). Паказальна, што К. Краеўскі і Г. Вансавіч прадстаўляюць фонд «Памятаем», на інтэрнэт-старонцы якога пазначана, што яго асноўнай задачай з'яўляецца «вяртанне грамадскай памяці пра людзей, якія ў другой палове 40-х – пачатку 50-х гадоў мінулага стагоддзя вялі ўзброеную барацьбу супраць камунізму» (гл.: <http://www.fundacijapamietamy.pl/cele-fundacji>). З поглядамі і асноўнымі ідэямі М. Астапюка, які з'яўляецца супрацоўнікам ІНП, можна пазнаёміцца ў інтэрв'ю з ім (M. Ostapiuk: Tragedia w Zaleszanych nie jest chlubną kartą w życiorysie kpt. Rajsa // Portal historyczny [Electronic resource]. URL: <https://dzieje.pl/aktualnosci/m-ostapiuk-tragedia-w-zaleszanych-nie-jest-chlubna-karta-w-zyciorysie-kpt-rajsa> (date of access: 26.07.2020)).

⁴¹ Цыт. па: Chotłowski M. IPN: «Bury» niewinny. Przedstawiciele mniejszości białoruskiej zbulwersowani // Gazeta Wyborcza [Electronic resource]. 2019. 11 marca. URL: <https://bialystok.wyborcza.pl/bialystok/7,35241,24538365,ipn-bury-niewinny-przedstawiciele-mniejszosci-bialoruskiej.html> (date of access: 26.07.2020).

⁴² Гл., напрыклад, рэцэнзіі на кнігу М. Астапюка дырэктара Інстытута палітычных даследаванняў Польскай акадэміі навук прафесара Г. Матыкі (Motyka G. Książce IPN o «Bury» bliżej do «Trylogii» Sienkiewicza niż do prawdy naukowej // Gazeta Wyborcza [Electronic resource]. 2019. 20 marca. URL: <https://wyborcza.pl/alehistoria/7,162654,24567164,ksiazke-ipn-o-bury-blizej-do-trylogii-sienkiewicza-niz-do.html> (date of access: 26.07.2020)), супрацоўніцы Шчэцінскага аддзялення ІНП М. Семчышын (Semczyszyn M. Pacyfikacja pięciu wsi. O ciemnych kartach biografii kapitana Romualda Rajsa «Burego» // Kwart. historyczny. 2020. Rocz. 127, Nr 2. S. 369–396.

⁴³ Komunikat dotyczący informacji...

рэабілітаваны ў 1995 г. Р. Райс невінаваты ў забойстве беларусаў.

Пазіцыя інстытута выклікала вялікую дыскусію ў прэсе і абурэнне беларусаў Польшчы. У адказ на гэта выконваючы абавязкі дырэктара Бюро інфармацыі і камунікацыі з грамадствам ІНП Д. Качванска-Каліта зазначыла, што Бюро гістарычных даследаванняў пры інстытуце і Камісія па расследаванні злачынстваў супраць польскага народа працуюць незалежна адно ад аднаго. Разам з тым яны абменьваюцца інфармацыяй па меры неабходнасці. Пры гэтым «спецыфіка і мэты пракурорскага расследавання, якое рэалізуецца ў прававых межах, адрозніваюцца ад асноў і мэт даследавання навукоўцаў, якія арыентуюцца на падрыхтоўку камплементарных навуковых публікацый»⁴⁴. Адзначалася, што меркаванне гісторыка не мае юрыдычнай сілы і можа разыходзіцца з меркаваннем следства. Атрымліваецца, што абвінавачанні ў генацыдзе з Р. Райса не здымаюцца, але яго дзейнасць у цэлым ацэньваецца станоўча.

Міністр замежных спраў Польшчы Я. Чапутовіч, каментуючы ў сейме заяву ІНП пра «памылковасць» высноў следства і абвяржэнне абвінавачання Р. Райса ў генацыдзе, зазначыў, што «існуюць розныя інтэрпрэтацыі гісторыі, якія могуць змяняцца пад уплывам новых інтэрпрэтацый, ці новых доказаў, ці новых фактаў», і прапанаваў пачакаць новых даследаванняў ІНП у гэтай справе⁴⁵.

Такім чынам, польская гістарычная палітыка пачынае вызначаць падыходы да гісторыяпісання, якое адыходзіць ад навуковых стандартаў.

Калі гаворка ідзе пра палітыку памяці ў дачыненні да дзейнасці атрада капітана Р. Райса на Беласточчыне, то неабходна браць пад увагу меркаванне мясцовых беларусаў як часткі польскага грамадства. Доўгі час яны імкнуцца захоўваць памяць пра трагедыю, якая адбылася ў студзені – лютым 1946 г., аднак гэта барацьба за памяць ідзе ў надзвычай складаных умовах і пры няроўных сілах і магчымасцях.

У 1951 г. цэлы 27 забітых фурманаў-беларусаў былі эксгумаваны і пахаваны на каталіцкіх могілках у в. Кліхі. Аднак толькі ў 1989 г. блізкія даведаліся пра месца іх апошняга спачыну, а праз некалькі гадоў і пра тое, дзе знаходзяцца астанкі яшчэ трох чалавек. З гэтага часу беларусы, аб'яднаўшыся ў Грамадскі камітэт па эксгумацыі астанкаў асоб, забітых каля в. Старыя Пухалы, пачалі барацьбу з мясцовымі

органами ўлады за перапахаванне забітых на могілках каля царквы ў Бельску-Падляскім. Гэта адбылося толькі ў 1997 г. Аднак узнікла праблема з помнікам, на ўсталяванне якога мясцовыя ўлады не давалі згоды. Ім не падабаўся прапанаваны надпіс: «У знак пашаны да забітых узброеным падполлем», які, паводле іх, быў вельмі агульным. У 2001 г. падляшскі ваявода К. Лукашук афіцыйна выступіла супраць характарыстыкі дзейнасці Р. Райса як злачыннай. Яе падтрымалі Савет аховы памяці барацьбы і пакутніцтва і Міністэрства культуры і нацыянальнай спадчыны Рэспублікі Польшчы. У выніку грамадскі камітэт быў вымушаны звярнуцца ў суд наконт пытання аб усталяванні помніка [8, s. 82].

Толькі ў 2002 г. на сродкі сямей забітых быў пастаўлены помнік на магіле фурманаў. Надпіс на ім гучыць наступным чынам: «Божа! Няхай у цябе яны маюць тое, што ў іх забралі, а жывыя ніколі не зазнаюць такога лёсу». На бакавых элементах пазначана: «У знак пашаны да забітых Аддзелам хуткай спецыяльнай акцыі НВА капітана Рамуальда Райса (псеўданім – Буры)»⁴⁶. Такім чынам, першапачатковыя надпісы «У гонар іх памяці» і «У знак пашаны да забітых польскім падполлем» былі зняты. Праз некалькі дзён пасля адкрыцця помніка невядомыя аблілі яго гарачым парафінам [8, s. 82].

Гісторыя забойства беларусаў зімой 1946 г. была прадстаўлена ў дакументальным фільме рэжысёра Е. Каліны «...Як і мы даруем...» (1999, у 2 ч.)⁴⁷. Гэты ж сюжэт стаў асновай дакументальнага фільма А. Арнальд «Герой» (2002), у якім яна раскрывала злачынную дзейнасць Р. Райса на Беласточчыне ў першыя пасляваенныя гады⁴⁸. Выхад стужкі выклікаў вялікую дыскусію ў польскім грамадстве і навуковых колах, якая ў тым ліку падштурхнула сем'і забітых выступіць з пратэстам супраць прысуду 1995 г.

Умоўным працягам згаданай гісторыі можна лічыць новы фільм Е. Каліны «Сярожа» (2015)⁴⁹, у якім раскрываецца жыццё Сяргея Нічыпарука – ураджэнца в. Залешаны. У абодвух фільмах гэтага рэжысёра назіраецца імкненне паказаць трагедыю людзей у 1946 г. і лёс беларусаў, сем'і якіх яна напаткала, а не рабіць акцэнт на дзейнасці Р. Райса.

Помнік у Бельску-Падляскім не з'яўляецца адзіным месцам памяці беларусаў. У в. Залешаны ў 1965 г. быў пастаўлены помнік жыхарам, якія загінулі зімой 1946 г. На ім быў зроблены надпіс: «19 студзеня 1946 г. банда рэакцыйнага падпол-

⁴⁴IPN: nie prowadzimy nowego postępowania w sprawie Romualda Rajsa «Burego» // Portal historyczny. URL: <https://dzieje.pl/aktualnosci/ipn-nie-prowadzimy-nowego-postepowania-w-sprawie-romualda-rajsa-burego> (date of access: 26.07.2020).

⁴⁵Czaputowicz o sprawie «Burego»: nowe fakty mogą zmieniać interpretacje [Electronic resource]. URL: <https://www.tvp.info/41744029/czaputowicz-o-sprawie-burego-nowe-fakty-moga-zmieniac-interpretacje> (date of access: 26.07.2020).

⁴⁶На польскай мове надпіс гучыць так: «W hołdzie pomordowanym przez Oddział PAS NZW kpt. Romualda Rajsa ps „Bury»».

⁴⁷Kalina J. ...Jako i my odpuszczamy... Cz. 1 [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ebIQLSXcPsc> (date of access: 03.10.2020) ; Kalina J. ...Jako i my odpuszczamy... Cz. 2 [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1xT4iBYtLw> (date of access: 03.10.2020).

⁴⁸Arnold A. Bohater [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=To8OWLnCIBU> (date of access: 26.07.2020).

⁴⁹Kalina J. Sieroża [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Evg0jBvjCdM> (date of access: 03.10.2020).

ля зверскім чынам забіла 14 чалавек, у тым ліку 6 дзяцей – жыхароў в. Залешаны. Вечная ім памяць. Май 1965 г.»⁵⁰ У 2020 г. помнік быў адрамантаваны, праўда, скандал выклікала тое, што гэта было зроблена на сродкі таварыства «Курск», якое лічыцца пракрамлёўскім. Польскія ўлады не знайшлі грошай нават на касметычны рамонт⁵¹.

Памяць пра забітых беларусаў увекавечана і на помніку, які ў 2012 г. быў пастаўлены каля царквы Святога Духа ў Беластоку. Надпіс на ім гучыць наступным чынам: «Праваслаўным ахвярам Другой светнай вайны, мучанікам за веру і нацыянальнасць у 1939–1956 гг. Святым Падляшскай зямлі». У аснове помніка стаіць камень, на якім пералічаны некаторыя вёскі, жыхары якіх загінулі ў 1939–1956 гг.: Канцавізна, Папувка, Патокі, Райск, Сыпне, Шпакі, Вулка Выганоўская, Зань, Залешаны⁵².

З 2018 г. у Гайнаўцы каля помніка ахвярам войнаў, гвалту і рэпрэсій праходзіць акцыя «Вечная памяць». Яе арганізатары падкрэсліваюць, што падзеі мінулага не павінны дзяліць народы і выходцаў у іх варожае стаўленне адзін да аднаго. У межах іншага праекта – «Наша памяць» – праводзяцца выставы, арганізаваныя Беларускай гістарычным таварыствам і фондам *Kamunikat.org*, прысвечаныя польска-беларускаму адносінам на Падляшшы ў першыя пасляваенныя гады⁵³. Іх ініцыятары адзначаюць, што мэтай праекта з’яўляецца «захаванне памяці пра цывільных асоб, што загінулі ў выніку дзеянняў, якія маюць прыкметы генацыду і этнічных чыстак. Наша пазіцыя заключаецца ў памяці пра тыя ахвяры і будаўніцтва помнікаў. Памяць не пра

забойцаў, а пра іх нявінных ахвяр. Мы хочам, каб на гэтых помніках былі і надпісы на беларускай мове, бо загінуўшыя былі беларусамі»⁵⁴.

У беларускім асяроддзі на працягу ўсяго разглядаемага перыяду тэма трагедыі, якая адбылася ў студзені – лютым 1946 г., пастаянна ўздымаецца ў газеце «Ніва» і часопісе «Праваслаўны агляд» («Przeгляд Prawosławny») (падрабязней гл. [9, s. 226–227]), аднак доўгі час нават у размовах з журналістамі гэтых выданняў беларусы баяліся называць свае імёны⁵⁵.

У студзені 2020 г. у Залешанах прайшлі ўрачыстыя мерапрыемствы з нагоды 74-й гадавіны пацыфікацыі вёскі атрадам пад камандаваннем Р. Райса. У іх прынялі ўдзел родныя ахвяр, прадстаўнікі мясцовай адміністрацыі, дэпутаты сейма ад левых сіл⁵⁶.

Польская аўтакефальная праваслаўная царква (ПАПЦ) у чэрвені 2003 г. далучыла людзей, якія загінулі ад рук байцоў атрада Р. Райса, да ліку мучанікаў⁵⁷. Восенню 2019 г. сабор ПАПЦ прыняў рашэнне аб далучэнні забітых фурманаў да ліку мучанікаў хелмскіх і падляшскіх. Урачыстасці з гэтай нагоды прайшлі ў ліпені 2020 г. на тэрыторыі жанолага манастыра Святой Велікамучаніцы Кацярыны ў Залешанах. Пры гэтым падчас мерапрыемстваў не былі названы вінаватыя ў іх забойстве, хаця ўсе разумелі, што гаворка ішла пра атрад Р. Райса⁵⁸.

Такім чынам, беларусы Польшчы захоўваюць і трансліруюць уласныя наратыў аб трагедыі 1946 г. Яны жадаюць, каб польская дзяржава афіцыйна прызнала забойства мірных жыхароў атрадам пад камандаваннем Р. Райса, што праявілася б, напрыклад, у выплаце кампенсацыі сем’ям ахвяр.

⁵⁰ «Za co zabili tych chłopców, co się jeszcze golić nie zaczęli?» // Magazyn TVN24 [Electronic resource]. URL: <https://tvn24.pl/magazyn-tvn24/za-co-zabili-tych-chlopcow-co-sie-jeszcze-golic-nie-zaczeli>, 85,1699 (date of access: 26.07.2020).

⁵¹ «Trzeba było coś zrobić» – reportaż Żmiciera Kościna // Polskie Radio Białystok [Electronic resource]. URL: <https://www.radio.bialystok.pl/reportaz/index/id/178720> (date of access: 27.07.2020); *Kościn Ż.* Kontrowersje wokół remontu pomnika ku czci ofiar pacyfikacji w Zaleszanych // Polskie Radio Białystok [Electronic resource]. URL: <https://www.radio.bialystok.pl/wiadomosci/index/id/178730> (date of access: 27.07.2020).

⁵² Pomnik prawosławnych mieszkańców Białostocczyzny zabitych i zaginionych w latach 1939–1956 [Electronic resource]. URL: https://pl.wikipedia.org/wiki/Pomnik_prawoslawnych_mieszkan%C5%82awnych_mieszka%C5%84c%C3%B3w_Bia%C5%82ostocczyzny_zabitych_i_zaginionych_w_latach_1939%E2%80%931956 (date of access: 26.07.2020).

⁵³ Mieszkańcy Hajnówki upamiętnili ofiary pacyfikacji kilku wsi sprzed 73 lat // Portal historyczny. URL: <https://dzieje.pl/aktualnosci/mieszkanicy-hajnowki-upamietnili-ofiary-pacyfikacji-kilku-wsi-sprzed-73-lat> (date of access: 26.07.2020); W Zaleszanych można zobaczyć na fotografiach historię stosunków polsko-białoruskich // Polskie Radio Białystok [Electronic resource]. URL: <https://www.radio.bialystok.pl/wiadomosci/index/id/164891> (date of access: 26.07.2020).

⁵⁴ Наша памяць / Nasza pamięć / Our memory [Электронны рэсурс]. URL: https://www.facebook.com/pg/naszapamiec/about/?ref=page_internal (дата звароту: 26.07.2020).

⁵⁵ На гэта звярнула ўвагу журналістка беластоцкай газеты «Ніва» Ганна Кандрацюк, калі рыхтавала матэрыял пра дзейнасць Грамадскага камітэта па эксгумацыі астанкаў асоб, забітых каля в. Старыя Пухалы. Аўтар тлумачыць імкненне беларусаў застацца ананімнымі бясціллем і страхам помсты. (Гл.: *Кандрацюк Г.* Нам трэба спяшацца // *Ніва*. 1997. 9 лют. С. 1, 4).

⁵⁶ Cerkiew kanonizuje zamordowanych przez oddział Burego. Uroczystości w Zaleszanych, Szpakach, Puchałach Starych, Zaniach, Maleszach i Brańsku [Electronic resource]. URL: <https://bielsk.eu/bielsk-podlaski/29019-cerkiew-kanonizuje-zamordowanych-przez-oddzial-burego-uroczystosci-w-zaleszanych-szpakach-puchalach-starych-zaniach-maleszach-i-bransku> (date of access: 27.07.2020).

⁵⁷ Chołodowski M. Podlaskie. Uroczystości ku czci prawosławnych ofiar żołnierzy «Burego» // Gazeta Wyborcza [Electronic resource]. 2020. 23 lipc. URL: <https://bialystok.wyborcza.pl/bialystok/7,35241,26152125,podlaskie-uroczystosci-ku-czci-prawoslawnych-ofiar-zolnierzy.html?disableRedirects=true> (date of access: 27.07.2020).

⁵⁸ Próchnicka I. Cerkiew ogłosiła nowych męczenników podlaskich – ofiary pacyfikacji Zaleszan i okolicznych miejscowości // Portal Historyczny. URL: <https://dzieje.pl/dziedzictwo-kulturowe/cerkiew-oglosila-nowych-meczennikow-podlaskich-ofiary-pacyfikacji-zaleszan-i> (date of access: 26.07.2020); Cerkiew kanonizuje zamordowanych przez oddział Burego. Uroczystości w Zaleszanych, Szpakach, Puchałach Starych, Zaniach, Maleszach i Brańsku [Electronic resource]. URL: <https://bielsk.eu/bielsk-podlaski/29019-cerkiew-kanonizuje-zamordowanych-przez-oddzial-burego-uroczystosci-w-zaleszanych-szpakach-puchalach-starych-zaniach-maleszach-i-bransku> (date of access: 27.07.2020).

Заклучэнне

З 1990 г. у Польшчы адбываецца перагляд савецкага гістарычнага наратыву, вяртанне забытых імён, ажыццяўляецца спроба даць ацэнку гісторыі XX ст. і знайсці тых падзеі і тых асоб, якія маглі б стаць знакавымі ў справе аб'яднання польскай нацыі, паспрыяць фарміраванню пачуцця гонару за мінулае і патрыятызму. Сярод тых, каго на працягу апошніх 30 гадоў польскія ўлады прыводзяць у якасці ўзору паводзін і маральнага аўтарытэту, выступаюць салдаты пасляваеннага ўзброенага супраціву, ці «праклятыя салдаты». Аднак у барацьбе за незалежнасць Польшчы яны здзяйснялі не толькі слаўныя ўчынкі. Ганебным бокам іх мінулага выступаюць запалохванне і забойствы мірных жыхароў, знішчэнне вёсак. На Беласточчыне ў дачыненні да мясцовых беларусаў так дзейнічаў атрад на чале з капітанам Р. Райсам (Бурым). І ён быў не адзіным крывавым «героем». Пасля заканчэння вайны ў кожнай беларускай вёсцы былі ахвяры дзейнасці «праклятых салдат».

З сярэдзіны 2000-х гг. у Польшчы праводзіцца гістарычная палітыка, якая з 2015 г. выступае адным з прыярытэтаў у дзейнасці кіруючай партыі «Правы і справядлівасць». Імкненне аб'яднаць польскае грамадства на аснове патрыятызму і нацыяналізму, падкрэсліць мартыралагічны складнік польскай гісторыі прывяло да таго, што на публічным узроўні польскія ўлады і галоўны праваднік іх гістарычнай палітыкі – ІНП фактычна адмаўляюць наяўнасць у дзеяннях атрада пад камандаваннем Р. Райса

прыкмет генацыду і тлумачаць яго ўчынкі высокімі дзяржаўнымі інтарэсамі. Такая пазіцыя, з аднаго боку, выклікае абурэнне часткі грамадства і вядзе да напружанасці ў польска-беларускіх адносінах, а з другога – спрыяе росту польскага нацыяналізму. Галоўнымі актарами польскай палітыкі памяці выступае дзяржава, якую прадстаўляюць ІНП, музейныя ўстановы, правыя палітычныя партыі, рухі і грамадскія аб'яднанні, камбатанцкія арганізацыі, з дзейнасцю якіх звязаны члены сям'і Р. Райса, набліжаныя да ўлады СМІ.

Беларусы Падляшша ў гэтай «барацьбе за памяць» выступаюць слабым бокам. Іх пазіцыю трансліруюць беларускія таварыствы і звязаныя з імі СМІ, ураджэнцы Беласточчыны, якія праз мастацкае слова і вобраз спрабуюць данесці шырокім масам гісторыю трагедыі сваіх суродзічаў. Падтрымка існуючых і стварэнне новых месцаў памяці дазваляюць беларусам захаваць у сваім этнічным асяроддзі і на ўзроўні рэгіёна пражывання сведчанні пра падзеі першых пасляваенных гадоў. У адрозненне ад сваіх апанентаў яны імкнуцца дабіцца ад польскіх улад прызнання злачыннымі дзеянняў атрада пад камандаваннем Р. Райса і выплаты кампенсаций сем'ям ахвяр. У гэтых кроках па захаванні памяці пра трагедыю беларусаў у 1946 г. іх павінны падтрымаць улады Рэспублікі Беларусь, якія могуць выступіць з ініцыятывай усталявання помніка беларусам – ахвярам разглядаемых падзей.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Миллер А. Россия: власть и история. *Pro et contra*. 2009;13(3–4):6–23.
2. Jurek M, Nowak A, Rybicki A, Skibiński P, Kurtyka J, Żaryn J. Polska polityka historyczna [debata]. *Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej*. 2006;5:2–33.
3. Сафронова ЮА. *Историческая память: введение*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; 2019. 220 с.
4. Chwedoruk R. Polityka historyczna w Europie – periodyzacja i wiodące dyskursy. *Studia Politologiczne*. 2015;35:47–74.
5. Касьянов Г. *Украина и соседи: историческая политика. 1987–2018*. Москва: НЛО; 2019. 631 с.
6. Малинова ОЮ. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа. *Полития*. 2017;4:6–22. DOI: 10.30570/2078-5089-2017-87-4-6-22.
7. Moroz A. *Między pamięcią a historią. Konflikt pamięci zbiorowych Polaków i Białorusinów na przykładzie postaci Romualda Rajsa «Burego»*. Warszawa: IPN; 2016. 258 s.
8. Moroz A. Konflikt pamięci na pograniczu polsko-białoruskim na przykładzie działalności Romualda Rajsa ps «Bury». *Studia z Geografii Politycznej i Historycznej*. 2016;5:61–91. DOI: 10.18778/2300-0562.05.04.
9. Orciuch M. Kontrowersje wokół postaci Romualda Rajsa «Burego» na łamach prasy i w media elektronicznych a polska polityka historyczna. *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. 2018;50:219–230.
10. Kułak J. Пасыфікацыя вёс бiałoruskich w styczniu 1946 roku. *Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej*. 2001 Wrzesień;8:49–54.
11. Mironowicz E. *Polityka narodowościowa PRL*. Białystok: Białoruskie Towarzystwo Historyczne; 2000. 284 s.
12. Вялікі АФ. *На раздарожжы. Беларусы і палякі ў час перасялення (1944–1946 гг.)*. Селяменеў ВД, рэдактар. Мінск: БДПУ; 2005. 319 с.
13. Iwaniuk S. Białoruska samoobrona na Białostocczyźnie w latach 1945–1947 (przyczyny tworzenia i działalność). *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. 1995;1(3):57–67.

References

1. Miller A. [Russia: power and history]. *Pro et contra*. 2009;13(3–4):6–23. Russian.
2. Jurek M, Nowak A, Rybicki A, Skibiński P, Kurtyka J, Żaryn J. Polska polityka historyczna [debata]. *Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej*. 2006;5:2–33.

3. Safronova YuA. *Istoricheskaya pamyat': vvedenie* [Historical memory: an introduction]. Saint Petersburg: Publishing House of the European University in Saint Petersburg; 2019. 220 p. Russian.
4. Chwedoruk R. Polityka historyczna w Europie – periodyzacja i wiodące dyskursy. *Studia Politologiczne*. 2015;35:47–74.
5. Kas'yanov G. *Ukraina i sosedi: istoricheskaya politika. 1987–2018* [Ukraine and its neighbors: historical politics. 1987–2018]. Moscow: NLO; 2019. 631 p. Russian.
6. Malinova OYu. Commemoration of historical events as instrument of symbolic policy: possibilities of comparative analysis. *Politiya*. 2017;4:6–22. Russian. DOI: 10.30570/2078-5089-2017-87-4-6-22.
7. Moroz A. Między pamięcią a historią. Konflikt pamięci zbiorowych Polaków i Białorusinów na przykładzie postaci Romualda Rajsa «Burego». Warszawa: IPN; 2016. 258 s.
8. Moroz A. A memories conflict on the Polish-Belarusian borderland with reference to activity of Romuald Rajs aka «Bury». *Studia z Geografii Politycznej i Historycznej*. 2016;5:61–91. DOI: 10.18778/2300-0562.05.04.
9. Orciuch M. Controversy surrounding Romuald Rajs *nom de guerre* «Bury» in paper and electronic media *vis-à-vis* Polish historical politics. *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. 2018;50:219–230.
10. Kułak J. Pacyfikacja wsi białoruskich w styczniu 1946 roku. *Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej*. 2001 Wrzesień;8:49–54.
11. Mironowicz E. *Polityka narodowościowa PRL*. Białystok: Białoruskie Towarzystwo Historyczne; 2000. 284 s.
12. Vjaliki AF. *Na razdarozhzhzy. Belarusy i paljaki w chas perasjallennja (1944–1946 gg.)* [At the crossroads. Belarusians and Poles during the resettlement (1944–1946)]. Seljamenew VD, editor. Minsk: Belarusian State Pedagogical University; 2005. 319 p. Belarusian.
13. Iwaniuk S. Białoruska samoobrona na Białostocczyźnie w latach 1945–1947 (przyczyny tworzenia i działalność). *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. 1995;1(3):57–67.

Артыкул паступіў у рэдкалегію 19.08.2020.
Received by editorial board 19.08.2020.

УДК 94(437)(=112.2)«1945»+323.12(437)(=112.2)«1945»

ЭТНИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ НЕМЦЕВ В ПЕРИОД ИХ СТИХИЙНОГО ВЫСЕЛЕНИЯ В 1945 г. В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ ЧЕШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

М. А. ЛАВРИНОВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются направления государственной политики памяти в Чешской Республике, касающиеся признания и осмысления насилия со стороны чехов над немецким населением в 1945 г. и последующего чешско-немецкого примирения, ставших важным фактором дружественного и продуктивного взаимодействия Чехии и Германии в объединенной Европе. Принятие новой перспективы исторической памяти на этапе постсоциалистической трансформации было обусловлено прежде всего инициативами чешских историков и общественных деятелей по изучению проблемы насилия на завершающем этапе Второй мировой войны и последующего выселения немцев, что, в свою очередь, нашло отражение в официальной позиции президентов Чешской Республики В. Гавела и В. Клауса во время подписания чешско-немецких соглашений и деклараций, позволивших элиминировать конфликты восприятия совместного травматического прошлого у нынешних поколений чехов и немцев. Память о насилии над немецкоязычными гражданами Чехословакии транслируется как через формирование объектов памяти (памятники, художественные фильмы), так и в рамках локальных общественных инициатив. Анализ инициатив по увековечению жертв Брненского марша смерти, предпринятый в завершающей части статьи, показывает противоречивый характер примирения в отношении памяти о послевоенном насилии в современном чешском обществе.

Ключевые слова: государственная политика памяти; Чешская Республика; немцы в Чехословакии; Брненский марш смерти (1945).

ЭТНІЧНАЯ ПАЛІТЫКА Ў ДАЧЫНЕННІ ДА НЕМЦАЎ У ПЕРЫЯД ІХ СТЫХІЙНАГА ВЫСЯЛЕННЯ Ў 1945 г. У ДЗЯРЖАЎНАЙ ПАЛІТЫЦЫ ПАМ'ЯЦІ ЧЭШСКОЙ РЭСПУБЛІКІ

М. А. ЛАЎРЫНОВІЧ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Разглядаюцца напрамкі дзяржаўнай палітыкі памяці ў Чэшскай Рэспубліцы, якія тычацца прызнання і асэнсавання гвалту з боку чэхаў над нямецкім насельніцтвам у 1945 г. і наступнага чэшска-нямецкага прымірэння, што сталі важным фактарам дружалюбнага і прадукцыйнага ўзаемадзеяння Чэхіі і Германіі ў аб'яднанай Еўропе. Прыняцце новай перспектывы гістарычнай памяці на этапе постсавецкай трансфармацыі было абумоўлена перш за ўсё ініцыятывамі чэшскіх гісторыкаў і грамадскіх дзеячаў па вывучэнні праблемы гвалту на завяршальным этапе Другой сусветнай вайны і наступнага высялення немцаў, што, у сваю чаргу, знайшло адлюстраванне ў афіцыйнай пазіцыі прэзідэнтаў Чэшскай Рэспублікі В. Гавела і В. Клаўса падчас падпісання чэшска-нямецкіх пагадненняў.

Образец цитирования:

Лавринович МА. Этническая политика в отношении немцев в период их стихийного выселения в 1945 г. в государственной политике памяти Чешской Республики. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2020;4:48–56.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-4-48-56>

For citation:

Laurynovich MA. Ethnic politics towards Germans during the period of their spontaneous eviction in 1945 in the state politics of memory of the Czech Republic. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2020;4:48–56. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-4-48-56>

Автор:

Марина Александровна Лавринович – аспирантка кафедры истории южных и западных славян исторического факультета. Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент В. В. Репин.

Author:

Maryna A. Laurynovich, postgraduate student at the department of Southern and Western Slavs' history, faculty of history.
marilavrinnovich144@gmail.com

і дэкларацый, што дазволіла элімінаваць канфлікты ўспрымання супольнага траўматычнага мінулага ў цяперашніх пакаленняў чэхаў і немцаў. Памяць пра гвалт над нямецкамоўнымі грамадзянамі Чэхаславакіі трансліруецца як праз фарміраванне аб'ектаў памяці (помнікі, мастацкія фільмы), так і ў рамках лакальных грамадскіх ініцыятыў. Аналіз ініцыятыў па ўвекавечанні ахвяр Брэнскага маршу смерці, зроблены ў завяршальнай частцы артыкула, паказвае супярэчлівы характар прымірэння ў дачыненні да памяці пра пасляваенны гвалт у сучасным чэшскім грамадстве.

Ключавыя словы: дзяржаўная палітыка памяці; Чэшская Рэспубліка; немцы ў Чэхаславакіі; Брэнскі марш смерці (1945).

ETHNIC POLITICS TOWARDS GERMANS DURING THE PERIOD OF THEIR SPONTANEOUS EVICTION IN 1945 IN THE STATE POLITICS OF MEMORY OF THE CZECH REPUBLIC

M. A. LAURYNOVICH^a

^a*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The article examines the directions of the state politics of memory in the Czech Republic regarding the problem of recognising and understanding the violence by the Czechs against the German population in 1945 and the subsequent Czech-German reconciliation, which became an important factor of the peaceful and productive interaction of the Czech Republic and Germany in the united Europe. The adoption of a new perspective of historical memory at the stage of post-socialist transformation was primarily due to the initiatives of Czech historians and activists to study the problem of violence at the final stage of World War II on the Czech lands and the subsequent expulsion of Germans. This approach in turn was reflected in the official position of the presidents of the Czech Republic V. Havel and V. Klaus during the signing of the Czech-German agreements and declarations, which made it possible to eliminate conflicts of perception of a common traumatic past among the current generations of Czechs and Germans. The memory of the violence against German-speaking citizens of Czechoslovakia is broadcast both through the formation of memory objects (monuments, feature films) and within the framework of local public initiatives. The review of the initiatives to perpetuate the victims of the Brno death march, undertaken in the concluding part of the article, reveals the contradictory nature of reconciliation in relation to the memory of post-war violence in contemporary Czech society.

Keywords: state politics of memory; Czech Republic; Germans in Czechoslovakia; Brno death march (1945).

Введение

В государственной политике центральноевропейских стран в сфере истории и идеологии постсоциалистический период отмечен пересмотром исторических концепций и интерпретаций в отношении всех предыдущих исторических эпох. Особое место в нем занимает репрезентация периодов Второй мировой войны и послевоенного социалистического развития, в которой осевым сюжетом является изобличение тоталитарной сущности режимов, правивших в Чехословакии с 1939 по 1989 г. с перерывом на процесс послевоенного урегулирования в 1945–1948 гг. (завершился после прихода к власти Коммунистической партии Чехословакии в феврале 1948 г.). В связи с этим проблема послевоенного насилия в отношении немцев и их последующего выселения на основании принятых президентом Э. Бенешем и поддержанных лидерами государств антигитлеровской коалиции декретов оказалась одной из самых сложных для осмысления в период постсоциализма, поскольку для установления партнерских взаимоотношений между Чехией и соседними странами – объединенной Германией и Австрией – потребовалось преодоление негативного опыта исторического прошлого,

осознание и принятие осуществленного друг против друга насилия и примирение памяти на уровне национальных исторических концепций, что стало важным фактором для развития сотрудничества и поддержания стабильности в этом регионе Европы. В то же время для самих чехов данный сюжет был возвращен в поле их памяти не только в результате деятельности научно-образовательных институций, но и благодаря художественным фильмам «Мельница Хаберманна» (2010) и «Семь дней греха» (2012), снятым по сценариям Й. Урбана и ставшим феноменами чешской культуры.

Насилие в отношении немецкого населения, спровоцировавшее и сопровождавшее его изгнание с чешских земель, получило в чешской историографии обозначение «дикое выселение» (*divoký odsun*), за которым последовало организованное выселение, начавшееся с сентября 1945 г. Отметим, что данные процессы осуществлялись в условиях нахождения на территории Чехословакии частей Красной армии и во многом были бы невозможны в случае принятия советским руководством решения их остановить или не допустить [1, с. 110]. Чтобы показать масшта-

бы выселения, достаточно упомянуть, что за все время около 1,6 млн немцев были депортированы в американскую зону оккупации, 800 тыс. – в советскую, не считая отдельных групп, изгнанных на территорию Австрии. Однако если учитывать только период «дикого выселения», то можно говорить о 600 тыс. человек, бежавших из Чехии в конце весны – летом 1945 г. [2, s. 314]. По мнению Т. Станека и А. фон Арбурга, до октября 1945 г. были изгнаны 700–800 тыс. судетских немцев. Согласно оценкам немецко-чешской комиссии историков число погибших составило от 16 до 30 тыс. [3].

Наиболее знаковыми событиями послевоенного насилия в отношении немецкого населения стали так называемый народный суд в расположенном на границе Чехии и Моравии в районе Орлицких гор Ланшкроуне 17–21 мая 1945 г., когда были расстреляны и замучены более 150 жителей этого городка, а также Брненский марш смерти, происходивший с 30 мая 1945 г., в рамках которого из центрального моравского города Брно к австрийской границе были направлены от 20 до 35 тыс. немецких мирных жителей, большинство из них – женщины, старики и дети. В условиях физического истощения и sporadического насилия со стороны организаторов марша около 1690 человек скончались во время самого похода, многие его участники погибли впоследствии в концентрационных лагерях и уже на австрийской территории от болезней и голода. Стоит упомянуть и пршеровский расстрел порядка 265 карпатских немцев, состоявшийся в ночь с 18 на 19 июня 1945 г., и антинемецкий погром в Усти-над-Лабем 31 июля 1945 г., число жертв которого до сих пор дискутируется среди чешских и немецких историков (по оценкам последних, их могло быть около 2700 человек).

Историографическая проработка тематики послевоенного насилия на чешских землях и поиск интерпретационных подходов

Проблематика этнических переселений в Центральной и Восточной Европе на этапе завершения Второй мировой войны и послевоенного урегулирования стала доступной для исследования учеными постсоциалистических стран только в 1990-х гг. Несмотря на то что русскоязычная историография оказалась во многом транслятором чешско-немецких историографических и публичных дискуссий о проблеме выселения представителей немецкого этноса с территории послевоенной Чехословакии, именно обращение к фактору советской внешней политики в Центральной Европе позволяет понять логику и механизмы политики чехословацкого лидера Э. Бенеша в отношении немцев и венгров. Так, в работах В. В. Марьиной [5–7] и А. П. Салькова [1] показано, что советская дипломатия сыграла ключевую роль в урегулировании этнотерриториальных последствий Второй мировой войны в данном регионе. С. В. Кретинин затрагивает оценки, связан-

Следует отметить, что рассматриваемое насилие происходило в рамках принятия чехословацкой властью целого ряда постановлений, известных как декреты Бенеша. Уже в декретах, принятых в мае – июне 1945 г., объявлялось отчуждение немецкой собственности в пользу «славянского населения», а также вводились чрезвычайные военно-полевые суды, рассматривавшие дела против «посягнувших на республику» преступников, которыми могли выступать как немцы, участвовавшие в оккупационной политике, так и чешские коллаборационисты [4, s. 93–107]. При этом основная масса зафиксированных случаев насилия против немецкого гражданского населения происходила стихийно и не была обусловлена какими-либо официальными распоряжениями. Волна насилия стихает к концу лета 1945 г. ввиду обнародования 3 августа с учетом решений Потсдамской конференции подписанного Э. Бенешем еще 19 июня конституционного декрета № 33, лишавшего немцев и венгров гражданства с того дня, в который они «по предписанию иностранной оккупационной власти» стали гражданами Германского рейха или Венгерского королевства, либо с 10 августа 1945 г. [4, s. 108–110]. В декретах Бенеша не говорилось о принудительном выселении, однако после одобрения санкций на «организованный и гуманный» трансферт, полученных на Потсдамской конференции, они образовывали правовую базу для депортации немцев и части венгров из Чехословакии.

В наступивший после февраля 1948 г. социалистический период сюжеты, связанные с послевоенной политикой правительства Э. Бенеша и отношениями чехов и немцев, получили идеологизированную оценку. Таким образом, память о выселенном немецком населении была вытеснена из официального дискурса.

ные с памятью о послевоенных депортациях немецкого населения [8], а также является автором монографии, посвященной истории этнической группы судетских немцев [9].

Нельзя не отметить комплексную работу, вводящую терминологические определения депортации, принудительного выселения и этнических чисток на конкретно-историческом материале Центральной Европы, составленную немецко-российским коллективом авторов во главе с Д. Брандесом [10]. В данной энциклопедии отдельные статьи посвящены формированию культуры памяти в среде депортированных судетских немцев и последующей работе по их реабилитации, а также примирению в постсоциалистический период.

О процессах в послевоенной Чехословакии, связанных с «очищением» от оккупантов и коллаборационистов, написал монографию британский историк Б. Фроммер [11].

Уже в 1990 г. был издан чешский перевод 15-страничной брошюры немецкого автора П. Эрнста «Лидице – Брно – Усти-над-Лабем: места мучений чехов и немцев», связующей места памяти насилия в отношении чехов и немцев в один синонимический символический ряд [12]. Первая попытка подвести статистические итоги выселения была предпринята в 1992 г. под патронажем Министерства иностранных дел тогда еще федеральной Чехословакии [13].

В начале 2000-х гг. стали издаваться переведенные воспоминания и свидетельства депортированных немцев о пребывании в концентрационных лагерях и последующем марше изгнания из Брно [14]. Попытки документализации насилия, имеющего отношение к «крупнейшей послевоенной катастрофе в Чехословакии», связываемой с немецким погромом в Усти-над-Лабем 31 июля 1945 г., также предпринимались представителями общественности [15]. В работах Т. Станека проводится систематизация по критериям «стихийные перемещения», «послевоенные эксцессы», «послевоенное преследование так называемого неблагонадежного населения», описывающим акты мести немцам со стороны чешского населения и картографированным по регионам Чехии, Моравии и Силезии [16; 17]. С 2010 г. началась публикация материалов чешских архивов в рамках многотомного документального цикла под названием «Выселение немцев и изменения чешского пограничья в 1945–1951 гг.» [18–20]. На обширном документальном материале Э. Грабовец, Т. Станек и А. фон Арбург доказали, что «дикое изгнание» инициировалось и управлялось главным образом сверху. Таким образом, было опровергнуто

суждение, согласно которому принудительное выселение немцев стало стихийной реакцией чешского населения на бедствия и унижения военных лет.

В 2010-х гг. наметились новые тенденции изучения и проработки чешским академическим сообществом вопросов исторической травмы выселения немцев. На чешский язык был переведен цикл работ, рассказывающих о судьбе изгнанного немецкого населения в Германии и Австрии, показывающих травматический опыт переселенцев [21; 22]. В серии исторических путеводителей по г. Брно вместе с изданиями, посвященными периодам нацизма и социалистической оккупации, в 2017 г. вышла научно-популярная работа «Брно помнит: путеводитель по городу в 1945–1946 гг.» [23]. Картографирование послевоенного насилия было осуществлено в двух путеводителях, подготовленных крупнейшим научным издательством *Academia* под руководством Й. Падевета, описывающих «кровавый финал весны 1945 г.» и «кровавое лето послевоенного насилия 1945 г.» на территории Чехословакии [24; 25].

В изданной в 2019 г. Институтом исследования тоталитарных режимов монографии Й. Мрнки «Границы человечности: политика и социальная практика коллективного насилия на чешских землях в 1944–1946 гг.» анализируются условия эскалации насилия в годы Второй мировой войны. Автор разбирает сюжеты, связанные с непосредственно послевоенным насилием, изгнанием немцев из крупных городов и занятием отошедшего в 1938 г. к Германии пограничья (май 1945 г.), а также «изгнание и геноцид», проходившие стихийно и спорадически с июня по октябрь 1945 г. [26].

Примирение чешско-немецкой памяти в официальных позициях руководства и политиков Чешской Республики

Весной 1990 г. министры иностранных дел Чехословакии и ФРГ И. Динстбир и Х.-Д. Геншер создали совместную комиссию историков двух государств. Ее первое заседание прошло в Праге под председательством Я. Кржена и Р. Фирхауса.

Изначально перед комиссией была поставлена задача исследовать и оценить общую историю народов двух стран, прежде всего в XX в., а также изучить трагический опыт обоих народов в связи с событиями и результатами Второй мировой войны. Данный посыл – сделать национальную историю и представления чехов, словаков и немцев совместимыми друг с другом – получил развитие на последующих заседаниях историков: в ходе дискуссий были обозначены наиболее правильные (хотя и приближенные) оценки количества жертв послевоенного насилия на чешских землях. Благодаря работе комиссии ранее встречавшиеся в публицистической и эмигрантской литературе сильно завышенные оценки числа погибших (около 250 тыс. человек) были методиче-

ски скорректированы до более реалистичных (порядка 30 тыс. человек).

Еще во время подписания 27 февраля 1992 г. двустороннего Договора о добрососедстве и сотрудничестве президент Чехословакии В. Гавел принес извинения за преступления, совершенные чешскими гражданами по отношению к немцам после Второй мировой войны, за что был подвергнут критике частью общественности, расценившей его позицию как попытку ревизии истории [27, s. 10–20, 29–34].

Наиболее значимым событием в процессе примирения чешско-немецкого исторического прошлого стало подписание 21 января 1997 г. премьер-министром Чехословакии В. Клаусом и Федеральным канцлером Германии Г. Колем декларации, главной идеей которой было смягчить напряжение во взаимоотношениях двух стран, идущее еще со Второй мировой войны. Ключевыми в данном документе являлись 2–4-й параграфы. Во 2-м параграфе Германия признавала свою ответственность за последствия, причиненные политикой нацистского

рейха. В 3-м параграфе чешская сторона выражала сожаление о том, что в процессе послевоенного изгнания, лишения гражданства и принудительного выселения немцев из Чехословакии многим невиновным людям причинено немало страданий и несправедливости, а также о том, что не расследованы должным образом связанные с этими событиями насильственные эксцессы и не наказаны их виновники. В 4-м параграфе обе стороны провозглашали совершенные обиды вопросом прошлого, признавая за каждой из сторон право на отличное мнение о событиях взаимной истории [27, s. 10–23].

В 1995 г. группа чешских граждан во главе с писателем Л. Вацуликом подала заявление о возбуждении дела против неизвестных лиц по подозрению в геноциде. Полицейское расследование пришло к выводу, что факт геноцида не доказан, и дело было сдано в архив [10, с. 75].

Вопрос об оценке декретов Бенеша в отношении немецкого населения приобрел особое значение в контексте подготовки вступления Чехии в Европейский союз, чему был посвящен ряд дискуссий с участием чешских политиков в Европейском парламенте, а также нижней палате Чешского парламента [28].

В связи с этим в 2003 г. вышел сборник публикаций чешских и немецких экспертов под девизом «Цель европейской интеграции лежит в строительстве будущего, а не в ревизии прошлого», заявленным европейским комиссаром по вопросам расширения Г. Ферхойгеном. Заключение к данному сборнику написал В. Гавел, подвергший критике послевоенные политические и моральные дилеммы Э. Бенеша [29].

По прошествии 20 лет участники подписания декларации, а также многие эксперты в сфере чешско-немецких отношений сошлись во мнении, что благодаря реализации заложенных в ней подходов «разумного компромисса» чешско-немецкие отношения избавились от негативного наследия прошлого, что свидетельствует об их успешном развитии. Однако подписавший декларацию бывший президент В. Клаус (2003–2013), занимавший критическую позицию по отношению к извинениям В. Гавела, в 2017 г. предупредил о «продолжении попыток возвращения прошлого», имея в виду актуальные и спорные вопросы искажения и фальсификации истории [30; 31].

Небезосновательная тревога В. Клауса была вызвана публичными дискуссиями на тему послевоен-

ного насилия на чешских землях. Так, в 2016 г. послевоенное насилие и принудительная депортация немецкого населения из Чехословакии стали предметом дебатов в рамках аналитического ток-шоу «СТ 90» на канале СТ 24¹.

Ключевым гостем программы был вице-председатель Христианско-демократического союза – Чехословацкой народной партии (2017–2019), министр культуры Чешской Республики (2014–2017) Д. Герман. Он стал первым чешским политиком, который с официальным визитом посетил судетонемецкий конгресс в Нюрнберге в 2016 г. В этом шаге ему оказал поддержку председатель правительства Чешской Республики Б. Сobotка (2014–2017).

Приветственное обращение Д. Германа к участникам съезда судетских немцев на немецком языке, которое было начато со слов «дорогие соотечественники», вызвало громкие аплодисменты 3 тыс. человек. В своем выступлении он выразил сожаление касательно произошедшей трагедии и принес извинения от лица чехов и Чешской Республики: «С глубоким сожалением с нашей стороны я говорю о преступлениях, которые совершили некоторые наши предки более семи десятилетий назад, что нарушило наше многовековое сосуществование»² (здесь и далее перевод наш. – М. Л.). Во время ток-шоу Д. Герман заявил, что, по его мнению, вопрос об изгнании и насилии над немцами в 1945 г. спустя 70 лет все еще нависает различной тенью над чешско-немецкими отношениями³.

Эта поездка подверглась критике со стороны чешских левых сил, в первую очередь коммунистов. Вице-председатель Коммунистической партии Чехии и Моравии Й. Скала (2009–2010; 2016–2017), выказав политическое несогласие с участием чешского политика в немецком конгрессе, крайне резко отреагировал на выступление Д. Германа в Нюрнберге: «Публичное обращение к немцам, которые имели лозунг “Обратно в империю”, используя слова “дорогие сограждане”, мне кажется крайней нелепостью. <...> Это еще один пример того, как далеко можно зайти в амнистии нацистских зверств»⁴.

Однако, помимо периодически возникающих общенациональных дискуссий, необходимо обратить внимание на локальные инициативы мемориализации памяти жертв послевоенного насилия. В данной работе мы ограничимся лишь одной из них, связанной с памятью о Бренненском марше смерти.

¹Na zvěřstva páchaná Čechy na Němcích se nesmí zapomenout, uvedl Herman [Electronic resource]. URL: <https://ct24.ceskatelevize.cz/domaci/1788098-na-zverstva-pachana-cechy-na-nemcich-se-nesmi-zapomenout-vedl-herman> (date of access: 17.08.2020).

²Herman jako první český ministr na sjezdu sudetských Němců. Za «milé krajany» sklídl potlesk lidí [Electronic resource]. URL: <https://ct24.ceskatelevize.cz/domaci/1786381-herman-jako-prvni-cesky-ministr-na-sjezdu-sudetskych-nemcu-za-mile-krajany-sklidil> (date of access: 17.08.2020).

³Na zvěřstva páchaná Čechy na Němcích se nesmí zapomenout, uvedl Herman [Electronic resource]. URL: <https://ct24.ceskatelevize.cz/domaci/1788098-na-zverstva-pachana-cechy-na-nemcich-se-nesmi-zapomenout-vedl-herman> (date of access: 17.08.2020).

⁴Herman jako první český ministr na sjezdu sudetských Němců. Za «milé krajany» sklídl potlesk lidí [Electronic resource]. URL: <https://ct24.ceskatelevize.cz/domaci/1786381-herman-jako-prvni-cesky-ministr-na-sjezdu-sudetskych-nemcu-za-mile-krajany-sklidil> (date of access: 17.08.2020).

Память о послевоенном насилии на примере локальных общественных инициатив: Декларация примирения и общего будущего (19 мая 2015 г.) и памятные акции, посвященные Брненскому маршу смерти

Еще в 2000 г. общественная организация «Молодежь за межкультурное взаимопонимание» обратилась к городскому совету Брно с призывом выступить с извинениями в адрес депортированных. Созданная городскими властями комиссия зафиксировала в архивах 1691 случай смерти участников изгнания из Брно от огнестрельных ранений, старости либо инфекционного заболевания.

Однако в 2015 г. обращение к памяти о выселении немцев вновь произошло по инициативе представителей политической организации – членов движения «Жить Брно»⁵, не скрывавших, что они вдохновились обращением студентов к руководству Брно в 2000 г. В итоге 19 мая 2015 г. городская администрация приняла предложенный ими проект Декларации примирения и общего будущего (*Deklaraci smíření a společné budoucnosti*). В ней выражалось глубокое сожаление о рассмотренных выше событиях, когда Брно «были вынуждены покинуть тысячи людей на основании применения принципа коллективной вины и используемого ими языка». Эта формулировка была закреплена в декларации, а затем зачитана в 70-летнюю годовщину событий 30 мая 2015 г. в августинском монастыре Старого Брно в присутствии чешских и немецких политиков, а также потомков жертв переселения.

Сама декларация стала важным символическим жестом исторического примирения чехов с немцами. Тем не менее ряд чешских политиков высказали на этот счет неоднозначные мнения. В частности, З. Шкромах, являвшийся заместителем председателя сената Парламента Чешской Республики (2010–2016), на своей странице в социальной сети Facebook прокомментировал принятие Декларации примирения и общего будущего словами «vypráskat tyto kolaboranty» (т. е. «выпороть этих коллаборантов»). Следует уточнить, что под коллаборантами З. Шкромах имел в виду представителей администрации Брно, проголосовавших за принятие данной примирительной декларации.

В свою очередь, М. Гашек, являвшийся тогда уставным заместителем председателя Чешской социал-демократической партии и занимавший пост гетмана Южно-Моравского края (2008–2016), публично выступил против акции поминовения жертв брненского переселения 30 мая 2015 г. и отклонил официальное приглашение, полученное от мэра Брно П. Вокржала (2014–2018). В то же время М. Гашек в сопровождении российского консула А. Е. Ша-

рашкина возложил цветы к нескольким мемориалам в честь павших красноармейцев, расположенным на территории Брно.

Каждый год, начиная с 2006 г., от Брно к Погоржелице (в 2015 г. в обратном направлении) совершается символический марш памяти «Поход примирения». Его участники (до 200 человек) преодолевают расстояние в 32 км, идя по той же дороге, по которой в 1945 г. Брно покидали его немецкие жители.

В декабре 2018 г. организатор этой памятной акции, выпускник философского факультета Масарикова университета П. Острчилик получил медаль «За заслуги» из рук президента Германии Ф.-В. Штайнмайера. Большого креста «За заслуги» также был удостоен брненский мэр П. Вокржал за причастность к проведению марша «Поход примирения» в Брно и вклад в чешско-немецкие отношения.

В дальнейшем 25 мая 2016 г. в Брно состоялась конференция «Кому принадлежит извинение? Историческая правда о послевоенных событиях», открывшаяся под патронажем гетмана Южно-Моравского края и организованная Чешским союзом борцов за свободу, возникшим в 1990 г. из Союза антифашистских борцов Чехословакии – ключевой ветеранской организации социалистического периода. Форум отличался резко критическим отношением к позиции мэра Брно П. Вокржала, что выразилось в тезисах общественной дискуссии и докладах участников, представлявших академические институты и различные общественные организации, главным образом левокоммунистического лагеря [32].

Таким образом, в середине 2010-х гг. общественно-политические дискуссии по проблеме насилия над немецким населением в 1945 г. приобрели еще больший размах, показав некоторое несогласие представителей ряда партийных организаций и общественных структур с выбранным после «бархатной революции» курсом на «взаимозачет» конфликтного прошлого в истории двух народов, живших на чешских землях на протяжении столетий. Необходимо отметить, что данный раскол в общественном мнении подтверждается социологическими исследованиями. Проанализировав данные, публикуемые Центром изучения общественного мнения (CVVM), можно отметить, что в Чехии убывает количество людей, которые считают послевоенную депортацию немецкого населения оправданной. Так, в 2002 г. депортацию немцев справедливой назвали 64 % респондентов, тогда

⁵ «Жить Брно» (*Žít Brno*) – локальное политическое движение и изначально эксцентричная гражданская инициатива, представленная одноименным сатирическим публицистическим веб-порталом, реагирующим на актуальные события региональной политики, занимающим критическое отношение к коалиции региональных партийных представительств, поддерживающих мэра Р. Ондерку.

как в 2013 г. таковой ее считали 40 %, а в 2017 г. – уже 37 %. Согласно опросу 2017 г. в справедливости депортации убеждены представители старшего поколения из небольших городов или деревень, люди с невысоким достатком либо приверженцы Комму-

нистической партии Чехии и Моравии, Чешской социал-демократической партии. Вместе с тем растет количество тех, кто не знал о выселении немцев либо не интересовался данной проблематикой. В большинстве своем это чехи младше 30 лет⁶.

Библиографический список

1. Сальков АП. *Национально-территориальные конфликты в Центрально-Восточной Европе во внешней политике СССР (1938–1949 гг.)*. Минск: БГУ; 2019. 740 с.
2. Houžvička V. *Návraty sudetské otázky*. Praha: Karolinum; 2005. 546 s.
3. Staněk T, von Arburg A. Organizované divoké odsuny? Úloha ústředních státních orgánů při provádění «evakuace» německého obyvatelstva (květen až září 1945). *Soudobé dějiny*. 2006;3–4:321–376.
4. Pavlíček V, Dejmeš J, Weigl J. Benešovy dekrety: sborník textů. Bažantová I, Loužek M, redaktori. Praha: Centrum pro ekonomiku a politiku; 2002. 183 s.
5. Марына ВВ. Выселение немцев из Чехословакии. В: Марына ВВ, редактор. *Национальная политика в странах формирующегося советского блока, 1944–1948*. Москва: Наука; 2004. с. 153–210. (XX век в документах и исследованиях).
6. Марына ВВ. Выселение немцев из Чехословакии: интернационализация и реализация идеи. 1944–1946 годы. *Славяноведение*. 2003;3:18–45.
7. Марына ВВ. Выселение немцев из Чехословакии: рождение и модификация идеи. 1939–1943 годы. *Славяноведение*. 2003;1:18–42.
8. Крети́нин СВ. Массовые выселения и «изгнание» немцев из стран Центральной и Восточной Европы в 1945–1949 гг.: актуальные подходы и современное состояние дискуссий. В: Аблажей НН, Блюм А, редакторы. *Миграционные последствия Второй мировой войны: этнические депортации в СССР и странах Восточной Европы. Выпуск 1*. Новосибирск: Наука; 2012. с. 45–56.
9. Крети́нин СВ. *Судетские немцы: народ без родины. 1918–1945 гг.* Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета; 2000. 320 с.
10. Брандес Д, Зундхауссен Х, Трѣбст Ш, Кайзерова К, Рухневич К, Мешков Д, редакторы. *Энциклопедия изгнаний. Депортация, принудительное выселение и этническая чистка в Европе в XX веке*. Пангина ЛЮ, переводчик. Москва: РОССПЭН; 2013. 727 с.
11. Frommer B. *National cleansing: retribution against Nazi collaborators in postwar Czechoslovakia*. Cambridge: Cambridge University Press; 2005. 387 p.
12. Paul E. Lidice – Brno – Ústí nad Labem: místa českého a německého utrpení. Praha: Institut pro středoevropskou kulturu a politiku; 1990. 15 s.
13. Kučera J. *Odsunové ztráty sudetoněmeckého obyvatelstva. Problémy jejich přesného vyčíslení*. Praha: Federální ministerstvo zahraničních věcí; 1992. 57 s.
14. Hertl H, Pillwein E, Schneider H, Ziegler KW. *Němci ven! Die Deutschen raus! Brněnský pochod smrti 1945: dokumentace*. Praha: Dauphin; 2001. 277 s.
15. Havel J, Kaiser V, Pustejovsky O. *Stalo se v Ústí nad Labem 31. července 1945*. Ústí nad Labem: Město Ústí nad Labem; 2005. 91 s.
16. Staněk T. *Perzekuce 1945: perzekuce tzv. státně nespolehlivého obyvatelstva v českých zemích (mimo tábory a věznice) v květnu – srpnu 1945*. Praha: Institut pro středoevropskou kulturu a politiku; 1996. 231 s.
17. Staněk T. *Poválečné excesy v českých zemích v roce 1945 a jejich vyšetřování*. Praha: Ústav pro soudobé dějiny AV ČR; 2005. 366 s.
18. von Arburg A, Staněk T, redaktori. *Vysídlení Němců a proměny českého pohraničí 1945–1951: dokumenty z českých archivů. Díl I. Češi a Němci do roku 1945: úvod k edici*. Ve Středoklukách: Zdeněk Susa; 2010. 373 s.
19. von Arburg A, Staněk T, redaktori. *Vysídlení Němců a proměny českého pohraničí 1945–1951: dokumenty z českých archivů. Díl II. Svazek 1. Duben – srpen/září 1945: «Divoký odsun» a počátky osídlování*. Ve Středoklukách: Zdeněk Susa; 2011. 957 s.
20. von Arburg A, Staněk T, redaktori. *Vysídlení Němců a proměny českého pohraničí 1945–1951: dokumenty z českých archivů. Díl II. Svazek 3. Akty hromadného násilí v roce 1945 a jejich vyšetřování*. Ve Středoklukách: Zdeněk Susa; 2010. 329 s.
21. Kossert A. *Chladná vlast: historie odsunutých Němců po roce 1945*. Brno: Host; 2011. 473 s.
22. Glassheim E. *Očista československého pohraničí: migrace, životní prostředí a zdraví v bývalých Sudetech*. Praha: Academia; 2019. 406 s.
23. Brummer A, Konečný M. *Brno účtující: průvodce městem v letech 1945–1946*. Brno: Host; 2017. 158 s.
24. Padevět J. *Krvavé finále: jaro 1945 v českých zemích*. Praha: Academia; 2015. 684 s.
25. Padevět J. *Krvavé léto 1945: poválečné násilí v českých zemích*. Praha: Academia; 2016. 692 s.
26. Mrňka J. *Limity lidskosti: politika a sociální praxe kolektivního násilí v českých zemích 1944–1946*. Praha: ÚSTR; 2019. 344 s.
27. Kunštát M, redaktor. *Česko-německé vztahy po pádu železné opony: dokumentace k česko-německým vztahům 1989–1997*. Praha: Rada pro mezinárodní vztahy; 1997. 72 s.
28. Domnitz C. *Zápas o Benešovy dekrety před vstupem do Evropské unie: diskuse v Evropském parlamentu a v Poslanecké sněmovně Parlamentu ČR v letech 2002–2003*. Praha: Dokořán; 2007. 157 s.

⁶Češi mění názor na odsun Němců. Za spravedlivý jej považuje jen třetina lidí [Electronic resource]. URL: <https://ct24.ceska televize.cz/domaci/2010076-cesi-meni-nazor-na-odsun-nemcu-za-spravedlivy-jej-povazuje-jen-tretina-lidi> (date of access: 17.08.2020).

29. Blaive M, Mink G, redaktoři. *Benešovy dekrety: budoucnost Evropy a vyrovnávání se s minulostí*. Praha: CEFRES; 2003. 123 s.
30. Klaus V. Pokusy o návrat minulosti pokraču. In: Klaus V, Weigl J, Jindrák R, Pavlíček V, Valenta A, Dejmek J, et al. *Česko-německá deklarace: dvacet let poté*. Praha: Institut Václava Klause; 2017. s. 11–16.
31. Novotný L. Deklarace zklidnila česko-německé vztahy. In: Klaus V, Weigl J, Jindrák R, Pavlíček V, Valenta A, Dejmek J, et al. *Česko-německá deklarace: dvacet let poté*. Praha: Institut Václava Klause; 2017. s. 71–83.
32. *Komu patří omluva? Historická pravda o poválečných událostech: sborník přednášek ze stejnojmenné konference pořádané ve středu 25. května 2016 v Brně*. Brno: Občanský a odborný výbor Brno, z. s.; 2016. 150 s.

References

1. Sal'kov AP. *Natsional'no-territorial'nye konflikty v Tsentral'no-Vostochnoi Evrope vo vneshnei politike SSSR (1938–1949 gg.)* [National-territorial conflicts in Central and Eastern Europe in the foreign policy of the USSR (1938–1949)]. Minsk: Belarusian State University; 2019. 740 p. Russian.
2. Houžvička V. *Návraty sudetské otázky*. Praha: Karolinum; 2005. 546 s.
3. Staněk T, von Arburg A. Organizované divoké odsuny? Úloha ústředních státních orgánů při provádění «evakuace» německého obyvatelstva (květen až září 1945). *Soudobé dějiny*. 2006;3–4:321–376.
4. Pavlíček V, Dejmek J, Weigl J. *Benešovy dekrety: sborník textů*. Bažantová I, Loužek M, redaktoři. Praha: Centrum pro ekonomiku a politiku; 2002. 183 s.
5. Mar'ina VV. [Eviction of Germans from Czechoslovakia]. In: Mar'ina VV, editor. *Natsional'naya politika v stranakh formiruyushchegosya sovet'skogo bloka, 1944–1948* [National policy in the countries of the emerging Soviet bloc, 1944–1948]. Moscow: Nauka; 2004. p. 153–210. (XX vek v dokumentakh i issledovaniyakh). Russian.
6. Mar'ina VV. [Eviction of Germans from Czechoslovakia: internationalization and implementation of the idea. 1944–1946]. *Slavyanovedenie*. 2003;3:18–45. Russian.
7. Mar'ina VV. [Eviction of Germans from Czechoslovakia: the birth and modification of the idea. 1939–1943]. *Slavyanovedenie*. 2003;1:18–42. Russian.
8. Kretinin SV. [Mass evictions and «expulsions» of Germans from the countries of Central and Eastern Europe in 1945–1949: current approaches and the current state of discussions]. In: Ablazhei NN, Blyum A, editors. *Migratsionnye posledstviya Vtoroi mirovoi voyny: etnicheskie deportatsii v SSSR i stranakh Vostochnoi Evropy. Vypusk 1* [Migration consequences of World War II: ethnic deportations in the USSR and Eastern Europe. Issue 1]. Novosibirsk: Nauka; 2012. p. 45–56. Russian.
9. Kretinin SV. *Sudetskie nemtsy: narod bez rodiny. 1918–1945 gg.* [Sudeten Germans: a people without a homeland. 1918–1945]. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta; 2000. 320 p. Russian.
10. Brandes D, Sundhaussen H, Troebst S, Kaiserová K, Ruchniewicz K, Myeshkov D, Editoren. *Lexikon der Vertreibungen. Deportation, Zwangsaussiedlung und ethnische Säuberung im Europa des 20. Jahrhunderts*. Wien: Böhlau Verlag; 2010. 801 S. Russian edition: Brandes D, Sundhaussen H, Troebst S, Kaiserová K, Ruchniewicz K, Myeshkov D, editors. *Entsiklopediya izgnanii. Deportatsiya, prinuditel'noe vyselenie i etnicheskaya chistka v Evrope v XX veke*. Pantina LYu, translator. Moscow: ROSSPEN; 2013. 727 p.
11. Frommer B. *National cleansing: retribution against Nazi collaborators in postwar Czechoslovakia*. Cambridge: Cambridge University Press; 2005. 387 p.
12. Paul E. *Lidice – Brno – Ústí nad Labem: místa českého a německého utrpení*. Praha: Institut pro středoevropskou kulturu a politiku; 1990. 15 s.
13. Kučera J. *Odsunové ztráty sudetoněmeckého obyvatelstva. Problémy jejich přesného vyčíslení*. Praha: Federální ministerstvo zahraničních věcí; 1992. 57 s.
14. Hertl H, Pillwein E, Schneider H, Ziegler KW. *Němci ven! Die Deutschen raus! Brněnský pochod smrti 1945: dokumentace*. Praha: Dauphin; 2001. 277 s.
15. Havel J, Kaiser V, Pustejovsky O. *Stalo se v Ústí nad Labem 31. července 1945*. Ústí nad Labem: Město Ústí nad Labem; 2005. 91 s.
16. Staněk T. *Perzekuce 1945: perzekuce tzv. státně nespolehlivého obyvatelstva v českých zemích (mimo tábory a věznice) v květnu – srpnu 1945*. Praha: Institut pro středoevropskou kulturu a politiku; 1996. 231 s.
17. Staněk T. *Poválečné excesy v českých zemích v roce 1945 a jejich vyšetřování*. Praha: Ústav pro soudobé dějiny AV ČR; 2005. 366 s.
18. von Arburg A, Staněk T, redaktoři. *Vysídlení Němců a proměny českého pohraničí 1945–1951: dokumenty z českých archivů. Díl I. Češi a Němci do roku 1945: úvod k edici*. Ve Středoklukách: Zdeněk Susa; 2010. 373 s.
19. von Arburg A, Staněk T, redaktoři. *Vysídlení Němců a proměny českého pohraničí 1945–1951: dokumenty z českých archivů. Díl II. Svazek 1. Duben – srpen/září 1945: «Divoký odsun» a počátky osídlování*. Ve Středoklukách: Zdeněk Susa; 2011. 957 s.
20. von Arburg A, Staněk T, redaktoři. *Vysídlení Němců a proměny českého pohraničí 1945–1951: dokumenty z českých archivů. Díl II. Svazek 3. Akty hromadného násilí v roce 1945 a jejich vyšetřování*. Ve Středoklukách: Zdeněk Susa; 2010. 329 s.
21. Kossert A. *Chladná vlast: historie odsunutých Němců po roce 1945*. Brno: Host; 2011. 473 s.
22. Glassheim E. *Očista československého pohraničí: migrace, životní prostředí a zdraví v bývalých Sudetech*. Praha: Academia; 2019. 406 s.
23. Brummer A, Konečný M. *Brno účtující: průvodce městem v letech 1945–1946*. Brno: Host; 2017. 158 s.
24. Padevět J. *Krvavé finále: jaro 1945 v českých zemích*. Praha: Academia; 2015. 684 s.
25. Padevět J. *Krvavé léto 1945: poválečné násilí v českých zemích*. Praha: Academia; 2016. 692 s.
26. Mrňka J. *Limity lidskosti: politika a sociální praxe kolektivního násilí v českých zemích 1944–1946*. Praha: ÚSTR; 2019. 344 s.
27. Kunštát M, redaktor. *Česko-německé vztahy po pádu železné opony: dokumentace k česko-německým vztahům 1989–1997*. Praha: Rada pro mezinárodní vztahy; 1997. 72 s.

28. Domnitz C. *Zápas o Benešovy dekrety před vstupem do Evropské unie: diskuse v Evropském parlamentu a v Poslanecké sněmovně Parlamentu ČR v letech 2002–2003*. Praha: Dokořán; 2007. 157 s.
29. Blaive M, Mink G, redaktoři. *Benešovy dekrety: budoucnost Evropy a vyrovnávání se s minulostí*. Praha: CEFRES; 2003. 123 s.
30. Klaus V. Pokusy o návrat minulosti pokraču. In: Klaus V, Weigl J, Jindrák R, Pavlíček V, Valenta A, Dejmek J, et al. *Česko-německá deklarace: dvacet let poté*. Praha: Institut Václava Klause; 2017. s. 11–16.
31. Novotný L. Deklarace zklidnila česko-německé vztahy. In: Klaus V, Weigl J, Jindrák R, Pavlíček V, Valenta A, Dejmek J, et al. *Česko-německá deklarace: dvacet let poté*. Praha: Institut Václava Klause; 2017. s. 71–83.
32. *Komu patří omluva? Historická pravda o poválečných událostech: sborník přednášek ze stejnojmenné konference pořádané ve středu 25. května 2016 v Brně*. Brno: Občanský a odborný výbor Brno, z. s.; 2016. 150 s.

Статья поступила в редколлегию 06.10.2020.
Received by editorial board 06.10.2020.

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

BELARUSIAN HISTORY

УДК 343.812(476)

ТРУД ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ТЮРЬМАХ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

С. Н. ЧАЙКИН¹⁾

¹⁾Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова,
ул. Космонавтов, 1, 212022, г. Могилёв, Беларусь

Объектом исследования является история организации трудовой деятельности заключенных на белорусских землях после тюремной реформы 1879 г. Данная проблема в историографии дореволюционного, советского и современного периодов не рассматривалась ни российскими, ни белорусскими историками. Цель работы – изучение процесса привлечения осужденных к труду в местных тюрьмах с определением его закономерностей, общих для белорусских земель и Российской империи в целом, а также региональных особенностей. На основе изучения архивных данных автором исследуются основные направления деятельности Главного тюремного управления по повышению производительности труда заключенных на белорусских землях: учреждение его местных структурных подразделений – губернских тюремных инспекций, осуществлявших управление трудом заключенных, организация и проведение осужденными мелиоративных и лесозаготовительных работ, а также труда в тюремных мастерских. Определяются основные виды работ в местных тюрьмах в конце XIX – начале XX в. и препятствующие им негативные явления (в основном переполненность мест заключения, повлекшая закрытие тюремных мастерских). Оцениваются результаты организации трудовой деятельности заключенных к началу второго десятилетия XX в.: увеличение численности занятых трудом осужденных и суммы заработанных ими денежных средств. Проведенное исследование позволит определить историческую преемственность комплекса мер по обеспечению трудовой занятости заключенных в тюрьмах в конце XIX – начале XX в. и деятельности производственных предприятий уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь в настоящее время.

Образец цитирования:

Чайкин С.Н. Труд заключенных в тюрьмах на белорусских землях в конце XIX – начале XX в. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2020;4:57–65.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-4-57-65>

For citation:

Chaikin SN. The prisoners work in the prisons on the Belarusian lands at the end of the 19th – early 20th centuries. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2020;4:57–65. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-4-57-65>

Автор:

Сергей Николаевич Чайкин – аспирант кафедры истории Беларуси и восточных славян историко-филологического факультета. Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор Д. С. Лавринович.

Author:

Sergey N. Chaikin, postgraduate student at the department of Belarusian and East Slavs' history, faculty of history and philology.
chaikina9@gmail.com

Ключевые слова: Российская империя; белорусские земли; тюремная реформа 1879 г.; Главное тюремное управление; губернская тюремная инспекция; арестантские работы; тюремные мастерские.

ПРАЦА ЗНЯВОЛЕННЫХ У ТУРМАХ НА БЕЛАРУСКИХ ЗЕМЛЯХ У КАНЦЫ XIX – ПАЧАТКУ XX ст.

С. М. ЧАЙКИН^{1*}

^{1*}Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, вул. Касманаўтаў, 1, 212022, г. Магілёў, Беларусь

Аб'ектам даследавання з'яўляецца гісторыя арганізацыі працоўнай дзейнасці зняволеных на беларускіх землях пасля турэмнай рэформы 1879 г. Дадзеная праблема ў гістарыяграфіі дарэвалюцыйнага, савецкага і сучаснага перыядаў не разглядалася ні расійскімі, ні беларускімі гісторыкамі. Мэта даследавання – вывучэнне працэсу прыцягнення асуджаных да працы ў мясцовых турмах з вызначэннем заканамернасцей, агульных для беларускіх зямель і Расійскай імперыі ў цэлым, а таксама рэгіянальных асаблівасцей. На аснове архіўных даных аўтарам даследуюцца асноўныя напрамкі дзейнасці Галоўнага турэмнага ўпраўлення па павышэнні прадукцыйнасці працы зняволеных на беларускіх землях: заснаванне яго мясцовых структурных падраздзяленняў – губернскіх турэмных інспекцый, якія ажыццяўлялі кіраванне працай зняволеных, арганізацыя і правядзенне асуджанымі меліяратыўных і лесанарыхтоўчых работ, а таксама працы ў турэмных майстэрнях. Вызначаюцца асноўныя віды работ у мясцовых турмах у канцы XIX – пачатку XX ст. і негатыўныя з'явы, якія ім перашкаджалі (у асноўным перапаўненне месцаў зняволення, што выклікала закрыццё турэмных майстэрняў). Ацэньваюцца вынікі арганізацыі працоўнай дзейнасці зняволеных к пачатку другога дзесяцігоддзя XX ст.: павелічэнне колькасці занятых працай асуджаных і сумы заробленых імі грашовых сродкаў. Праведзенае даследаванне дазволіць вызначыць гістарычную пераёмнасць комплексу мер па забеспячэнні працоўнай занятасці зняволеных у турмах у канцы XIX – пачатку XX ст. і дзейнасці прамысловых прадпрыемстваў крываўна-выканаўчай сістэмы Рэспублікі Беларусь у цяперашні час.

Ключавыя словы: Расійская імперыя; беларускія землі; турэмная рэформа 1879 г.; Галоўнае турэмнае ўпраўленне; губернская турэмная інспекцыя; арыштанцкія работы; турэмныя майстэрні.

THE PRISONERS WORK IN THE PRISONS ON THE BELARUSIAN LANDS AT THE END OF THE 19th – EARLY 20th CENTURIES

S. N. CHAIKIN^a

^aMogilev State A. Kuleshov University, 1 Kasmanaŭtaŭ Street, Mahilioŭ 212022, Belarus

The history of the development of the prisoners work on the Belarusian lands after the prison reform of 1879 is the object of examination. In the historiography of pre-revolutionary, Soviet and modern periods this problem has never been studied by neither Russian nor Belarusian scientists. The examination of the prisoners work development in the local prisons as well as the determination of its common patterns for the Belarusian lands and the Russian Empire in general, and of the regional characteristics of this process are the purpose of the research. The main ways of action of the General Directorate of the Corps of Prison on the labour productivity of the prisoners on Belarusian lands (organisation of its local structural subdivision (province prison inspections) which managed the prisoners work, the organisation of the melioration and logging, the development of work in the prisons workshops) are being examined by the author on the base of the study of the archive data. The core activity of the fulfilment in the local prisons at the end of the 19th – early 20th centuries and the negative phenomena which interrupt it (in general the overcrowding of the places of determination that influenced the closure of the workshops) are being determined. The results of the prisoners work development by the turn of the second decade of the 20th century which are the growing numbers of the working prisoners and the increase of their salary activity from the beginning of the 20th century are being appreciated. The undertaken research will make it possible to determine the historical continuity of the series of measures to develop the prisoners work in the places of detention at the end of the 19th – early 20th centuries with the activity of the manufacturing establishments of the penitentiary system of the Republic of Belarus at the present time.

Keywords: the Russian Empire; the Belarusian lands; the prison reform of 1879; the General Directorate of the Corps of Prison; province prison inspection; the prisoners works; the prison workshops.

Введение

Становление пенитенциарной системы на землях Беларуси во второй четверти XIX – начале XX в. сопровождалось развитием одного из основных направлений ее деятельности – привлечения осужденных, содержащихся в тюрьмах, к труду. Данная проблема исследовалась российскими учеными как в начале XX в. (С. К. Гогель, Н. Ф. Лучинский, С. В. Познышев, Я. И. Фойницкий), так и в настоящее время (М. Г. Детков, А. Г. Лисин и И. В. Упоров). В трудах упомянутых авторов были систематизированы статистические сведения об организации трудовой деятельности заключенных в Российской империи, определены основные направления мер по ее совершенствованию и их практические результаты, а также негативные явления, сдерживавшие процесс привлечения осужденных к труду в конце XIX – начале XX в. Проблема организации трудовой деятельности заключенных в Гродненской тюрьме была посвящена работа белорусского исследователя В. М. Лисицына. Однако комплексные исследования процесса привлечения осужденных к труду на белорусских землях до настоящего времени не проводились. Это и обусловило актуальность темы работы, необходимой для определения исторической преемственности этого процесса в конце XIX – начале XX в., и производственной деятельности

предприятий уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь в настоящее время. Целью исследования является изучение труда заключенных в местных тюрьмах с определением закономерностей, общих для всех тюрем Российской империи, а также региональных особенностей. Задачи исследования – определение содержания комплекса мер, осуществляемых в регионе после тюремной реформы 1879 г. для обеспечения трудовой занятости заключенных, и оценка их практических результатов. Методологическую основу работы составили принцип историзма, позволивший рассмотреть динамику развития трудовой деятельности заключенных в региональных тюрьмах с учетом влияния, оказанного на этот процесс изменениями в пенитенциарном законодательстве Российской империи, принцип объективности, определивший необходимость получения из архивных, справочных и периодических источников полной и достоверной информации о деятельности по повышению производительности труда осужденных, и принцип системности, с помощью которого развитие трудовой деятельности заключенных на белорусских землях было рассмотрено как составная часть процесса организации труда осужденных во всех местах лишения свободы Российской империи.

Основная часть

Организация трудовой деятельности осужденных в тюрьмах на белорусских землях началась со второй четверти XIX в. после регламентации порядка ее осуществления пенитенциарным законодательством Российской империи: Инструкцией смотрителю губернского тюремного замка 1831 г. и Сводом учреждений и уставов о содержащихся под стражею 1832 г. [1, с. 187, 215]. Однако в связи с незначительной ролью тюремного заключения в системе уголовных наказаний Российской империи в качестве обязательного труд для осужденных законодательно определен не был. Органов власти, предназначенных для организации труда заключенных, в системе управления тюрьмами не существовало, а производительность труда осужденных была низкой в связи с отсутствием у них профессиональных навыков, необходимых для работ в тюремных мастерских. Наиболее негативно на процесс организации труда заключенных со второй половины XIX в. повлияла переполненность тюрем, вызванная законодательным определением тюремного заключения в качестве одного из основных видов уголовных наказаний. Это повлекло закрытие производственных мастерских в местах заключения на белорусских землях к началу тюремной реформы 1879 г.

Активизация процесса привлечения заключенных к труду на белорусских землях началась после образования 27 февраля 1879 г. в составе Ми-

нистерства внутренних дел центрального органа управления пенитенциарной системой Российской империи – Главного тюремного управления (далее – ГТУ). Одной из его основных задач стало сокращение расходов на содержание заключенных за счет увеличения заработанных ими средств. Для этого с конца XIX в. ГТУ были приняты меры по увеличению численности осужденных, привлеченных к труду, и повышению его производительности.

Началом осуществления данных мер стала правовая регламентация труда заключенных Законом Российской империи от 6 января 1886 г. «О занятии арестантов работами и распределении получаемых от сего доходов» [2, с. 40]. Этим правовым актом впервые устанавливалась обязанность трудиться для всех осужденных к тюремному заключению [3, с. 373]. Для стимулирования производительности труда заключенных законом определялся размер его оплаты, составлявший «четыре десятых от арестантского заработка» [4, с. 103]. Одной половиной своей заработной платы заключенные могли пользоваться во время отбывания наказания, а второй половиной – после освобождения. Важное значение для труда заключенных имело распределение заработанных ими денежных средств, оставшихся после вычета заработной платы. Из них 50 % поступали в казну, а оставшиеся 50 % отправлялись в распоряжение тюремной администрации и использовались

для дальнейшей хозяйственной деятельности и премиривания служащих, а также надзирателей [5, с. 65].

В процессе реализации этих правовых норм к концу XIX в. на белорусских землях наибольшее распространение получили внешние работы, т. е. те, что осуществлялись осужденными за пределами тюрем и не требовали особых профессиональных навыков. В тюрьмах Гродненской губернии в это время доля заработка заключенных на внешних работах от их общего заработка составляла 67 %¹, в Могилёвской губернии – 80 %², в Минской губернии – 81 %³. Однако суммы заработанных заключенными от этих работ денежных средств были невелики и составляли в среднем по губернии от 4580 до 9430 руб. в год⁴. В то же время на строительство в регионе лишь одной уездной тюрьмы к концу XIX в. требовалось от 22 000 до 25 000 руб.⁵

К концу XIX в. заключенные в губернских тюрьмах начали работать и в мастерских (в основном по изготовлению одежды и обуви). Наибольшее распространение такой труд получил в Гродненской, Минской и Могилёвской тюрьмах, где ГТУ было организовано изготовление вещевого имущества. Получаемый от этих работ заработок составлял не менее 1000 руб. в год⁶.

Кроме этого, в Гродненской тюрьме к началу XX в. были открыты мастерские, в которых осуществлялись ткацкие, бондарные, кузнечные, слесарные, столярные и токарные работы, а также изготавливались обувь, абажуры, корзины, чемоданы, мундштуки и папиросные гильзы [6, с. 226]. В Могилёвской тюрьме осуществлялось производство ржаной муки, а в Минской тюрьме производились бондарные, кузнечные и столярные работы⁷.

В результате организации трудовой деятельности заключенных в тюрьмах Российской империи значительно увеличилась сумма получаемого от нее дохода. Если в 1886 г. она составляла 345 000 руб., то в 1900 г. – 1 501 000 руб.⁸ Рост заработка заключенных происходил и на белорусских землях. К концу XIX в. заключенные тюрем Витебской губернии за-

рабатывали более 10 000 руб. в год⁹. В Могилёвской губернии за 1896 г. осужденными было заработано 4508 руб., а за 1900 г. – 8179 руб.¹⁰ Заработок осужденных в тюрьмах Минской губернии в 1888 г. составил 1829 руб., а в 1901 г. – 10 662 руб.¹¹ В Гродненской губернии в 1883 г. заключенные заработали 995 руб., а в 1895 г. – 6738 руб. [6, с. 220].

Однако к началу XX в. процесс привлечения заключенных к труду продолжал сдерживаться отсутствием в системе управления тюрьмами подразделений, предназначенных для его организации на местах. Начальники тюрем, обремененные осуществлением надзора за осужденными, качественно работать в рассматриваемом направлении были не в состоянии [7, с. 598]. Эта проблема усугублялась отсутствием у многих осужденных каких-либо профессиональных навыков¹². В итоге в большинстве уездных тюрем на белорусских землях заключенные не выполняли даже внешние работы. Например, в Могилёвской губернии к труду были привлечены лишь осужденные Гомельской, Климовичской, Оршанской и Чериковской тюрем, а в остальных тюрьмах заключенные привлекались к работам крайне редко, и от их труда места заключения получали не более 220 руб. в год¹³. В Гродненской губернии привлекались к работам лишь осужденные в Брестской и Слонимской тюрьмах, в остальных же местах заключения суммы заработанных денежных средств составляли не более 330 руб. в год¹⁴. В уездных тюрьмах Минской губернии заключенные были задействованы лишь на работах «по очистке дворов, починке своего белья и приготовлению себе пищи»¹⁵.

Для решения проблемы организации арестантского труда 21 декабря 1902 г. в составе ГТУ был учрежден центральный орган управления организацией труда заключенных – Особое делопроизводство по арестантским работам. На белорусских землях наиболее масштабным из организованных им работ стало осушение в 1910 г. болот в имении Милковичи Слуцкого уезда [8, с. 202], в котором было одновременно задействовано до 420 заключенных, а общая

¹Ведомости о количестве арестантов, содержащихся в тюрьмах Гродненской губернии в 1895 г. // Нац. ист. арх. Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). Ф. 14. Оп. 1. Д. 642. Л. 254.

²Памятная книжка Могилёвской губернии на 1902 г. Могилёв : Тип. губ. правления, 1902. С. 62.

³Сведения о числе заключенных в тюрьмах Минской губернии. 1885–1906 гг. // Нац. ист. арх. Беларуси (НИАБ). Ф. 299. Оп. 3. Д. 1382. Л. 87.

⁴Там же. Л. 85.

⁵Дело об ассигновании средств на постройку Мозырской и Пинской тюрем // НИАБ. Ф. 299. Оп. 1. Д. 745. Л. 128.

⁶Сведения о числе заключенных в тюрьмах Минской губернии. 1885–1906 гг. // Там же. Оп. 3. Д. 1382. Л. 87.

⁷Там же. Л. 80.

⁸Краткий очерк деятельности Главного тюремного управления за первые XXXV лет его существования (1879–1914 гг.) // Тюрем. вестн. 1914. № 2. С. 284–367.

⁹Обзор десятилетней деятельности Главного тюремного управления: 1879–1889 гг. СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1890. С. 66.

¹⁰Памятная книжка Могилёвской губернии на 1902 г. Могилёв : Тип. губ. правления, 1902. С. 62.

¹¹Сведения о числе заключенных в тюрьмах Минской губернии. 1885–1906 гг. // НИАБ. Ф. 299. Оп. 3. Д. 1382. Л. 81.

¹²Отчет за 1895 год директора Могилёвского попечительного о тюрьмах комитета // Тюрем. вестн. 1896. № 2. С. 95–97.

¹³Памятная книжка Могилёвской губернии на 1900 г. Могилёв : Тип. губ. правления, 1900. С. 65.

¹⁴Ведомости о количестве арестантов, содержащихся в тюрьмах Гродненской губернии в 1895 г. // НИАБ в г. Гродно. Ф. 14. Оп. 1. Д. 642. Л. 254.

¹⁵Сведения о числе заключенных в тюрьмах Минской губернии. 1885–1906 гг. // НИАБ. Ф. 299. Оп. 3. Д. 1382. Л. 85.

численность привлеченных к труду осужденных из тюрем Минской, Могилёвской, Псковской, Смоленской и Тверской губерний была более 850 человек¹⁶. Доход от проведенных работ составил 2395 руб., а земельные участки, появившиеся после осушения болот, были приобретены местными крестьянами. Это способствовало развитию сельского хозяйства в Пинском и Слуцком уездах [8, с. 202]. Не менее важной для распространения труда заключенных на белорусских землях стала организация ГТУ с 1909 г. лесозаготовок в Витебской губернии с привлечением к ним осужденных из Витебской, Псковской, Ревельской и Режицкой тюрем. Среднесуточная численность работающих там заключенных была более 200 человек, а их заработок с мая по декабрь 1909 г. составил 13 350 руб. Опыт проведения таких работ был использован местными властями при организации лесозаготовок тюрьмами Витебской губернии во втором десятилетии XX в.¹⁷

Важное значение для организации трудовой деятельности заключенных имело учреждение на белорусских землях в 1890–1912 гг. структурных подразделений ГТУ – губернских тюремных инспекций, входивших в состав местных губернских правлений. К вопросам, подлежащим их юрисдикции, относились «дела по личному составу мест заключения, по распоряжению средствами по тюремной части, а также по содержанию арестантов и производимым ими работам»¹⁸. Возглавлявший инспекцию губернский тюремный инспектор наделялся правами и обязанностями вице-губернатора «по тюремно-арестантской части»¹⁹.

Основными функциями тюремных инспекций были контроль за функционированием мест лишения свободы на местах, сбор сведений об их деятельности для предоставления в ГТУ, а также осуществление руководства тюремной администрацией для исполнения принимаемых ГТУ решений. В ходе проверки деятельности тюрем губернские тюремные инспекторы выполняли контроль «за отчетностью по арестантским работам» [8, с. 257]. Тюремные инспекции осуществляли централизованное управ-

ление трудом осужденных всех подведомственных им тюрем путем своевременного перераспределения сил и средств для наиболее эффективной организации тюремных работ. Начальников тюрем, в которых труд заключенных не был организован надлежащим образом, тюремные инспекторы привлекали к дисциплинарной ответственности²⁰. По инициативе тюремных инспекторов на выделяемые ГТУ по их запросам средства в тюрьмах открывались производственные мастерские. Например, в 1913 г. тюремной инспекцией в Минской тюрьме были открыты мастерские по механическому производству обуви, пекарня и лавка для продажи хлеба местному населению, а также кузнечная мастерская²¹.

В результате организации трудовой деятельности осужденных, осуществляемой как губернскими тюремными инспекциями, так и администрацией тюрем, к концу первого десятилетия XX в. на белорусских землях значительно увеличились объемы выполняемых заключенными работ, в основном внешних. Востребованным оказался труд по уборке городских улиц и площадей, а также работы по транспортировке грузов. Это было обусловлено увеличением объемов товарной продукции, вывозимой как в другие регионы Российской империи, так и за ее пределы.

Наиболее эффективно эти работы были организованы в Минской тюрьме, заработок от них к началу второго десятилетия XX в. был до 17 910 руб. в год²². В Гродненской тюрьме доход от уборки улиц и площадей в год составлял до 4800 руб., а от работ по погрузке шпал – до 1000 руб.²³ Востребованными погрузочные работы были и в Витебской тюрьме²⁴.

Важное значение имело увеличение объемов внешних работ в уездных тюрьмах. Об этом свидетельствует уровень дохода: с 1910 по 1912 г. за уборку городских улиц заключенные Борисовской тюрьмы заработали 4510 руб., Речицкой тюрьмы – 3650 руб., а Лепельской тюрьмы – 2740 руб.²⁵ Эти работы стали основными для осужденных также в Брестской, Кобринской и Слонимской тюрьмах²⁶. Были востребованы в уездных тюрьмах и работы по

¹⁶ Переписка с начальниками тюрем Минской губернии об отправке заключенных в имение Лохва и Милковичи Слуцкого уезда // НИАБ. Ф. 299. Оп. 2. Д. 14626. Л. 328.

¹⁷ Арестантские лесные работы в Витебской губернии // Тюрем. вестн. 1911. № 5. С. 376.

¹⁸ Дело о введении тюремной инспекции в Минской губернии // НИАБ. Ф. 299. Оп. 2. Д. 15710. Л. 3.

¹⁹ Там же.

²⁰ Дело о производстве арестантами работ в местах заключения Витебской губернии в 1911 г. // НИАБ. Ф. 2637. Оп. 1. Д. 47. Л. 183.

²¹ Ревизионные замечания губернского тюремного инспектора при разъездах по тюремным заключениям Минской губернии // Там же. Ф. 303. Оп. 1. Д. 44. Л. 107.

²² Там же. Л. 87.

²³ Переписка с Гродненской тюремной инспекцией о предоставлении отчетных сведений о расходе денежных средств на оплату арестантского труда // НИАБ в г. Гродно. Ф. 545. Оп. 4. Д. 7. Л. 66, 86.

²⁴ Дело о работах заключенных, находящихся в тюрьмах Витебской губернии в 1914 г. // НИАБ. Ф. 2637. Оп. 1. Д. 391. Л. 156.

²⁵ Переписка с Гродненской тюремной инспекцией о предоставлении отчетных сведений о расходе денежных средств на оплату арестантского труда // НИАБ в г. Гродно. Ф. 545. Оп. 4. Д. 7. Л. 86.

²⁶ Дело о работах заключенных, находящихся в тюрьмах Витебской губернии в 1914 г. // НИАБ. Ф. 2637. Оп. 1. Д. 391. Л. 156.

транспортировке грузов. Например, Пинской тюрьмой за погрузку бревен на грузовые суда в 1910–1912 гг. были заработаны 4294 руб.²⁷ Значительную долю в объемах внешних работ составляла погрузка на баржи хлеба, зерна и бревен в Полоцкой и Дризенской тюрьмах Витебской губернии, а также в Брестской тюрьме²⁸.

Наряду с увеличением объемов традиционных видов арестантского труда на белорусских землях к концу второго десятилетия XX в. получили распространение и новые виды внешних работ. Специфика сырьевой базы промышленности белорусских губерний обусловила развитие в регионе в первую очередь работ по заготовке и обработке леса. Наиболее востребованными они были в тюрьмах Витебской губернии. С 1911 г. Витебской тюрьмой на такие работы выводились ежедневно не менее 50 заключенных, а Струнской тюрьмой Полоцкого уезда – более 100. Доход от этих работ достигал 13 020 руб. в год²⁹. Труд заключенных был настолько востребован местными подрядчиками, что витебский тюремный инспектор для предотвращения срыва работ местными крестьянами-конкурентами был вынужден дополнительно привлекать к охране осужденных местного урядника с полицейскими стражниками³⁰.

Заготовка леса составляла основной объем внешних работ и в Гродненской тюрьме. К 1913 г. на заготовительных участках промышленников одновременно работали более 80 заключенных³¹. Доход от лесопильных работ составлял значительную часть годового заработка также в Бобруйской, Вилейской, Лидской, Ошмянской, Полоцкой, Речицкой и Сенненской тюрьмах [9, с. 313].

Включение в рыночные отношения по сбыту сельскохозяйственной продукции помещиков и зажиточных крестьян способствовало востребованности на белорусских землях сельскохозяйственных работ, осуществляемых осужденными у местных помещиков. В начале второго десятилетия XX в. годовой заработок Минской тюрьмы от них был 2460 руб., Слуцкой тюрьмы – 1530 руб., Струнской тюрьмы – 1110 руб. Значительную долю в общем объеме внешних работ составляли сельскохозяйственные работы в Борисов-

ской, Быховской, Гродненской, Игуменской, Лепельской, Лидской и Сенненской тюрьмах [9, с. 315].

Наличие на белорусских землях одной из самых разветвленных в Российской империи железнодорожной сети и развитие в регионе с конца первого десятилетия XX в. системы железнодорожных мастерских обусловили привлечение местных заключенных к работам по строительству и ремонту железных дорог. Наиболее востребованными такие работы были в Витебской и Минской тюрьмах, ежедневно привлекавших к ним до 30 заключенных. Значительную долю в общем объеме осуществляемых заключенными работ они составляли также в Лидской, Мозырской и Полоцкой тюрьмах [9, с. 313].

В некоторых местах заключения распространение получили и другие виды внешних работ. В Струнской тюрьме осужденные привлекались к строительным работам, в Полоцкой тюрьме – к разборке старых зданий и к работам на мукомольных мельницах³², в Гродненской и Брестской тюрьмах – к строительству оборонных сооружений, каменных мостов и шоссейных дорог, а в Вилейской и Лидской тюрьмах – к мелиоративным работам³³.

Наряду с внешними работами к концу первого десятилетия XX в. в Российской империи значительно увеличилась численность заключенных, привлекаемых к работам в тюремных мастерских. Если к концу XIX в. в них работали 6620 человек, то к началу второго десятилетия XX в. – уже 18 612 человек³⁴.

На белорусских землях наибольшее развитие получило швейное и обувное производство. В Гродненской тюрьме на ткацких, швейных и сапожных работах были задействованы свыше 80 заключенных, а их заработок составлял более 4200 руб. в год³⁵. Швейная мастерская Витебской тюрьмы, оборудованная с 1911 г. 13 швейными машинками «Зингер», производила не только одежду для заключенных, но и форменное обмундирование для местных надзирателей и нижних чинов полиции, а в 1914 г. по заказу местного отделения Красного Креста в ней было организовано изготовление белья для больных и раненых солдат³⁶. Такие же мастерские продолжали действовать и в Минской тюрьме.

²⁷Ревизионные замечания губернского тюремного инспектора при разъездах по тюремным заключениям Минской губернии // НИАБ. Ф. 303. Оп. 1. Д. 44. Л. 92, 99.

²⁸Отчет о деятельности Гродненского комитета «Общества попечительского о тюрьмах» и его уездных отделений в 1905 г. // НИАБ в г. Гродно. Ф. 37. Оп. 1. Д. 1818. Л. 207, 140.

²⁹Сведения в ГТУ о числе заключенных по Минской губернии за 1913 г. // НИАБ. Ф. 299. Оп. 2. Д. 15964. Л. 80.

³⁰Дело о производстве арестантами работ в местах заключения Витебской губернии в 1911 г. // Там же. Ф. 2637. Оп. 1. Д. 47. Л. 100.

³¹Переписка с Гродненской тюремной инспекцией о расходе денежных средств на оплату арестантского труда // НИАБ в г. Гродно. Ф. 545. Оп. 4. Д. 7. Л. 143.

³²Дело о производстве арестантских работ в уездных тюрьмах Витебской губернии в 1913 г. // НИАБ. Ф. 2637. Оп. 1. Д. 294. Л. 89.

³³Переписка с Гродненским губернским казначейством о выплате заработной платы арестантам Гродненской тюрьмы в 1914 г. // НИАБ в г. Гродно. Ф. 548. Оп. 1. Д. 22. Л. 134.

³⁴Отчет по Главному тюремному управлению за 1911 г. // Тюрем. вестн. 1913. № 5. С. 61.

³⁵Переписка с Гродненским губернским казначейством о выплате заработной платы арестантам Гродненской тюрьмы в 1914 г. // НИАБ в г. Гродно. Ф. 548. Оп. 1. Д. 22. Л. 120.

³⁶Дело о приобретении для швейных мастерских тюрем Витебской губернии швейных машинок // НИАБ. Ф. 2637. Оп. 1. Д. 17. Л. 16, 77.

Важное значение для повышения производительности труда заключенных имело распространение швейных и сапожных работ в мастерских уездных тюрем. В 1911 г. швейные мастерские, изготавливавшие форменное обмундирование для служащих местных полицейских управ, были открыты в Полоцкой и Струнской тюрьмах³⁷. Производство одежды и обуви в начале второго десятилетия XX в. было также организовано в Брестской, Вилейской, Лидской, Полоцкой и Сенненской тюрьмах [9, с. 315].

В Гродненской тюрьме были организованы работы по изготовлению деревянных ящиков, переплетов для книг, картонных пакетов, ковров и гамаков, там же в 1914 г. заработали пекарня, производившая хлеб на продажу, и прачечная, принимавшая заказы как от городских заведений, так и от частных лиц³⁸. В Вилейской, Витебской, Волковысской, Сенненской и Струнской тюрьмах были организованы работы по производству мебели, в Витебской и Полоцкой тюрьмах – по плетению корзин и шитью мешков, а в Брестской тюрьме производились токарные работы [9, с. 313].

Однако в большинстве уездных тюрем труд заключенных в мастерских был не востребован. Основной причиной этого стала переполненность мест заключения, возникшая вследствие определения Уголовным уложением 1903 г. тюремного заключения в качестве основного вида уголовных наказаний, не позволявшего открывать в тюрьмах производственные мастерские. В Минской губернии внутренние работы не осуществлялись ни в одной из восьми уездных тюрем, в пяти из них «за неимением... места»³⁹. В Витебской губернии внутренние работы производились лишь в двух из пяти уездных тюрем – Полоцкой и Струнской. В Гродненской губернии дела обстояли так же: мастерские были открыты в двух из пяти тюрем – в Бресте и Волковыске⁴⁰.

Слабая востребованность внутренних работ в уездных тюрьмах была обусловлена и низкой квалификацией заключенных, обучение производственным навыкам которых затруднялось незначительным сроком назначаемого им наказания. Например, к началу второго десятилетия XX в. в Витебской тюрьме содержались 54 заключенных, «знающих сапожное,

портняжное, столярное и кузнечное мастерства», осужденных на срок от 1 года до 15 лет. В то же время в Лепельской тюрьме насчитывалось всего трое заключенных, владеющих ремесленными навыками, а в Дризенской и Городокской тюрьмах их не содержалось вообще⁴¹. Открытые в это же время в Игуменской, Бобруйской, Борисовской и Слуцкой тюрьмах столярные и швейные мастерские, а также мастерские по производству корзин в связи с отсутствием среди заключенных соответствующих специалистов функционировать так и не начали⁴².

В итоге к началу второго десятилетия XX в. в большинстве местных уездных тюрем заработок заключенных был невелик, а численность заключенных, привлекаемых к труду, – незначительна. Годовой доход осужденных Городокской и Лепельской тюрем был не более 400 руб., а заработок заключенных Кобринской и Пружанской тюрем составлял от 150 до 314 руб.⁴³ Тюремный инспектор по Минской губернии в это же время отмечал, что в Новогрудской тюрьме из-за отсутствия в городе фабрик на работы выводились не более двух арестантов, а в Игумене в связи с тем, что «город этот мал, беден и мертв, тюрьма отличалась своим полным бездействием, и годовой заработок от арестантских работ составлял в ней всего 380 рублей». Незначительное количество осужденных выводилось на работы также и в Борисовской тюрьме, где «за неимением заказов на наружные работы арестанты проводили время в полной праздности»⁴⁴.

Тем не менее, несмотря на негативные явления, сдерживавшие процесс организации трудовой деятельности заключенных на белорусских землях, востребованность внешних работ в большинстве местных тюрем и внутренних работ в губернских и некоторых уездных тюрьмах к началу второго десятилетия XX в. повлекла увеличение количества привлекаемых к труду заключенных и повышение доходов от этого труда. Во всех тюрьмах Российской империи среднесуточная численность привлекаемых к работам осужденных возросла с 35 586 человек в 1902 г. до 72 134 человек в 1911 г., а доля осужденных, занятых на работах, относительно их общего количества увеличилась с 23,8 до 36,9 %⁴⁵.

³⁷ Дело о приобретении для швейных мастерских тюрем Витебской губернии швейных машинок // НИАБ. Ф. 2637. Оп. 1. Д. 17. Л. 49.

³⁸ Переписка Гродненской губернской тюремной инспекции с начальниками тюрем о деньгах, заработанных арестантами в 1913 г. // НИАБ в г. Гродно. Ф. 545. Оп. 1. Д. 14. Л. 50.

³⁹ Ревизионные замечания губернского тюремного инспектора при разъездах по тюремным заключениям Минской губернии // НИАБ. Ф. 303. Оп. 1. Д. 44. Л. 5.

⁴⁰ Отчет о деятельности Гродненского комитета «Общества попечительского о тюрьмах» и его уездных отделениях в 1905 г. // НИАБ в г. Гродно. Ф. 37. Оп. 1. Д. 1818. Л. 260.

⁴¹ Дело о производстве арестантами работ в местах заключения Витебской губернии в 1911 г. // НИАБ. Ф. 2637. Оп. 1. Д. 47. Л. 109, 142.

⁴² Ревизионные замечания губернского тюремного инспектора при разъездах по тюремным заключениям Минской губернии // Там же. Ф. 303. Оп. 1. Д. 44. Л. 6.

⁴³ Отчет о деятельности Гродненского комитета «Общества попечительского о тюрьмах» и его уездных отделениях в 1905 г. // НИАБ в г. Гродно. Ф. 37. Оп. 1. Д. 1818. Л. 157, 240.

⁴⁴ Ревизионные замечания губернского тюремного инспектора при разъездах по тюремным заключениям Минской губернии // НИАБ. Ф. 303. Оп. 1. Д. 44. Л. 5.

⁴⁵ Отчет по Главному тюремному управлению за 1911 г. // Тюрем. вестн. 1913. № 5. С. 61.

На белорусских землях к началу второго десятилетия XX в. к труду было привлечено 90–94 % всех осужденных в Гродненской, Лидской, Полоцкой и Струнской тюрьмах. В Вилейской, Ошмянской, Сенненской, Слонимской и Слуцкой тюрьмах этот показатель был 31–43 % [9, с. 313].

В целом доля тюрем, в которых к труду были привлечены 31–94 % осужденных, на белорусских землях составила 26 %. Это способствовало упрощению адаптации в обществе бывших заключенных, получивших в тюрьме трудовые навыки.

Повышение уровня трудовой занятости осужденных обусловило дальнейшее увеличение количества заработанных ими денежных средств. Если в 1910 г. тюрьмами Минской губернии были заработаны 8858 руб., то в 1912 г. – 26 252 руб.⁴⁶ В Гродненской тюрьме за 1909 г. заключенными были заработа-

ны 12 400 руб., а уже за первое полугодие 1914 г. – 21 135 руб.⁴⁷ Значительной была сумма арестантского заработка в тюрьмах Витебской губернии, составившая в 1913 г. 52 018 руб.⁴⁸ Соответственно, к началу второго десятилетия XX в. возросли и поступления от этих сумм в казну, что позволило сократить расходы на продовольственное, вещевое и медицинское обеспечение заключенных. Например, от заработка заключенных Минской губернии в казну поступало до 7900 руб. в год, что составляло 20 % от затрат на их продовольственное обеспечение. В Витебской губернии этот показатель был еще выше – до 15 600 руб., при этом затраты на обеспечение осужденных продуктами составляли до 12 000 руб. Полностью окупались заработком заключенных затраты по их продовольственному обеспечению и в Гродненской тюрьме⁴⁹.

Заключение

После тюремной реформы 1879 г. и законодательной регламентации труда заключенных к концу XIX в. на белорусских землях во всех губернских и большинстве уездных тюрем значительное распространение получили работы, осуществляемые заключенными вне тюрем, или внешние работы, а в губернских тюрьмах – работы осужденных в производственных мастерских. Для дальнейшей организации трудовой деятельности заключенных в конце первого десятилетия XX в. Главным тюремным управлением было организовано проведение на белорусских землях мелиоративных и лесозаготовительных работ, а также учреждены губернские тюремные инспекции, осуществлявшие централизованное управление трудом осужденных. В результате к началу второго десятилетия XX в. в местных губернских и большинстве уездных тюрем востребованными стали работы по уборке улиц, транспортировке грузов, ремонту железных дорог, а также лесозаготовительные и сельскохозяйст-

венные работы. В губернских и некоторых уездных тюрьмах увеличилась также производительность труда заключенных в тюремных мастерских (в основном по изготовлению одежды и обуви). В то же время процесс организации трудовой деятельности осужденных в большинстве уездных тюрем сдерживался их переполненностью, не позволявшей открывать производственные мастерские, и отсутствием у большинства заключенных необходимых для работы профессиональных навыков. Тем не менее в результате комплекса мер, направленных на повышение производительности труда заключенных, на белорусских землях к началу второго десятилетия XX в. значительно увеличилась численность осужденных, привлеченных к труду, что способствовало их адаптации в обществе после освобождения. Кроме того, возросли суммы зарабатываемых осужденными денежных средств, что позволило существенно снизить расходы на их содержание в местах заключения.

Библиографические ссылки

1. Упоров ИВ. *Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв. Историко-правовой анализ тенденций развития*. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс; 2004. 610 с.
2. Лисин АГ, Петренко НИ, Яковлева ИЕ. *Тюремная система Российского государства в XVIII – начале XX вв*. Москва: Академия МВД России; 1996. 60 с.
3. Фойницкий ИЯ. *Учение о наказании в связи с тюремоведением*. Санкт-Петербург: Типография Министерства путей сообщения; 1889. 504 с.
4. Лучинский НФ. *Основы тюремного дела*. Санкт-Петербург: Тюремный вестник; 1904. 179 с.
5. Детков МГ. *Наказание в царской России: система его исполнения*. Москва: Интерправо; 1994. 120 с.
6. Лисицын ВМ. *За тюремной стеной: история Гродненской тюрьмы (XIX век – 1939)*. Гродно: Гродненская типография; 2003. 352 с.

⁴⁶Ревизионные замечания губернского тюремного инспектора при разъездах по тюремным заключениям Минской губернии // НИАБ. Ф. 303. Оп. 1. Д. 44. Л. 104.

⁴⁷Переписка с Гродненским губернским казначейством о выплате заработной платы арестантам Гродненской тюрьмы в 1914 г. // НИАБ в г. Гродно. Ф. 548. Оп. 1. Д. 22. Л. 116.

⁴⁸Дело о производстве арестантских работ в уездных тюрьмах Витебской губернии в 1913 г. // НИАБ. Ф. 2637. Оп. 1. Д. 294. Л. 3.

⁴⁹Табель о деньгах на продовольствие арестантов в 1914 г. // Тюрем. вестн. 1914. № 1. С. 28.

7. Гогель СК. *Вопросы уголовного права, процесса и тюрьмоведения*. Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза»; 1906. 646 с.
8. Познышев СВ. *Очерки тюрьмоведения*. Москва: Г. А. Леман и Б. Д. Плетнев; 1915. 296 с.
9. Гогель СК. Арестантский труд. *Тюрьмный вестник*. 1913;2:309–326.

References

1. Uporov IV. *Penitentsiarnaya politika Rossii v XVIII–XX vv. Istoriko-pravovoi analiz tendentsii razvitiya* [Penitentiary policy of Russia in 18th – 20th centuries. Historic and legal analysis of the tendencies of development]. Saint Petersburg: Yuridicheskii Tsentr Press; 2004. 610 p. Russian.
2. Lisin AG, Petrenko NI, Yakovleva IE. *Tyuremnaya sistema Rossiiskogo gosudarstva v XVIII – nachale XX vv.* [Prison system of Russia at 18th – early 20th centuries]. Moscow: Academiya MVD Rossii; 1996. 60 p. Russian.
3. Foinitskii IYa. *Uchenie o nakazanii v svyazi s tyur'movedeniem* [The punishment doctrine in relation to the prison management]. Saint Petersburg: Tipografiya Ministerstva putei soobshcheniya; 1889. 504 p. Russian.
4. Luchinskii NF. *Osnovy tyuremnogo dela* [Basis of prison]. Saint Petersburg: Tyuremnyi vestnik; 1904. 179 p. Russian.
5. Detkov MG. *Nakazanie v tsarskoi Rossii: sistema ego ispolneniya* [Penalty in the Czarist Russia: the system of its application]. Moscow: Interpravo; 1994. 120 p. Russian.
6. Lisitsyn VM. *Za tyuremnoi stenoi: istoriya Grodnenskoi tyur'my (XIX vek – 1939)* [Under the prison wall: the history of the Grodno's prison (the 19th century – 1939)]. Grodno: Grodnenskaya tipografiya; 2003. 352 p. Russian.
7. Gogel' SK. *Voprosy ugovnogo prava, protsesssa i tyur'movedeniya* [Questions of the criminal law, the process and prison management]. Saint Petersburg: Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za»; 1906. 646 p. Russian.
8. Poznyshev SV. *Ocherki tyur'movedeniya* [Essaics of the prison management]. Moscow: G. A. Leman i B. D. Pletnev; 1915. 296 p. Russian.
9. Gogel' SK. [The prisoners work]. *Tyuremnyi vestnik*. 1913;2:309–326. Russian.

Статья поступила в редколлегию 02.02.2020.
Received by editorial board 02.02.2020.

УДК 94(476)+281.93

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЦЕРКОВНОГО РАСКОЛА БЕЛОРУССКОЙ ДИАСПОРЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х гг.

А. В. СЛЕСАРЕВ¹⁾

¹⁾Минская духовная академия, ул. Зыбицкая, 27, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассмотрена история зарождения и развития внутриконфессионального конфликта, охватившего Белорусскую автокефальную православную церковь (БАПЦ) в первой половине 1980-х гг. Впервые делается вывод относительно определяющей роли идейных предпосылок возникновения раскола, коренящихся в разности подходов к пониманию принципов церковного управления. Если для высшего церковного руководства была характерна приверженность идеям о ключевом значении иерархии (клерикализм), то представители приходов и белорусских общественно-политических организаций настаивали на обязательности реализации принципа соборности (коллегальности). Результатом развития конфликта стали структурно-административное разделение БАПЦ, взаимная компрометация оппонентов, существенное сокращение финансовых возможностей приходов и дезинтеграция белорусской диаспоры. В отличие от Украинской автокефальной православной церкви в эмиграции разделенная и ослабленная внутренними противоречиями БАПЦ оказалась неспособной к распространению своей деятельности на территории Беларуси в конце 1980-х – первой половине 1990-х гг.

Ключевые слова: автокефалия; белорусская диаспора; Белорусская автокефальная православная церковь; Белорусская Народная Республика; православие; православная церковь; эмиграция.

Благодарность. Автор благодарит заместителя директора учреждения «Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства» Н. С. Гордиенко (Минск, Беларусь) и Н. С. Василевич (Бонн, Германия) за содействие в поиске документальных материалов по истории белорусской диаспоры.

АКАЛІЧНАСЦІ ЎЗНІКНЕННЯ І ГІСТОРЫЯ РАЗВІЦЦА ЦАРКОЎНАГА РАСКОЛУ БЕЛАРУСКАЙ ДЫАСПАРЫ Ў ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ 1980-х гг.

А. В. СЛЕСАРАЎ^{1*}

^{1*}Мінская духоўная акадэмія, вул. Зыбіцкая, 27, 220030, г. Мінск, Беларусь

Разгледжана гісторыя зараджэння і развіцця ўнутрыканфесійнага канфлікту, які ахапіў Беларускаю аўтакефальную праваслаўную царкву (БАПЦ) у першай палове 1980-х гг. Упершыню робіцца выснова адносна вызначальнай ролі ідэйных перадумоў узнікнення расколу, якія караніліся ў рознасці падыходаў да разумення прынцыпаў царкоўнага кіравання. Калі для вышэйшага царкоўнага кіраўніцтва была характэрная прыхільнасць ідэям аб ключавым значэнні іерархіі (клерыкалізм), то прадстаўнікі парафій і беларускіх грамадска-палітычных арганізацый настойвалі на абавязковасці рэалізацыі прынцыпу саборнасці (калегіяльнасці). Вынікам развіцця канфлікту сталі структурна-

Образец цитирования:

Слесарев АВ. Обстоятельства возникновения и история развития церковного раскола белорусской диаспоры в первой половине 1980-х гг. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2020;4:66–79. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-4-66-79>

For citation:

Slesarau AV. The circumstances of the origin and history of the development of the church schism of the Belarusian diaspora in the first half of the 1980s. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2020;4:66–79. Russian. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-4-66-79>

Автор:

Александр Валерьевич Слесарев – кандидат богословия, доцент; проректор по научной работе, заведующий кафедрой церковной истории и церковно-практических дисциплин.

Author:

Aliaxandr V. Slesarau, PhD (theology), docent; vice-rector for scientific work and head of the department of church history and church-practical disciplines.
a-slesarev@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4892-999X>

адміністрацыйны падзел БАПЦ, узаемная кампраметацыя апанентаў, істотнае зніжэнне фінансавых магчымасцей прыходаў і дэзынтэграцыя беларускай дыяспары. У адрозненне ад Украінскай аўтакефальнай праваслаўнай царквы ў эміграцыі падзеленая і паслабленая ўнутранымі супярэчнасцямі БАПЦ аказалася няздольнай да распаўсюджвання сваёй дзейнасці на тэрыторыі Беларусі ў канцы 1980-х – першай палове 1990-х гг.

Ключавыя словы: аўтакефалія; беларуская дыяспара; Беларуская аўтакефальная праваслаўная царква; Беларуская Народная Рэспубліка; праваслаўе; праваслаўная царква; эміграцыя.

Падзяка. Аўтар дзякуе намесніку дырэктара ўстановы «Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва» Н. С. Гардзіенка (Мінск, Беларусь) і Н. С. Васілевіч (Бон, Германія) за дапамогу ў пошуку дакументальных матэрыялаў па гісторыі беларускай дыяспары.

THE CIRCUMSTANCES OF THE ORIGIN AND HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF THE CHURCH SCHISM OF THE BELARUSIAN DIASPORA IN THE FIRST HALF OF THE 1980s

A. V. SLESARAU^a

^a*Minsk Theological Academy, 27 Zybickaja Street, Minsk 220030, Belarus*

The article describes the history of the origin and development of the intra-confessional conflict that engulfed the Belarusian Autocephalous Orthodox Church (BAOC) in the first half of the 1980s. For the first time, a conclusion is drawn regarding the decisive role of the ideological prerequisites for the emergence of a split, rooted in the difference in approaches to understanding the principles of church governance. If the highest church leadership was characterised by a commitment to the ideas of the key role of hierarchy (clericalism), then representatives of parishes and Belarusian sociopolitical organisations insisted on the obligation to implement the principle of collegiality. The conflict developed as a result of the structural and administrative division of the BAOС, mutual compromise of opponents, a significant reduction in the financial possibilities of parishes and the disintegration of the Belarusian diaspora. Unlike the Ukrainian Autocephalous Orthodox Church in exile, divided and weakened by internal contradictions, the BAOС was unable to expand its activities in Belarus in the late 1980s and 1990s.

Keywords: autocephaly; Belarusian diaspora; Belarusian Autocephalous Orthodox Church; Belarusian People's Republic; emigration; Orthodoxy; Orthodox Church.

Acknowledgements. The author is grateful to N. S. Gordienko, deputy director of the Belarusian State Archive-Museum of Literature and Arts (Minsk, Belarus), and N. S. Vasilevich (Bonn, Germany) for assistance in finding documentary materials on the history of the Belarusian diaspora.

Введение

Актуальность изучения истории белорусского зарубежья обусловливается важностью поддержания духовного и культурного единства белорусского народа. На протяжении десятилетий религиозный фактор сохранял высокую значимость в жизни послевоенной белорусской диаспоры. Основанные православными белорусами церковные приходы не ограничивались организацией регулярного совершения богослужений, становясь важными центрами общественной и культурной жизни. Более того, в своей деятельности православные приходы ориентировались на широкое содействие сохранению национально-культурной идентичности белорусов рассеяния. Данное обстоятельство позволяет рассматривать конфессиональную историю белорусской эмиграции как важную составляющую исторического пути белорусского народа, пройденного в XX в. Возникшее в первой половине 1980-х гг. конфликтное противостояние

между иерархами Белорусской автокефальной православной церкви (БАПЦ) явилось фактором, не только разделившим церковную структуру, но и в значительной степени дезинтегрировавшим белорусскую диаспору. По этой причине изучение данного внутриконфессионального конфликта во многом способствует восстановлению контекста религиозной, общественной, культурной и даже политической жизни белорусского зарубежья означенного периода.

К настоящему времени история церковного раскола БАПЦ первой половины 1980-х гг. практически не нашла отражения в отечественной и зарубежной историографии. Единственным исключением является книга Н. Гордиенко и Л. Юревича «Рада БНР, 1982–1997. Падзеі. Дакументы. Асобы». Исторический очерк, предваряющий публикуемые в книге документы, содержит раздел с кратким описанием предпосылок и наиболее значимых этапов

хронологии раскола [1, с. 6–11]. Делается предположение о персональном антагонизме двух иерархов БАПЦ как основной предпосылке раскола [1, с. 7]. При этом авторы отмечают, что изучение данного вопроса не входило в задачи осуществленного ими исследования. По этой причине названная тема сохраняет исследовательские перспективы, требуя обращения к широкому кругу документальных источников, более детальной разработки хронологии событий и выявления неизученных аспектов рассматриваемой проблемы.

Методология исследования

Методологические основания исследования включают диалектические принципы объективности, всесторонности, конкретности и историзма. Изучение означенной темы осуществлялось посредством реализации таких универсальных методов познания, как синтез и анализ, дедукция и индукция, абстрагирование и обобщение. Важное место в рамках исследования занимали специально-научные методы. При-

Цель настоящей работы – выяснение обстоятельств возникновения и описание истории развития церковного раскола белорусской диаспоры в первой половине 1980-х гг. Достижение поставленной цели предполагает реализацию задач по восстановлению хронологической последовательности развития событий, выявлению идейных оснований внутрицерковного конфликта, определению позиции белорусских общественно-политических организаций и средств массовой информации в отношении конфликтующих сторон.

менение историко-генетического метода позволило представить историю изучаемого внутриконфессионального конфликта в процессе его исторического развития от стадии зарождения до раскола церковной организации. Изучение специфики разделения административной структуры БАПЦ предполагало необходимость обращения к структурному и системному методам, методу сравнения и методу аналогии.

Основная часть

По состоянию на начало 1980 г. в структуру БАПЦ входили 2 епархии, включавшие в свой состав 6 приходов на территории Великобритании, 6 приходов в США, 1 приход в Канаде и 3 прихода в Австралии. Во главе Американской епархии, объединявшей приходы США и Австралии, стоял первоиерарх БАПЦ митрополит Андрей (Крит). Управляющим Европейской епархией, включавшей приходы Великобритании и Канады, являлся архиепископ Турово-Пинский и Торонтский Николай (Мацукевич). Согласно Уставу БАПЦ полномочия высшего органа церковного управления принадлежали созываемому раз в 12 лет Церковному собору. В межсоборный период руководство религиозной организацией осуществляли Собор епископов, рада и консистория БАПЦ. Собор епископов включал обоих управляющих епархиями и предполагал председательство первоиерарха. В состав рады входили первоиерарх БАПЦ митрополит Андрей (на правах председателя), архиепископ Николай, 7 клириков и 8 мирян. Текущими вопросами церковного администрирования занималась консистория БАПЦ, включавшая первоиерарха (председателя), 2 клириков и 2 мирян. Избрание и утверждение персонального состава рады и консистории состоялось 27–29 мая 1972 г. на Втором соборе БАПЦ¹. Со времени своего возникнове-

ния в 1948–1949 гг. БАПЦ пользовалась поддержкой Рады БНР (подробнее см. [2]), что обеспечивало ей дополнительные основания относительно стабильного существования.

Поводом к возникновению внутренних напряжений в БАПЦ стало издание митрополитом Андреем 18 марта 1980 г. указа об отстранении священника Александра Яновского от должности настоятеля прихода Жировичской иконы Божией Матери в Хайленд-Парке (Нью-Джерси, США) и назначении новым настоятелем священника Иоанна Бруцкого. Несмотря на просьбу священника Александра отложить действие данного указа на 1 год для разрешения вопроса о трудоустройстве и нежелание подавляющего большинства прихожан принимать нового настоятеля, первоиерарх БАПЦ настаивал на выполнении его распоряжения. Ново-назначенный настоятель усердно добивался расположения местной общины, но встретил решительное сопротивление со стороны приходского актива. После этого священник Иоанн с согласия митрополита Андрея обратился в гражданский суд, требуя от приходского совета исполнения распоряжения правящего архиерея². Развитие конфликта побудило участников чрезвычайного общего собрания прихода, состоявшегося 4 мая 1980 г. в Хайленд-Парке, принять резолюцию о временном выходе

¹ Кендыш В. 3 Кнігі правілаў, частка I і Статут БАПЦ // Голас царквы. 1987. № 60. С. 20–22 ; Сабор Беларускае аўтакефальнае праваслаўнае царквы // Голас царквы. 1972. № 36. С. 3–6 ; Session of the Council of Bishops of the BAOC // The Byelorussian Times. 1981. March. P. 3. (Здесь и далее источники приводятся с сохранением языковых особенностей оригинала.)

² Айцец Аляксандар Яноўскі звольнены як сьвятар БАПЦ // The Byelorussian Times. 1980. Верасень. С. 3 ; Дарадчая камісія. Закалот у БАПЦ // Беларус. 1981. Чэрвень – ліпень. С. 3 ; Паведамленьне з кансысторыі Беларускае аўтакефальнае праваслаўнае царквы // Голас царквы. 1980. № 53. С. 20 ; Закалот у БАПЦ пашырыўся. Судовая справа ў Гайленд Парку адноўлена. Другі суд пачаўся ў Брукліне // The Byelorussian Times. 1981. Студзень. С. 2 ; Яноўскі А. Ліст у рэдакцыю // Беларус. 1982. Май. С. 5–6.

церковной общины из подчинения управляющему Американской епархией и переходе под руководство главы Европейской епархии БАПЦ³.

Сложившаяся ситуация была рассмотрена 10 мая 1980 г. на годовом собрании прихода Святого Кирилла Туровского в Торонто, проходившем в присутствии настоятеля и управляющего Европейской епархией архиепископа Николая. По итогам обсуждения участники встречи приняли специальную резолюцию, в которой призвали митрополита Андрея и всех виновников конфликтного противостояния незамедлительно прекратить действия, чреватые возникновением церковного раскола. Одновременно с этим предлагалось в срочном порядке провести совещание рады БАПЦ для урегулирования сложившейся ситуации⁴.

В ходе работы Собора епископов БАПЦ, состоявшегося 26 июля 1980 г., архиепископ Николай предложил рассмотреть положение прихода Жировичской иконы Божией Матери в церковном суде. Однако данная инициатива не встретила поддержки со стороны первоиерарха, не допускавшего возможности пересмотра своего решения⁵. Более того, указом от 30 августа 1980 г. митрополит Андрей наложил на священника Александра Яновского запрещение в священнослужении и уволил его из состава клира БАПЦ⁶. Не признав законность данного решения, 14 сентября 1980 г. священник Александр обратился к архиепископу Николаю с просьбой инициировать рассмотрение сложившейся ситуации в рамках рады БАПЦ⁷. Иными словами, уволенный с должности настоятеля клирик оспаривал правомочность решения, единолично принятого управляющим Американской епархией. Намереваясь добиться пересмотра распоряжения правящего архиерея, он призывал к коллегиальному рассмотрению сложившейся ситуации. В свою очередь, митрополит Андрей отказался созывать специальное заседание рады и санкционировал возбуждение нового разбирательства в гражданском суде. Действия первоиерарха встретили резко негативную реакцию со стороны архиепископа Николая, который 21 сентября 1980 г. заявил о принятии церковной общины в Хайленд-Парке под свое

непосредственное руководство вплоть до созыва Собора БАПЦ⁸.

Произошедшие события вызвали широкий резонанс в среде белорусской диаспоры, разделив верующих на сторонников и противников первоиерарха. В ряде случаев церковные общины в полном составе заявляли о неприемлемости принципа единоличного управления церковной жизнью, подчеркивая необходимость сохранения коллегиального (соборного) подхода к церковному администрированию. Так, уже 28 сентября 1980 г. участники чрезвычайного собрания прихода Жировичской иконы Божией Матери в Кливленде осудили действия митрополита Андрея и заявили о временном переходе в непосредственное подчинение архиепископу Николаю⁹. Аналогичное постановление 12 октября 1980 г. приняло чрезвычайное общее собрание прихода Святого Духа в Детройте¹⁰. Разрывая административную зависимость от управляющего Американской епархией, белорусские приходы прекращали выплату налога на содержание консистории, возглавляемой первоиерархом. Данное обстоятельство ошутимо отражалось на материальном обеспечении руководящего органа БАПЦ. Призывая верующих к признанию духовной власти митрополита Андрея, консистория указывала на обязательность возобновления денежных перечислений¹¹.

Помимо церковных приходов, сторону архиепископа Николая заняла редакция газеты «Беларус» (Нью-Йорк, США), отражавшая события церковной жизни в соответствии с избранной позицией. Информационную поддержку митрополиту Андрею обеспечивали официальный орган БАПЦ журнал «Голас царквы» (Нью-Йорк, США), а также газеты «The Byelorussian Times» (Нью-Йорк, США) и «Беларускі голас» (Торонто, Канада). На протяжении первой половины 1980-х гг. разногласия между первоиерархом БАПЦ и управляющим Европейской епархией освещались в белорусской печати как следствие столкновения двух подходов к вопросу организации церковного управления. Позиция архиепископа Николая сводилась к критике клерикализма и утверждению принципиальной значимости реализации принципа соборности, предполагавшего равноправное участие в церковном управлении клириков и мирян¹².

³Парахвіяльная рада. 3 царкоўнага жыцця. Гайлэнд Парк, Нью Джэрзі // Беларус. 1980. Лістапад – снежань. С. 7.

⁴Акула К. Гадавы сход і сьвята парахвіі ў Таронье // Беларус. 1980. Чэрвень. С. 6.

⁵Мікалай, архіепіскап. Пасланьне ўладыкі Мікалая архіепіскапа БАПЦ [27 чэрвеня 1981 г.] // Беларус. 1981. Чэрвень – ліпень. С. 3.

⁶Айцец Аляксандар Яноўскі звольнены як сьвятар БАПЦ // The Byelorussian Times. 1980. Верасень. С. 3.

⁷Просьба а. Аляксандра Яноўскага да Архіепіскапа Мікалая. 14 верасня 1980 г. // Арх. Беларус. 6-кі і музея імя Францыска Скарыны ў Лондане (АББМФС). Арк. 1. (Здесь и далее наименование официальных документов приводится с сохранением орфографических особенностей оригинала.)

⁸Парахвіяльная рада. 3 царкоўнага жыцця. Гайлэнд Парк, Нью Джэрзі // Беларус. 1980. Лістапад – снежань. С. 7.

⁹Кансісторыя БАПЦ. Выясненне й папярэджаньне да Братоў й Сёстраў парахвіянаў Парахвіі Сабору Жыровіцкай Божай Маці ў Кліўленд, Агаё. 31 сакавіка 1982 г. // Libr. and Arch. Can. in Ontario (LAC). MG31-H193 (Marian Ziniak fond). Contain. 2. File 37. P. 1; К. С. Надзвычайны царкоўны сход у Кліўлендзе // Беларус. 1980. Кастрычнік. С. 3.

¹⁰Парахвіяльная рада. 3 царкоўнага жыцця. Дэтройт, Мічыгэн // Беларус. 1980. Лістапад – снежань. С. 7.

¹¹Кансісторыя БАПЦ. Выясненне й папярэджаньне да Братоў й Сёстраў парахвіянаў Парахвіі Сабору Жыровіцкай Божай Маці ў Кліўленд, Агаё. 31 сакавіка 1982 г. // LAC. MG31-H193 (Marian Ziniak fond). Contain. 2. File 37. P. 2.

¹²Мікалай, архіепіскап. Роля міранаў у Царкве // Беларус. 1983. Кастрычнік. С. 2, 6.

По мнению митрополита Андрея, аргументы сторонников коллегиальности церковного управления являлись прикрытием стремления руководства белорусских политических и общественных организаций всецело поставить религиозную жизнь под свой непосредственный контроль¹³. Первоиерарх БАПЦ подчеркивал незыблемость догматико-канонических установлений, касающихся исключительных полномочий высшей иерархии в церковном управлении и подчиненной роли мирян¹⁴.

В ситуации стремительной потери контроля над приходами Американской епархии митрополит Андрей старался укрепить собственное положение путем публикации разъяснений относительно происходящего¹⁵. Другим средством усиления своих позиций первоиерарх видел увеличение епископата БАПЦ до 3 человек посредством рукоположения нового архиерея. Включение в состав Собора епископов БАПЦ нового архиерея, избранного из числа последователей митрополита Андрея, позволило бы последнему обеспечить себе преимущество голосов в названном органе церковного управления. Первым шагом к реализации задуманного стало проведение заседания рады БАПЦ, включавшей сторонников первоиерарха и проходившей 15 ноября 1980 г. в Дороти (Нью-Джерси, США). Осудив действия управляющего Европейской епархией, участники заседания утвердили кандидата на рукоположение епископа Полоцкого, викария Американской епархии БАПЦ. Им оказался священник Иоанн Бруцкий, ранее назначавшийся настоятелем белорусского прихода в Хайленд-Парке, но отвергнутый церковной общиной¹⁶. Данное решение вызвало протест со стороны архиепископа Николая, заявившего о незаконности решений рады БАПЦ¹⁷.

Игнорируя позицию управляющего Европейской епархией, митрополит Андрей приступил к практической реализации постановлений рады БАПЦ. Так, 30 ноября 1980 г. первоиерарх совершил монашеский постриг священника Иоанна Бруцкого с наречением имени Изяслав, а 7 ноября того же года возвел его в сан архимандрита¹⁸. По согласованию с первоиерархом Украинской православной церкви (УПЦ) в США и диаспоре митрополитом Мстиславом (Скрыпником) епископское рукоположение архимандрита Изяслава состоялось 22 февраля 1981 г. в украинском кафедральном соборе Святого Апо-

стола Андрея Первозванного (Саут-Баунд-Брук, Нью-Джерси, США). В хиротонии приняли участие митрополит Андрей (Крит), митрополит Мстислав (Скрыпник) и архиепископ Орест (Иванюк), управляющий Западно-Европейской епархией УПЦ в США и диаспоре¹⁹.

Появление в составе БАПЦ нового иерарха позволило митрополиту Андрею провести 7 марта 1981 г. Собор епископов, в работе которого не пожелал участвовать архиепископ Николай. Во время заседания было принято решение об усвоении митрополиту Андрею титула «блаженнейший», традиционно употребляемого применительно к предстоятелям поместных православных церквей. Другим решением стало утверждение епископа Изяслава в должности викария Американской епархии с усвоением статуса заместителя первоиерарха БАПЦ. Местом резиденции епископа Изяслава определялся приходской дом в Хайленд-Парке. Участники заседания признали приходы в Хайленд-Парке, Нью-Йорке и Детройте неотъемлемой частью Американской епархии. Особым постановлением подтверждались решения митрополита Андрея об исключении из состава БАПЦ священника Александра Яновского и назначении настоятелем прихода в Хайленд-Парке епископа Изяслава. При этом священнику Александру предписывалось в течение 7 дней прекратить приходскую деятельность и освободить церковное жилое помещение. Действия архиепископа Николая по принятию в состав Европейской епархии приходов Американской епархии объявлялись противоречащими каноническим нормам, нарушающими Устав БАПЦ и направленными на подрыв авторитета первоиерарха. Декларировалось осуждение позиции архиепископа Николая, отказавшегося от участия в Соборе епископов и заседании рады БАПЦ. В завершение работы Собор епископов призвал управляющего Европейской епархией признать допущенные ошибки и примириться с первоиерархом БАПЦ²⁰.

По мере развития внутрицерковного конфликта несогласие с действиями митрополита Андрея выразил приходской актив кафедрального собора Святого Кирилла Туровского в Нью-Йорке. Состоявшееся 22 марта 1981 г. общее приходское собрание приняло решение о временном переходе в состав Европейской епархии и заявило о необходимости созыва Собора БАПЦ для коллегиального обсуждения путей

¹³ Андрэй, мітрапаліт. Яшчэ аб няладах у Б.А.П.Ц. // The Byelorussian Times. 1984. Сакавік. С. 5.

¹⁴ Кансысторыя БАПЦ. Роля міранаў у Царкве // Голас царквы. 1983. № 54. С. 13–15.

¹⁵ Андрэй, мітрапаліт. У абароне закону й Царквы // The Byelorussian Times. 1981. Студзень. С. 3.

¹⁶ Рэзалюцыя рады БАПЦ царквы [15 лістапада 1980 г.] // The Byelorussian Times. 1981. Студзень. С. 3; Кендыш В. Нарада рады БАПЦ // The Byelorussian Times. 1980. Лістапад. С. 4.

¹⁷ Мікалай, архіепіскап. Пасланьне ўладыкі Мікалая архіепіскапа БАПЦ [27 чэрвеня 1981 г.] // Беларус. 1981. Чэрвень – ліпень. С. 3.

¹⁸ Урачыстыя архірэйскае багаслужбы // The Byelorussian Times. 1980. Лістапад. С. 3.

¹⁹ Новы япіскап БАПЦ царквы // The Byelorussian Times. 1981. Студзень. С. 4; Кендыш В. Хіратонія япіскапа Ізяслава // The Byelorussian Times. 1981. Сакавік. С. 4–5.

²⁰ Session of the Council of Bishops of the BAOC // The Byelorussian Times. 1981. March. P. 3; Сабор япіскапаў БАПЦ // The Byelorussian Times. 1981. Сакавік. С. 7.

выхода из внутрицерковного кризиса. Участники встречи отказали епископу Изяславу в признании статуса иерарха БАПЦ вплоть до принятия соответствующего соборного решения, а действия митрополита Андрея охарактеризовали как противоречащие Уставу БАПЦ. Реакцией первоиерарха БАПЦ на произошедшее стали отлучение от церкви наиболее активных прихожан и возбуждение в отношении их новых судебных процессов²¹. Верховный суд штата Нью-Йорк 23 сентября 1981 г. признал незаконным решение о вхождении прихода в структуру Европейской епархии БАПЦ и запретил архиепископу Николаю совершать богослужения в нью-йоркском соборе. Данное постановление позволило митрополиту Андрею сохранить контроль не только над кафедральным собором, но и над приходским банковским счетом²².

Развитие внутрицерковного конфликта нашло отражение в опубликованном 26 апреля 1981 г. пасхальном послании Собора епископов БАПЦ. Несмотря на сохранение архиепископом Николаем членства в названном органе церковного управления, послание не включало его имя²³.

Значимым шагом к консолидации противников церковной линии митрополита Андрея стала состоявшаяся 18 апреля 1981 г. встреча представителей приходов БАПЦ Нью-Йорка, Кливленда, Детройта, Хайленд-Парка и Торонто. Участники встречи приняли решение о создании совещательной комиссии при архиепископе Николае, которая должна была заниматься поиском путей урегулирования конфликта²⁴. На первом заседании совещательной комиссии, состоявшемся 19 апреля 1981 г., приняты следующие постановления: 1) издавать специальный бюллетень для объективного информирования белорусской общественности о происходящих событиях; 2) предпринимать усилия по созыву Собора БАПЦ для урегулирования существующих церковных проблем; 3) создать фонд для покрытия расходов совещательной комиссии; 4) созвать Епархиальный собор и осуществить избрание Епархиального совета, который будет представлять епархию архиепископа Николая²⁵.

Реакцией митрополита Андрея на действия сторонников архиепископа Николая стало проведение 16 мая 1981 г. в Нью-Йорке очередного Собора епископов БАПЦ. Несмотря на поступившие приглашения, управляющий Европейской епархией снова отказался посетить соборное заседание. Рассмотрев состояние церковных дел, участники Собора объявили архиепископа Николая отстраненным от управления Европейской епархией БАПЦ, запрещенным в священнослужении и исключенным из состава епископата БАПЦ по причине нарушения канонических правил и Устава БАПЦ. Вместе с тем архиепископу Николаю предоставлялось право в течение 30 дней апеллировать к Собору епископов БАПЦ относительно отмены принятого решения. Другим решением Собора стало извержение из сана священника Александра Яновского, отказавшегося оставить должность настоятеля прихода в Хайленд-Парке²⁶. В свою очередь, 27 июня 1981 г. архиепископ Николай опубликовал послание к верующим БАПЦ, в котором подверг критике нежелание первоиерарха БАПЦ урегулировать возникший конфликт внутренними средствами и осудил практику рассмотрения спорных ситуаций в гражданских судах, чреватую значительными расходами церковных средств. Текст послания содержал прямое обвинение митрополита Андрея в нарушении канонических правил и Устава БАПЦ, заключавшемся в отстранении приходских советов, верующих и даже самого архиепископа Николая от решения вопросов церковного управления²⁷. Поддержку архиепископу Николаю выразила созданная при нем совещательная комиссия, в июле 1981 г. опубликовавшая заявление о незаконности принятых в отношении иерарха решений, объявленных противоречащими Уставу БАПЦ²⁸.

Не ограничившись критикой соборных постановлений, сторонники архиепископа Николая начали заявлять о непризнании канонической легитимности епископа Изяслава. Так, 5 октября 1981 г. приходской совет кливлендской общины направил первоиерарху БАПЦ декларацию, в которой отрицалась законность избрания и рукоположения епи-

²¹ Дарадчая камісія. Закалот у БАПЦ // Беларус. 1981. Чэрвень – ліпень. С. 3 ; М. У парахвіі БАПЦ у Брукліне // Беларус. 1981. Сакавік. С. 3 ; Міцкевіч і Русак адлучаныя ад Царквы // The Byelorussian Times. 1981. Сакавік. С. 7 ; Парафіяльны сход // The Byelorussian Times. 1981. Сакавік. С. 7 ; Закалот у БАПЦ пашырыўся. Судовая справа ў Гайлэнд Парку адноўлена. Другі суд пачаўся ў Брукліне // The Byelorussian Times. 1981. Студзень. С. 2.

²² Зьмена ў парафіі Б.А.П.Ц. у Таронто // The Byelorussian Times. 1981. Верасень. С. 6 ; Разбор царкоўных грошаў // The Byelorussian Times. 1982. Сакавік. С. 3 ; У царкоўнай справе ў Брукліне суд прызнаў поўную ўладу мітрапаліта // The Byelorussian Times. 1981. Ліпень. С. 3.

²³ Архіпастырскае вялікоднае пасланьне дастойнаму сьвятарству й усім багалюбным вернікам народу беларускага [Вялікодзень, 1981 г.] // The Byelorussian Times. 1981. Сакавік. С. 5.

²⁴ Дарадчая камісія пры архіепіскапу Мікалаю // Беларус. 1981. Чэрвень – ліпень. С. 3.

²⁵ Там жа.

²⁶ Пастанова Сабора Епіскапаў Беларускай Аўтакефальнай Праваслаўнай Царквы. 5 лютага 1983 г. // LAC. MG31-H193 (Marian Ziniak fond). Contain. 2. File 20. P. 1 ; Minutes of session of Council of Bishops of Byelorussian Autocephalic Orthodox Church. May 16, 1981 // The Byelorussian Times. 1981. Май. Р. 5.

²⁷ Мікалай, архіепіскап. Пасланьне ўладыкі Мікалая архіепіскапа БАПЦ [27 чэрвеня 1981 г.] // Беларус. 1981. Чэрвень – ліпень. С. 3.

²⁸ Парушэньне Статуту БАПЦ // Беларус. 1981. Чэрвень – ліпень. С. 3.

скопа Изяслава²⁹. Состоявшееся 21 ноября 1981 г. чрезвычайное общее собрание торонтского прихода приняло резолюцию, в которой заявлялось о непризнании епископа Изяслава иерархом БАПЦ, нелегитимности проходившего без участия архиепископа Николая Собора епископов БАПЦ, незаконности произведенного изменения состава рады и консистории БАПЦ³⁰. Совещательная комиссия 14 декабря 1981 г. направила первоиерарху УПЦ в США и диаспоре официальный протест, подвергая резкой критике украинских архиереев за вмешательство во внутренние дела БАПЦ и участие в рукоположении епископа Изяслава. Завершалось обращение призывом к митрополиту Мстиславу (Скрыпнику) оказать содействие в нормализации взаимоотношений БАПЦ и УПЦ в США и диаспоре³¹.

Нарастание противоречий между белорусскими архиереями во многом предопределило логику развития внутренней жизни БАПЦ в последние годы ее возглавления митрополитом Андреем. Стремление нейтрализовать симпатии верующих к архиепископу Николаю и вернуть контроль над перешедшими под его управление приходами побуждало первоиерарха к активным действиям. Одним из средств реализации поставленных задач стало размещение на страницах белорусской периодической печати критических материалов о бывшем управляющем Европейской епархией. Так, в сентябре 1981 г. консистория опубликовала рецензию на белорусский перевод служебника, осуществленный архиепископом Николаем и изданный в 1980 г. Основной акцент рецензии делался на критике авторского подхода к формированию белорусской богословской лексики, которая характеризовалась как несоответствующая церковнославянским образцам и филологически некорректная³².

Не менее важным средством реализации поставленных задач первоиерарх видел проведение архиерейских визитаций, сопровождавшихся совершением торжественных богослужений, проповедью и встречами с прихожанами. Однако данные действия не всегда являлись эффективными. Так, 30 августа 1981 г. митрополит Андрей посетил храм Жировичской иконы Божией Матери в Кливленде,

где собирался совершить литургию. Не желая допустить этого, члены приходского совета вошли в алтарь и запретили первоиерарху начинать богослужение³³. В связи с состоявшимся официальным увольнением архиепископа Николая из юрисдикции БАПЦ митрополит Андрей предпринял попытку распространить свое влияние на приходы Европейской епархии. Указом от 14 октября 1981 г. он передал приход Святого Кирилла Туровского в Торонто под временное управление епископа Изяслава³⁴. Уже 25 октября 1981 г. последний посетил Торонто, но члены приходской общины заблокировали ему вход в церковь и не позволили приступить к совершению богослужения³⁵. Наряду с приходами Европейской епархии епископ Изяслав посещал приходы Американской епархии. Так, с 18 ноября по 21 декабря 1981 г. он находился с визитом в Австралии, во время которого возглавил освящение храма Трех Виленских Мучеников в Мельбурне. Кроме того, в ходе визитации заместитель первоиерарха БАПЦ посещал белорусские общины в Аделаиде и Сиднее, где совершал богослужения, встречался с прихожанами и разъяснял позицию консистории относительно произошедшего раскола³⁶.

В развивающемся конфликте немаловажной могла стать позиция Рады БНР. На заседании президиума, прошедшем 20 сентября 1981 г., председатель Рады БНР В. А. Жук-Гришкевич заявил о недопустимости вмешательства в церковные дела. Однако не все участники заседания разделяли его позицию, что не позволило принять консолидированного решения³⁷.

Инициированные первоиерархом судебные процессы ложились тяжелым финансовым бременем не только на оппозиционные митрополиту Андрею белорусские приходы, но и на консисторию БАПЦ. К ноябрю 1981 г. общая сумма расходов на судебные издержки составила почти 50 тыс. долл.³⁸ Нарастание негативных последствий внутрицерковного противостояния побудило оппонентов первоиерарха начать ответные действия. Так, 1 января 1982 г. видный общественно-политический деятель белорусской диаспоры А. Стаганович разослал открытое обращение, в котором характеризовал А. П. Криту (будущего

²⁹Кансісторыя БАПЦ. Выясненне й папярэджанне да Братоў і Сёстраў парахвіянаў Парахвіі Сабору Жыровіцкай Божай Маці ў Кліўленд, Агаё. 31 сакавіка 1982 г. // LAC. MG31-H193 (Marian Ziniak fond). Contain. 2. File 37. P. 2.

³⁰Надзвычайны агульны сход парафіі. Рэзалюцыя сходу. Таронта, 21.XI.1982 // Царкоўныя навіны. 1982. Снежаны. С. 2.

³¹Protest to Most Reverend Metropolitan Mstislav, Primate of the Ukrainian Orthodox Church. December 14, 1981 // The Byelorussian Times. 1982. March. P. 4 ; Ліст да радчае рады БАПЦ митрапаліту УАПЦ Мсьціславу // Беларус. 1982. Сакавік. С. 2.

³²Кансісторыя БАПЦ. Некалькі слоў пра «Службоўнік». Рэцэнзы на «Службоўнік», апрацаваны архіепіскапам Мікалаям з удзелам выдавецтва «Пагоня» // The Byelorussian Times. 1981. Верасень. С. 8.

³³Кансісторыя БАПЦ. Выясненне й папярэджанне да Братоў і Сёстраў парахвіянаў Парахвіі Сабору Жыровіцкай Божай Маці ў Кліўленд, Агаё. 31 сакавіка 1982 г. // LAC. MG31-H193 (Marian Ziniak fond). Contain. 2. File 37. P. 2.

³⁴Зьмена ў парафіі Б.А.П.Ц. у Таронто // The Byelorussian Times. 1981. Верасень. С. 6.

³⁵Дыктатура пралетарыяту ў БАПЦ // The Byelorussian Times. 1982. Сакавік. С. 4 ; К. А. Чужы япіскап наведвае беларускія асяродкі // Царкоўныя навіны. 1982. Красавік. С. 1.

³⁶Візытацыя ўладыкі Ізяслава ў Аўстраліі // The Byelorussian Times. Лістапад 1981 – студзень 1982 г. С. 4.

³⁷Працякол паседжаньня Прэзідыюму Рады БНР з дня 20 верасня 1981 г. // Рада БНР, 1970–1982. Падзеі і дакументы / Н. Гардзіенка, Л. Юрэвіч. Мінск : Кнігазбор, 2014. С. 199–200.

³⁸Надзвычайны агульны сход парафіі. Рэзалюцыя сходу. Таронта, 21.XI.1982 // Царкоўныя навіны. 1982. Снежаны. С. 2.

митрополита Андрея) как активного сотрудника гестапо в годы Второй мировой войны, враждебно относившегося к деятельности БНР. Ссылаясь на информацию, полученную от покойного президента Рады БНР Н. С. Абрамчика (1903–1970), автор обращения инкриминировал А. П. Криту доносительство на Н. С. Абрамчика, по причине которого последний в конце 1943 г. вынужденно покинул Берлин и переехал в Париж³⁹. Можно предположить, что распространение данной информации могло преследовать цель давления на первоиерарха БАПЦ, оказавшегося перед перспективой быть обвиненным в сотрудничестве с политической полицией Третьего рейха. Другим следствием распространения обращения А. Стагановича могло стать лишение митрополита Андрея поддержки со стороны приверженцев из числа духовенства и членов рады БАПЦ.

В отличие от ряда активных мирян архиепископ Николай стремился к мирному разрешению конфликтного противостояния. В январе 1982 г. он направил первоиерарху два открытых письма, в которых просил митрополита прекратить судебное производство в отношении прихода в Хайленд-Парке⁴⁰. Осознавая разрушительность последствий церковного раскола, архиепископ Николай в начале 1982 г. выдвинул следующие условия восстановления внутреннего единства БАПЦ: 1) прекращение разбирательств в светских судах; 2) дезавуирование всех постановлений и распоряжений, изданных во время конфликта; 3) всеобщее признание епископа Изяслава⁴¹. Однако данная инициатива не встретила поддержки со стороны митрополита Андрея, по распоряжению которого в январе 1982 г. консистория опубликовала официальное сообщение с указанием на незаконность продолжения архиепископом Николаем религиозной деятельности в юрисдикции БАПЦ. Учитывая игнорирование архиепископом Николаем постановлений Собора епископов БАПЦ от 16 мая 1981 г., митрополит Андрей устанавливал ему двухнедельный срок для подготовки и предоставления своего официального ответа⁴².

Игнорируя предложения о примирении, 22 марта 1982 г. первоиерарх инициировал новое судеб-

ное разбирательство в Верховном суде провинции Онтарио (Канада), добиваясь полного отстранения архиепископа Николая не только от религиозной деятельности в рамках БАПЦ, но и от возглавления белорусского прихода в Торонто⁴³. Параллельно с этим митрополит Андрей и консистория БАПЦ начали судебное разбирательство в Верховном суде штата Нью-Джерси (США), обвиняя архиепископа Николая во вмешательстве в дела Американской епархии БАПЦ, незаконном руководстве церковными общинами на территории США, непризнании власти митрополита и Собора епископов. Консистория просила судебные власти запретить архиепископу Николаю выступать от лица БАПЦ и совершать служение в торонтском приходе. Дополнительным требованием являлось принуждение архиепископа Николая к передаче всех церковных архивов, финансовых средств, церковного имущества и оплате судебных расходов⁴⁴. По прошествии 10 дней, 31 марта 1982 г., консистория БАПЦ заявила о готовности установить правовой порядок в белорусском приходе Кливленда, напомнив приходскому совету о пребывании всего движимого и недвижимого имущества приходов в собственности БАПЦ⁴⁵. Иными словами, прозвучала угроза отторжения у местной общины всей приходской собственности.

Потрясенный масштабами разрушительных последствий церковных разногласий, 1 мая 1982 г. архиепископ Николай направил письменное обращение к первоиерарху с уведомлением о собственном добровольном уходе на покой и просьбой о сохранении в должности настоятеля прихода в Торонто. Однако спустя 3 дня он заявил о возвращении к служению в качестве правящего архиерея, ссылаясь на поступившие просьбы белорусских приходов⁴⁶.

Важным этапом в истории развития церковного раскола БАПЦ могло стать решение судьи Верховного суда штата Нью-Джерси Р. Коэна, который в мае 1982 г. призвал обе стороны конфликта к разрешению противоречий посредством примирения на Соборе БАПЦ⁴⁷. Несмотря на столь авторитетное заключение, позиция первоиерарха БАПЦ оставалась непреклонной. Настаивая на необходимости

³⁹ Стагановіч А. Асьведчаньне. 1 студзеня 1982 г. // АББМФС. Арк. 1.

⁴⁰ Другі ліст архіепіскапа Мікалая да мітрапаліта Андрэя [14 студзеня 1982 г.] // Беларус. 1982. Люты. С. 5 ; Ліст архіепіскапа Мікалая // Беларус. 1982. Студзень. С. 3.

⁴¹ А. М. Што сталася ў БАПЦ і чаму // Царкоўныя навіны. 1982. Люты. С. 1.

⁴² Кендыш В. Паведамленьне Мікалаю ад кансысторыі [18 студзеня 1982 г.] // The Byelorussian Times. Лістапад 1981 – студзень 1982 г. С. 8.

⁴³ Мітрапаліт Андрэй далей судзіцца // Беларус. 1982. Чэрвень – ліпень. С. 5.

⁴⁴ Выступленьне Мікалая ў судзе ў Нью-Брунсвіку // The Byelorussian Times. 1982. Ліпень – верасень. С. 4 ; Мікалай пад судом // The Byelorussian Times. 1982. Ліпень – верасень. С. 6.

⁴⁵ Кансысторыя БАПЦ. Выясненьне й папярэджаньне да Братоў і Сёстраў паравянянаў Парахвіі Сабору Жыровіцкай Божай Маці ў Кліўленд, Агаё. 31 сакавіка 1982 г. // LAC. MG31-H193 (Marian Ziniak fond). Contain. 2. File 37. P. 1–3 ; Ліст сакратара Кансысторыі БАПЦ протапрасьвіцера Васіля Кендыша да іерэя Міхаіла Страпко. № 59/82 ад 31 сакавіка 1982 г. // LAC. MG31-H193 (Marian Ziniak fond). Contain. 2. File 37. P. 1.

⁴⁶ Ліст Найпачасьнейшаму Андрэю Мітрапаліту й Першаму Ярарху Беларускай Аўтакефальнай Праваслаўнай Царквы ад архіепіскапа Мікалая. 1 травня 1982 г. // The Byelorussian Times. 1982. Май. С. 3 ; Адрачэньне Мікалая // The Byelorussian Times. 1982. Май. С. 3 ; Адрачэньне ад адрачэньня // The Byelorussian Times. 1982. Май. С. 3.

⁴⁷ Судзьдзя прапануе склікаць Сабор БАПЦ // Беларус. 1982. Чэрвень – ліпень. С. 5.

продолжения разбирательств в гражданских судах, он предпринял решительные шаги по осуждению архиепископа Николая в рамках церковного судопроизводства. Состоявшийся 7 августа 1982 г. Собор епископов БАПЦ, проходивший при участии митрополита Андрея и епископа Изяслава, принял решение об извержении архиепископа Николая из архиерейского сана и отлучении его от БАПЦ. Кроме того, духовенству БАПЦ запрещалось совершать на богослужении поминовение имени бывшего управляющего Европейской епархией. При этом оговаривалось, что реализация данных постановлений откладывается, а архиепископу Николаю предоставляется возможность принести покаяние на следующем Соборе епископов⁴⁸.

Принятие решения о низложении управляющего Европейской епархией спровоцировало эскалацию противостояния внутрицерковных сил. В августе 1982 г. сторонники архиепископа Николая предприняли попытку выселения митрополита Андрея из резиденции первоиерарха БАПЦ, размещавшейся в Кливленде. Однако по причине независимости резиденции от местного белорусского прихода она осталась в распоряжении митрополита⁴⁹. В октябре 1982 г. кливлендский приходской актив отключил подачу газа и электричества в резиденцию первоиерарха, создав ему тяжелые бытовые условия в период наступления сезонного похолодания⁵⁰.

Не согласившись с решениями Собора епископов, 5 сентября 1982 г. совещательная комиссия при архиепископе Николае приняла решение о созыве в мае 1983 г. Чрезвычайного собора БАПЦ для рассмотрения и разрешения актуальных проблем церковной жизни⁵¹. Инициатива проведения общецерковного обсуждения ситуации при участии иерархов, клириков и мирян первоначально встретила позитивный отклик со стороны белорусских приходов, в том числе и сторонников первоиерарха. Например, 12 сентября 1982 г. с требованием прекратить все судебные процессы и созвать общецерковный Собор выступил приход Всех Святых в Лондоне⁵², а 8 октября 1982 г. аналогичное предложение озвучил приход Святых Апостолов Петра и Павла в Аделаиде⁵³.

Архиепископ Николай 11 сентября 1982 г. предпринял очередную попытку мирного урегулирования конфликта и направил первоиерарху письмо, в котором предлагал прекратить судебные разбирательства. При этом он отмечал, что сумма судебных издержек, уже составившая десятки тысяч долларов, ложится тяжелым бременем на приходы БАПЦ⁵⁴. К письму прилагался проект договоренности между белорусскими иерархами, который мог стать основанием восстановления церковного единства. Проект оговаривал необходимость возвращения внутренней жизни БАПЦ к ситуации января 1980 г., рассмотрения всех спорных вопросов исключительно на заседаниях рады БАПЦ (в составе, избранном в 1972 г.), признания равноправия всех архиереев БАПЦ независимо от занимаемой должности, законности постановлений Собора БАПЦ только после утверждения всеми архиереями, зависимости архиереев от паствы, исключительной важности согласованных действий архиереев БАПЦ, недопустимости рассмотрения церковных вопросов в светском суде и обязанности прекращения всех гражданских судебных процессов⁵⁵. В своем ответе от 22 сентября 1982 г. первоиерарх сообщил архиепископу Николаю о готовности начать процесс умиротворения церковной жизни. Для реализации этой задачи он объявлял о созыве Собора епископов БАПЦ, провести который планировалось 8 октября 1982 г. в Кливленде. Программу Собора предлагалось принять после его открытия. Митрополит Андрей особо подчеркивал необходимость присутствия на Соборе архиепископа Николая⁵⁶. Отвечая на предложение первоиерарха, архиепископ Николай соглашался начать переговоры, но настаивал на выборе другой даты проведения Собора, предварительном согласовании программы и состава участников заседания, а также незамедлительном прекращении всех судебных процессов⁵⁷.

Упорное нежелание первоиерарха и консистории БАПЦ отказаться от многочисленных судебных разбирательств в отношении белорусских приходов и священнослужителей порождало новые протестные настроения. Так, 20 сентября 1982 г. приход Святой Троицы в Дороти вместе с настоятелем заявил о неприятии позиции руководства Американской

⁴⁸Пастанова Сабора Епіскапаў Беларускай Аўтакефальнай Праваслаўнай Царквы. 5 лютага 1983 г. // LAC. MG31-H193 (Marian Ziniak fond). Contain. 2. File 20. P. 1.

⁴⁹«Высяляюць» мітрапаліта // The Byelorussian Times. 1982. Ліпень – верасень. С. 6.

⁵⁰Адшчэпнікі вымарожываюць мітрапаліта // The Byelorussian Times. 1982. Лістапад. С. 3.

⁵¹Пастанова аб скліканні Сабору БАПЦ // Беларус. 1982. Жнівень – верасень. С. 3.

⁵²П. Н. Парахвіяльны сход у Лёндане (Ангельшчына) // Беларус. 1983. Студзень – люты. С. 7.

⁵³Ліст Парафіяльнай Рады Парафіі Святых Апосталаў Пятра і Паўла ў Адэляйдзе мітрапаліту Андрэю, архіепіскапу Мікалая і епіскапу Ізяславу. 8 кастрычніка 1982 г. // АББМФС. Арк. 1 ; Ролсан Я. Заклік да ўладыкаў БАПЦ // Беларус. 1982. Лістапад – снежань. С. 6.

⁵⁴Ліст архіепіскапа Мікалая (Мацукевіча) мітрапаліту Андрэю (Крыту). 11 верасня 1982 г. // АББМФС. Арк. 1.

⁵⁵Асьветчаньне. Дадатак да ліста архіепіскапа Мікалая (Мацукевіча) мітрапаліту Андрэю (Крыту). 11 верасня 1982 г. // АББМФС. Арк. 1.

⁵⁶Ліст мітрапаліта Андрэя (Крыта) да архіепіскапа Мікалая (Мацукевіча). 22 верасня 1982 г. // АББМФС. Арк. 1.

⁵⁷Ліст архіепіскапа Мікалая (Мацукевіча) да мітрапаліта Андрэя (Крыта). 30 верасня 1982 г. // АББМФС. Арк. 1.

епархии и перешел в прямое подчинение архиепископу Николаю⁵⁸.

Неготовность митрополита Андрея согласиться на условия примирения побудила архиепископа Николая отказаться от участия в очередном Соборе епископов, состоявшемся в Кливленде 8 октября 1982 г. и принявшем решение об изменении персонального состава рады БАПЦ⁵⁹. По прошествии месяца, 8 ноября 1982 г., управляющий Европейской епархией и его сторонник из числа исключенных членов рады направили первоиерарху официальный протест, в котором объявили незаконной работу коллегиального органа церковного управления в новом составе⁶⁰. Отвечая на этот протест, митрополит Андрей заявил о невозможности участия в заседаниях рады архиепископа Николая, запрещенного в служении и исключенного из состава БАПЦ решениями Соборов епископов от 16 мая 1981 г. и 7 августа 1982 г. Отсутствие приглашений другим вышеназванным лицам первоиерарх БАПЦ объяснил исключением их из состава рады решением Собора епископов от 8 октября 1982 г.⁶¹

На фоне углубления кризиса БАПЦ изменилась официальная позиция Рады БНР в оценке событий церковной жизни. На заседании 17-й сессии Рады БНР, проходившей 27 ноября 1982 г., В. А. Жук-Гришкевич снова высказал свою принципиальную точку зрения о недемократичности вмешательства светской власти в конфессиональные вопросы. Однако в связи с окончанием второго срока пребывания в должности он сложил полномочия председателя Рады БНР. После состоявшегося голосования новым председателем стал И. С. Сажич – член совещательной комиссии при архиепископе Николае⁶². Под руководством нового председателя участники заседания рассмотрели предложение члена Рады БНР

Р. Н. Горошко (родного брата адвоката В. Н. Горошко, представлявшего интересы митрополита Андрея) принять постановление, официально осуждающее действия оппонентов первоиерарха БАПЦ. Кроме того, поддержавших архиепископа Николая членов Рады БНР предлагалось отстранить от работы на 1 год, а при дальнейшем сохранении ими избранной позиции полностью исключить из состава Рады БНР⁶³. Во время обсуждения данной инициативы И. С. Сажич отметил, что принятие предложения Р. Н. Горошко «еще больше разрушит церковную жизнь»⁶⁴. После состоявшегося обмена мнениями и голосования участники заседания отклонили проект постановления, приняв решение направить от лица президиума сессии Рады БНР обращение к митрополиту Андрею с просьбой прекратить все судебные процессы и начать мирное урегулирование внутрицерковных разногласий⁶⁵. Результаты 17-й сессии не могли удовлетворить тех членов Рады БНР, которые поддерживали первоиерарха БАПЦ, что побудило их выйти из состава организации⁶⁶. Следствием произошедшего стал переход Рады БНР с позиций нейтралитета к прямой поддержке архиепископа Николая. Помимо Рады БНР, на протяжении 1982–1983 гг. с архиепископом Николаем активно взаимодействовали Белорусско-американская ассоциация, Организация белорусско-американской молодежи и Объединение белорусов Канады⁶⁷. Несмотря на демонстрацию белорусскими организациями своей позиции в церковном вопросе, первоиерарх и консистория БАПЦ к началу 1983 г. проводили в отношении сторонников архиепископа Николая около 10 судебных процессов⁶⁸.

Очередным шагом к углублению внутрицерковного конфликта стало официальное обращение ми-

⁵⁸ Ліст протаіерэя Карпа Стара да архіепіскапа Мікалая (Мацукевіча). 20 верасня 1982 г. // АББМФС. Арк. 1 ; Ліст архіепіскапа Мікалая (Мацукевіча) да протаіерэя Карпа Стара. 23 кастрычніка 1982 г. // АББМФС. Арк. 1 ; Ліст Парафіяльнай Рады Парафіі Святога Духа ў Дораты сакратару Кансісторыі протапрасвіцера Васілю Кендышу. 12 снежня 1982 г. // АББМФС. Арк. 1 ; Закрываецца парахвія БАПЦ // Беларус. 1982. Лістапад – снежань. С. 6 ; *Стар К.* Выясненне. Дораты, 14 сакавіка 1983 г. // Беларус. 1983. Сакавік – май. С. 6.

⁵⁹ Мікалай струсаваў // The Byelorussian Times. 1982. Лістапад. С. 5.

⁶⁰ Letter from archbishop Mikalay to metropolitan Andrew. November 8, 1982 // АББМФС. Арк. 1 ; Letter from M. Ganko to metropolitan Andrew. November, 1982 // АББМФС. Арк. 1 ; Letter from G. Dubiako and V. Rusak to metropolitan Andrew. November 11, 1982 // АББМФС. Арк. 1 ; Letter from W. Bakunovich to metropolitan Andrew. November 15, 1982 // АББМФС. Арк. 1.

⁶¹ Letter from metropolitan Andrew to archbishop Mikalay. December 2, 1982 // АББМФС. Арк. 1.

⁶² Працягал 17-й Звычайнай Сэсіі Рады БНР, што адбылася 27 лістапада 1982 г. // Рада БНР, 1947–1970. Падзеі. Дакументы. Асобы / Н. Гардзіенка, Л. Юрэвіч. Мінск : Кнігазбор, 2013. С. 204, 212 ; Дарадчая камісія пры архіепіскапу Мікалаю // Беларус. 1981. Чэрвень – ліпень. С. 3.

⁶³ Прапанова пастановы 17-й Сэсіі Рады БНР // Рада БНР, 1947–1970. Падзеі. Дакументы. Асобы / Н. Гардзіенка, Л. Юрэвіч. Мінск : Кнігазбор, 2013. С. 216–217 ; Працягал 17-й Звычайнай Сэсіі Рады БНР, што адбылася 27 лістапада 1982 г. // Рада БНР, 1947–1970. Падзеі. Дакументы. Асобы / Н. Гардзіенка, Л. Юрэвіч. Мінск : Кнігазбор, 2013. С. 214.

⁶⁴ Працягал 17-й Звычайнай Сэсіі Рады БНР, што адбылася 27 лістапада 1982 г. // Рада БНР, 1947–1970. Падзеі. Дакументы. Асобы / Н. Гардзіенка, Л. Юрэвіч. Мінск : Кнігазбор, 2013. С. 214.

⁶⁵ Там жа. С. 214–216 ; Зварот Рады БНР да мітрапаліта Андрэя // Беларус. 1982. Лістапад – снежань. С. 6.

⁶⁶ Справаздача Старшыні Рады БНР Я. Сажыча // Рада БНР, 1982–1997. Падзеі. Дакументы. Асобы / Н. Гардзіенка, Л. Юрэвіч. Мінск : Кнігазбор, 2015. С. 86.

⁶⁷ 15-я сустрэча беларусаў Паўночнае Амэрыкі (4–6 верасня 1982 г.) // Беларус. 1982. Жнівень – верасень. С. 1–2 ; *Азарка Я.* Архіепіскап Мікалай на сьвяце ў Нью Ёрку // Царкоўныя навіны. 1982. Май. С. 2 ; *Акула К.* Ушанавалі старшыняў Рады БНР // Беларус. 1983. Студзень – люты. С. 1.

⁶⁸ Зварот архіепіскапа БАПЦ Мікалая найпачаснейшаму мітрапаліту БАПЦ Андрэю, дастойнаму духавенству БАПЦ, хвальным парахвіяльным радамі і ўсім вернікам БАПЦ [23 студзеня 1983 г.] // Беларус. 1983. Студзень – люты. С. 7 ; Надзвычайны сход у Кліўлендзе (ЗША) // Беларус. 1983. Студзень – люты. С. 6.

трополита Андрея от 4 января 1983 г., извещавшее архиепископа Николая о необходимости прибыть на заседание Собора епископов БАПЦ, созываемого 5 февраля 1983 г. в Нью-Йорке в целях извержения его из архиерейского сана. Основаниями к тому назывались отказ от участия в соборах епископов и игнорирование их постановлений, нарушение канонических правил и Устава БАПЦ, лжесвидетельство в светском суде против первоиерарха и епископа БАПЦ, подстрекательство верующих к бунту против своего правящего архиерея и «распространение фальшивой доктрины про примат верующих перед духовенством»⁶⁹.

Ответным действием архиепископа Николая стало объявление 12 января 1983 г. о начале подготовки Чрезвычайного собора БАПЦ. В рамках подготовительной работы он сформировал предсоборную комиссию, начав рассылку приглашений к участию в Соборе клирикам и представителям приходов⁷⁰, а 23 января 1983 г. опубликовал открытое обращение, в котором разъяснял собственную позицию в белорусском внутрицерковном конфликте. Осудив практику обращения в гражданские суды по церковным вопросам, архиепископ Николай называл ее применением свидетельством утраты митрополитом Андреем контроля над церковной жизнью. Позиционируя себя заместителем председателя рады БАПЦ и апеллируя к Уставу БАПЦ, автор обращения заявил о готовности реализовать предписанные ему полномочия по созыву Собора БАПЦ в случае смерти или недееспособности первоиерарха. Одновременно с этим архиепископ Николай указывал на поступившие обращения приходов и верующих БАПЦ из Нью-Йорка, Хайленд-Парка, Кливленда, Детройта, Торонто и Аделаиды, а также рекомендации совещательной комиссии относительно необходимости созыва Собора БАПЦ. Назначив проведение Чрезвычайного собора БАПЦ на 28–30 мая 1983 г., иерарх определил его главной задачей возвращение церков-

ной жизни к предписаниям Устава БАПЦ и восстановление церковного мира. При этом он приглашал к участию в Соборе представителей всех приходов БАПЦ и всех членов рады БАПЦ, сформированной в 1972 г.⁷¹

Запланированное на 5 февраля 1983 г. заседание Собора епископов БАПЦ с участием митрополита Андрея и епископа Изяслава состоялось в кафедральном соборе Святого Кирилла Туровского в Нью-Йорке. Его итогом стало принятие решения об утверждении и вступлении в силу постановления Собора епископов БАПЦ от 7 августа 1982 г. об извержении из сана и отлучении от БАПЦ архиепископа Николая. Духовенству БАПЦ запрещалось вступать в общение с бывшим архиереем и помянуть его имя во время богослужений. Помимо озвученных ранее обвинений, архиепископу Николаю вменялся в вину самовольный созыв Чрезвычайного собора БАПЦ⁷². На следующий день, 6 февраля 1983 г., митрополит Андрей издал распоряжение, в котором предписывал всему духовенству, приходским советам и мирянам БАПЦ воздержаться от участия в Чрезвычайном соборе БАПЦ⁷³, а 5 марта 1983 г. Собор епископов БАПЦ опубликовал послание к духовенству и белорусскому народу, содержавшее осуждение действий архиепископа Николая и призыв не принимать участия в Чрезвычайном соборе⁷⁴.

Оглашение официальной позиции первоиерарха и Собора епископов БАПЦ в отношении Чрезвычайного собора лишало данную инициативу общецерковного характера и неизбежно влекло за собой отказ от участия в заседании значительной части приходов и священнослужителей. Так, 10 апреля 1983 г. с осуждением идеи проведения Чрезвычайного собора выступил приход Святого Кирилла Туровского в Нью-Йорке⁷⁵, 9 марта 1983 г. – администратор БАПЦ в Европе протопресвитер Евгений Сморщек⁷⁶, 13 марта 1983 г. – приход Трех Виленских Мучеников в Мельбурне⁷⁷ и приход Святых Апостолов Петра

⁶⁹Мітрапаліт Андрэй, Першаіерарх БАПЦ, архіепіскапу Мікалаю. Позва. 4 студзеня 1983 г. // АББМФС. Арк. 1–2 ; The Most Rev. Metropolitan Andrew, Primate of the Byelorussian Autocephalic Orthodox Church, to Archbishop Mikalay. Summons. January 4, 1983 // АББМФС. Арк. 1–2.

⁷⁰Ліст архіепіскапа Мікалая (Мацукевіча) да А. Лысюка. 12 студзеня 1983 г. // АББМФС. Арк. 1 ; Ліст архіепіскапа Мікалая (Мацукевіча) да іэрэя Аўгена Сітніка. 18 студзеня 1983 г. // АББМФС. Арк. 1 ; Ліст архіепіскапа Мікалая (Мацукевіча) да протапрасвіцера Аўгена Смаршчкі. 18 студзеня 1983 г. // АББМФС. Арк. 1 ; Ліст архіепіскапа Мікалая (Мацукевіча) да протаіерэя Яна Абабуркі. 18 студзеня 1983 г. // АББМФС. Арк. 1 ; Ліст архіепіскапа Мікалая (Мацукевіча) да Ўл. Курыла. 12 студзеня 1983 г. // АББМФС. Арк. 1.

⁷¹Зварот архіепіскапа БАПЦ Мікалая найпачаснейшаму мітрапаліту БАПЦ Андрэю, дастойнаму духавенству БАПЦ, хвальным паравіяльным радам і ўсім вернікам БАПЦ [23 студзеня 1983 г.] // Беларус. 1983. Студзень – люты. С. 7.

⁷²Пастанова Сабора Епіскапаў Беларускай Аўтакефальнай Праваслаўнай Царквы. 5 лютага 1983 г. // LAC. MG31-H193 (Marian Ziniak fond). Contain. 2. File 20. P. 1–2.

⁷³Там жа ; Распараджаньне мітрапаліта высокадастойным настояцелям, парафіяльным радам і багалюбным вернікам Беларускае аўтакефальнае праваслаўнае царквы [6 лютага 1983 г.] // Голас царквы. 1983. № 54. С. 8–9.

⁷⁴Пасланьне Сабору Епіскапаў Беларускае Аўтакефальнае Праваслаўнае Царквы, дастойнаму сьвятарству і ўсім багалюбным вернікам народу беларускага. 5 сакавіка 1983 г. // LAC. MG31-H193 (Marian Ziniak fond). Contain. 2. File 20. P. 1–3.

⁷⁵Пастанова Агульнага гадавога сходу паравіянаў у Брукліне [10 красавіка 1983 г.] // Голас царквы. 1983. № 54. С. 25.

⁷⁶Асьведчаньне протапрасвіцера д-ра Аўгена Смаршчкі кіраўніка БАПЦ на Эўропу [9 сакавіка 1983 г.] // Голас царквы. 1983. № 54. С. 25.

⁷⁷Пастанова паравіяльнай рады паравіі Віленскіх Мучанікаў Сьв. БАПЦарквы ў Мэльбурне, Аўстралія [13 сакавіка 1983 г.] // Голас царквы. 1983. № 54. С. 25–26.

и Павла в Аделаиде⁷⁸, 19 апреля 1983 г. – администратор БАПЦ в Великобритании протоиерей Иоанн Абабурко⁷⁹.

Не ограничиваясь публикацией посланий, первоиерарх и консистория предпринимали более решительные действия в отношении оппозиционно настроенных общин. В частности, 12 мая 1983 г. секретарь консистории протопресвитер Василий Кендыш оформил продажу имущества прихода Святого Духа в Дороти новообразованному миссионерскому обществу БАПЦ в Америке. Руководителем общества, приобретшим приходскую недвижимость по заниженной цене, являлся адвокат В. Н. Горошко, представлявший интересы первоиерарха БАПЦ в судебных разбирательствах⁸⁰. Последнее обстоятельство давало основание сторонникам архиепископа Николая публично обвинять секретаря консистории в оплате услуг адвоката посредством передачи ему церковной собственности⁸¹. По прошествии месяца миссионерское общество инициировало судебное разбирательство в отношении настоятеля прихода протоиерея Карпа Стара, требуя взыскать с него 105 тыс. долл.⁸² Утрата приходской общиной церковного здания и прочего имущества повлекла за собой фактическое прекращение деятельности белорусского прихода Святого Духа в Дороти.

Весной 1983 г. состояние здоровья 82-летнего первоиерарха БАПЦ митрополита Андрея резко ухудшилось. Поступив на лечение в медицинский центр Нью-Брансуика (Нью-Джерси, США), он скончался 21 мая 1983 г.⁸³

Работа Чрезвычайного собора БАПЦ проходила 28–29 мая 1983 г. в Кливленде под председательством архиепископа Николая. В соборных заседаниях приняли участие представители 8 из 12 приходов БАПЦ⁸⁴. Констатируя наличие глубокого церковного кризиса, Собор возложил ответственность за происходящее на покойного митрополита Андрея и консисторию БАПЦ. Все канонические санкции

в отношении архиепископа Николая и его последователей признавались незаконными, а хиротония епископа Изяслава объявлялась лишенной канонической легитимности. Одоблив действия архиепископа Николая в условиях кризиса, участники заседания избрали его первоиерархом БАПЦ вплоть до очередного Собора БАПЦ, запланированного на май 1984 г.⁸⁵

По итогам Чрезвычайного собора 31 мая 1983 г. архиепископ Николай опубликовал архипастырское послание, в котором призывал верующих к пересмотру внутрицерковных отношений, примирению и ежедневному молитвенному поминовению на протяжении 40 дней почившего митрополита Андрея. Важнейшим шагом к восстановлению нарушенного единства архиепископ Николай считал прекращение всех разбирательств церковных вопросов в гражданских судах и готовность к взаимному прощению⁸⁶.

Усвоение архиепископом Николаем статуса первоиерарха БАПЦ не нашло признания со стороны его оппонентов. Консистория БАПЦ 9 июня 1983 г. опубликовала заявление, извещавшее о принятии архиепископом Изяславом полномочий первоиерарха до времени проведения очередного Собора БАПЦ⁸⁷. Архиепископ Изяслав отверг примирительную инициативу архиепископа Николая, комментируя свое решение следующим образом: «Призывает к единству тот, кто причастен [к тому], чтобы единства не было. <...> Как же мы можем мириться, с кем? Он больше не Епископ БАПЦ и никогда им не будет. Нам предателей в Церкви, в ее иерархии не нужно. <...> Теперь он хочет, чтобы дело Церкви было изъято из судов, но этого мы теперь не сделаем. Преступникам страшен суд, а нам нечего бояться суда» (цитата приводится с сохранением традиционного для церковно-религиозных текстов написания. – А. С.)⁸⁸. В конце 1983 г. архиепископ Николай передал архиепископу Изяславу предложение встретиться для обсуждения путей выхода из внутрицерковного

⁷⁸З пратаколу № 3 Спецыяльнага агульнага сходу паравхвіян парафіі Сьвятых Апосталаў Пятра і Паўла БАПЦ у Адэлайдзе, Паўднёная Аўстралія, ад 13-га сакавіка 1983 году // Голас царквы. 1983. № 54. С. 26.

⁷⁹Абабурка Я. Беларуская аўтакефальная праваслаўная царква. Настаяцель БАПЦарквы ў Вялікай Брытаніі [19 красавіка 1983 г.] // Голас царквы. 1983. № 54. С. 27.

⁸⁰Зліквідавалі другую парафію // Царкоўныя навіны. 1983. Ліпень. С. 2.

⁸¹Царкоўная маёмасьць // Царкоўныя навіны. 1983. Верасень. С. 1.

⁸²Там жа.

⁸³Ліст архіепіскапа Ізяслава (Бруцкага) да С. Хмары. 8 чэрвеня 1983 г. // LAC. MG31-H193 (Marian Ziniak fond). Contain. 2. File 20. P. 1–1 back of sheet; Consistory of the BAOC. Announcement. June 9, 1983 // LAC. MG31-H193 (Marian Ziniak fond). Contain. 2. File 20. P. 1; Памёр мітрапаліт Андрэй // Царкоўныя навіны. 1983. Чэрвень. С. 2; Памёр мітрапаліт БАПЦ Андрэй // Беларус. 1983. Чэрвень – ліпень. С. 1.

⁸⁴Надзвычайны сабор БАПЦ // Беларус. 1983. Чэрвень – ліпень. С. 1–2.

⁸⁵Пастановы Надзвычайнага сабору Беларускае аўтакефальнае праваслаўнае царквы, што адбыўся 28–30 травеня 1983 г. у Кліўлендзе, штат Агаё, ЗША // Беларус. 1983. Чэрвень – ліпень. С. 1; Пратакол рэзалюцыйнай камісіі Надзвычайнага сабору Беларускай аўтакефальнай праваслаўнай царквы, што адбыўся ў днях 28–30 травеня 1983 году ў Кліўленд, Огаё // Царкоўныя навіны. 1983. Ліпень. С. 1–2; Надзвычайны сабор БАПЦ // Беларус. 1983. Чэрвень – ліпень. С. 1–2.

⁸⁶Архіепіскап Мікалай, Першы Епарх БАПЦ. Архіпастырскі ліст. 31 травеня 1983 г., Канада // LAC. MG31-H193 (Marian Ziniak fond). Contain. 2. File 20. P. 1; Архіепіскап Мікалай, Першы Гіерарх БАПЦ. Архіпастырскі ліст [31 мая 1983 г.] // Беларус. 1983. Чэрвень – ліпень. С. 1.

⁸⁷Consistory of the BAOC. Announcement. June 9, 1983 // LAC. MG31-H193 (Marian Ziniak fond). Contain. 2. File 20. P. 1.

⁸⁸Ліст архіепіскапа Ізяслава (Бруцкага) да С. Хмары. 1983 г. // LAC. MG31-H193 (Marian Ziniak fond). Contain. 2. File 20. P. 1–1 back of sheet.

кризиса, однако последний снова не пожелал начать переговоры⁸⁹.

Принципиально иную позицию заняли белорусские общественно-политические организации. Президиум Рады БНР 4 сентября 1983 г. заявил о поддержке архиепископа Николая, направив ему официальное приветствие в связи с принятием полномочий первоиерарха БАПЦ⁹⁰. Практически одновременно с этим состоявшийся 3–4 сентября 1983 г. конгресс Белорусско-американской ассоциации адресовал архиепископу Николаю официальное приветствие как первоиерарху БАПЦ⁹¹.

Усвоение архиепископами Николаем и Изяславом статуса первоиерархов фактически завершило процесс раскола БАПЦ. Окончательное закрепление возникшего разделения произошло через год, когда последователи каждой из церковных групп коллегиально санкционировали церковно-иерархическое положение своих лидеров. Решением Третьего собора БАПЦ, состоявшегося 26–29 мая 1984 г. в Манчестере, архиепископ Изяслав утверждался в звании первоиерарха БАПЦ с возведением в сан митрополита, а архиепископ Николай объявлялся изверженным из сана и отлученным от церковного общения⁹². В процессе подготовки данного Собора архиепископ Изяслав опубликовал послание, датированное 5 февраля 1984 г. и запрещающее православным белорусам под угрозой анафемы принимать участие в Третьем соборе БАПЦ, организуемом сторонниками архиепископа Николая⁹³. Несмотря на

грозное предупреждение, 26–27 мая 1984 г. в Кливленде прошел альтернативный Третий собор БАПЦ, утвердивший архиепископа Николая в статусе первоиерарха БАПЦ, отметивший значимость коллегиального принципа управления церковной жизнью и признавший недействительными все канонические санкции, озвученные оппонентами⁹⁴.

Результатом описанных событий стало возникновение 2 религиозных организаций, возводивших свое историческое преемство к БАПЦ и находившихся в жесткой конфронтации друг с другом. БАПЦ юрисдикции митрополита Изяслава включала в свой состав 6 приходов на территории Великобритании, 2 прихода в США и 3 прихода в Австралии. БАПЦ юрисдикции архиепископа Николая объединяла 3 прихода в США и 1 приход в Канаде. В результате развития конфликта 1 приход на территории США прекратил свое существование. Прямым следствием раскола и связанного с ним финансового разорения многих белорусских приходов в диаспоре стала неготовность БАПЦ к распространению своей деятельности на территории Беларуси в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Как отмечал в одном из своих писем митрополит Изяслав, в 1989 г. митрополит Мстислав (Скрыпник) призывал его последовать примеру УПЦ в США и диаспоре, активно поддержавшей украинское автокефальное движение на родине. Однако к этому времени названный белорусский иерарх не находил ни финансовых, ни административных возможностей к реализации данной рекомендации⁹⁵.

Заключение

Развитие внутрицерковного конфликта, охватившего БАПЦ в первой половине 1980-х гг., явилось следствием разности подходов представителей администрации (первоиерарха, членов консистории) и ряда приходских общин к пониманию принципов церковного управления. Настаивавший на незыблемости права высшей иерархии единолично осуществлять церковное администрирование, митрополит Андрей (Крит) встретил оппозицию со стороны приверженцев реализации принципа коллегиального управления. Несогласие приходского совета храма Жировичской иконы Божией Матери в Кливленде

с кадровыми распоряжениями управляющего Американской епархией привело к быстрому разрастанию противостояния и вовлечению других приходов в конфронтацию с первоиерархом. Выход оппозиционно настроенных общин из подчинения митрополиту Андрею и принятие их во временное руководство управляющим Европейской епархией архиепископом Николаем (Мацукевичем) ознаменовали начало нового этапа внутрицерковного кризиса. Преследуя цель укрепления собственных позиций в Соборе епископов БАПЦ, первоиерарх осуществил архиерейскую хиротонию своего сторонника – епи-

⁸⁹Ліст архіепіскапа Ізяслава (Бруцкага) да С. Хмары. 4 студзеня 1984 г. // LAC. MG31-H193 (Marian Ziniak fond). Contain. 2. File 20. P. 1 back of sheet – 2.

⁹⁰У прэзідыюме Рады БНР // Беларус. 1983. Жнівень – верасень. С. 1.

⁹¹Кангрэс БАЗА вітае першага яраха // Царкоўныя навіны. 1983. Верасень. С. 2.

⁹²Resolution of the Third General Convention of the Byelorussian Autocephalous Orthodox Church. May 28, 1984 // LAC. MG31-H193 (Marian Ziniak fond). Contain. 2. File 37. P. 1–3; Resolution. Adopted at the General Convention of the BOAC concerning the defrocked and expelled former Archbishop, Michael Macukievich // The Byelorussian Times. 1984. November. P. 1, 3; 3 рэлігійнага жыцця на чужыне. Манчэстэр, Англія // Інфармацыйны бюлетэнь Фэдэральнай рады беларускіх арганізацый у Аўстраліі. 1984. № 2. С. 2–3; Манькоўскі П. Трэці сабор Б.А.П.Ц. // The Byelorussian Times. 1984. Лістапад. С. 4.

⁹³Архіепіскап Ізяслаў, Дзеючы Першаіерарх БАПЦ. Архіпастырскае пасланьне. 5 лютага 1984 г. // Беларус. гос. арх.-музей лит. і искусства. Фонд Д. Космовича. Оп. 1. Д. 48. Л. 1–1 об.

⁹⁴Архіепіскап Мікалай, Першы Ераха БАПЦ. Архіпастырскае пасланьне дастойнаму духавенству, хвальным Парахвіяльным Радам і ўсім вернікам БАПЦ. 5 чэрвеня 1984 г. // LAC. MG31-H193 (Marian Ziniak fond). Contain. 2. File 37. P. 1; 3-ці Сабор БАПЦ // Беларус. 1984. Сакавік. С. 1; 3-ці Звычайны сабор БАПЦ // Беларус. 1984. Чэрвень. С. 1; 3-ці Звычайны сабор БАПЦ // Беларус. 1984. Ліпень – жнівень. С. 2; Трэці сабор Б.А.П.Ц. // Царкоўныя навіны. 1984. Чэрвень. С. 1; Трэці сабор Беларускай аўтакефальнай праваслаўнай царквы // Царкоўныя навіны. 1984. Чэрвень. С. 2.

⁹⁵Ліст мітрапаліта Ізяслава (Бруцкага) да С. Хмары. № 50/89/К3 ад 12 чэрвеня 1989 г. // LAC. MG31-H193 (Marian Ziniak fond). Contain. 2. File 20. P. 1.

скопа Изяслава (Бруцкого). Отсутствие коллегиального согласования данной хиротонии породило обвинения первоиерарха в самоуправстве и грубом нарушении принципов соборности. В свою очередь, митрополит Андрей усматривал в призывах к коллегиальности стремление подчинить БАПЦ белорусским общественно-политическим организациям. Итогом развития конфликта стало возникновение разделения в БАПЦ, сопровождавшегося взаимной компрометацией сторон, многолетними судебны-

ми разбирательствами, конфискацией церковной недвижимости, существенными финансовыми потерями и дезинтеграцией белорусской диаспоры. Негативные последствия церковного раскола к началу 1990-х гг. значительно ослабили БАПЦ и лишили ее возможности начать распространение своей деятельности в пределах Беларуси. Данное обстоятельство во многом объясняет различие белорусского и украинского сценариев конфессионального развития в последнем десятилетии XX в.

Библиографические ссылки

1. Гардзіенка Н, Юрэвіч Л. *Рада БНР, 1982–1997. Падзеі. Дакументы. Асобы*. Мінск: Кнігазбор; 2015. 224 с.
2. Слесарев АВ. Исторические обстоятельства и политические предпосылки церковного раскола белорусской эмиграции в 1948–1949 гг. *ХРОНОС. Церковно-исторический альманах*. 2017;5:83–110.

References

1. Gardzienka N, Jurjevich L. *Rada BNR, 1982–1997. Padzei. Dakumenty. Asoby* [The Council of the BNR, 1982–1997. Events. Documents. Faces]. Minsk: Knigazbor; 2015. 224 p. Belarusian.
2. Slesarev AV. The historical circumstances and political preconditions for the church schism of the Belarusian emigration in 1948–1949. *ХРОНОС. Tserkovno-istoricheskii al'manakh*. 2017;5:83–110. Russian.

Статья поступила в редколлегию 31.05.2020.
Received by editorial board 31.05.2020.

ВсЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

WORLD HISTORY

УДК 329.3 : 28 (620) (043.3)

«БРАТЬЯ-МУСУЛЬМАНЕ» В ЕВРОПЕ: ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ И ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

А. А. КОНДРАЛЬ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Политический ислам становится важнейшим фактором международного взаимодействия на современном этапе. В начале XXI в. деятельность исламистских организаций стала предметом беспокойства не только на Ближнем Востоке, но и в странах Западной Европы, а также США. Данное обстоятельство обостряет тот факт, что в силу своего колониального прошлого Европа, где удельный вес мусульманского населения растет год от года, стала своеобразным источником распространения ислама. Более того, после событий «арабской весны» 2011 г. здесь развернулся еще более жесткий миграционный кризис, который поставил Европу перед проблемой соблюдения принципа религиозной свободы местных мусульман, с одной стороны, и сохранения европейских ценностей светской демократии – с другой. Ассоциация «Братья-мусульмане» на протяжении практически всей своей истории считается основной исламистской силой не только в арабском мире, но и в странах Запада. И если на Ближнем Востоке она позиционирует себя скорее как просто политическую организацию, пусть и имеющую широкое представительство, то в Европе ассоциация «Братья-мусульмане» фактически объявила себя выразителем интересов всей местной исламской уммы. Учитывая увеличение количества мусульман в данном регионе, европейское общество не может не волновать так называемая исламская экспансия. В данных обстоятельствах вопрос о том, действительно ли данный процесс имеет место и какую роль в нем играет европейская ветвь ассоциации «Братья-мусульмане», выходит на передний план. Автором предпринимается попытка ответить на него путем анализа различных этапов идеологической трансформации ассоциации «Братья-мусульмане» и ее деятельности в Европе. Делается вывод о том, что важной в этом процессе оказалась идейная эволюция, пройденная материнской организацией «Братья-мусульмане» в Египте. Как сама ассоциация прошла путь от военизированной группировки с антизападным дискурсом до умеренного демократически

Образец цитирования:

Кондраль АА. «Братья-мусульмане» в Европе: идеологическая и организационная трансформация. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2020;4:80–90 (на англ.).
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-4-80-90>

For citation:

Kondral AA. The Muslim Brotherhood in Europe: organizational and ideological transformation. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2020;4:80–90.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-4-80-90>

Автор:

Александра Александровна Кондраль – кандидат исторических наук; доцент кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета.

Author:

Aliaksandra A. Kondral, PhD (history); associate professor at the department of modern and contemporary history, faculty of history.
akondral87@gmail.com

настроенного толерантного Западу движения, так и ее европейское ответвление трансформировалось из небольшой исламистской группировки в изгнании в стане врага в организацию, считающую себя официальным представителем всех европейских мусульман и принимающую Европу в качестве своей постоянной родины.

Ключевые слова: ислам в Европе; ассоциация «Братья-мусульмане»; политический ислам; идеологическая трансформация; европейское мусульманское сообщество; европейские мусульмане; Федерация исламской организации в Европе.

«БРАТЫ-МУСУЛЬМАНЕ» Ў ЕЎРОПЕ: ІДЭАЛАГІЧНАЯ І АРГАНІЗАЦЫЙНАЯ ТРАНСФАРМАЦЫЯ

А. А. КОНДРАЛЬ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Палітычны іслам становіцца найважнейшым фактарам міжнароднага ўзаемадзеяння на сучасным этапе. У пачатку XXI ст. дзейнасць ісламісцкіх арганізацый стала прадметам турботы не толькі на Блізкім Усходзе, але і ў краінах Заходняй Еўропы, а таксама ЗША. Дадзеную акалічнасць абвастрае той факт, што ў сілу каланіяльнага мінулага Еўропа, дзе ўдзельная вага мусульманскага насельніцтва расце год ад года, стала своеасаблівай крыніцай распаўсюджвання ісламу. Больш за тое, пасля падзей «арабскай вясны» 2011 г. тут разгарнуўся яшчэ больш жорсткі міграцыйны крызіс, які паставіў Еўропу перад праблемай выканання прынцыпу рэлігійнай свабоды мясцовых мусульман, з аднаго боку, і захавання еўрапейскіх каштоўнасцей свецкай дэмакратыі – з другога. Асацыяцыя «Браты-мусульмане» на працягу практычна ўсёй сваёй гісторыі лічыцца вядучай ісламісцкай сілай не толькі ў арабскім свеце, але і ў краінах Захаду. І калі на Блізкім Усходзе яна пазіцыяніруе сябе хутчэй як проста палітычную арганізацыю, якая мае шырокае прадстаўніцтва, то ў Еўропе асацыяцыя фактычна абвясціла сябе выразнікам інтарэсаў усёй мясцовай ісламскай умы. Улічваючы колькасць мусульман, якая расце ў гэтым рэгіёне, еўрапейскае грамадства не можа не хваляваць пытанне так званай ісламскай экспансіі. У дадзеных абставінах пытанне аб тым, ці сапраўды гэты працэс мае месца і якую ролю ў ім адыгрывае еўрапейская галіна асацыяцыі «Браты-мусульмане», выходзіць на перадавы план. Аўтар спрабуе адказаць на гэтае пытанне шляхам аналізу розных этапаў ідэалагічнай трансфармацыі асацыяцыі і яе дзейнасці ў Еўропе. Робіцца выснова аб тым, што ідэйная эвалюцыя мацярынскай арганізацыі «Браты-мусульмане» ў Егіпце непасрэдна паўплывала на яе дзейнасць у Еўропе. Як сама асацыяцыя прайшла шлях ад ваенізаванай групы з антызаходнім дыскурсам да ўмеранага дэмакратычна настроенага толерантнага Захаду руху, так і іх еўрапейскае адгалінаванне трансфармавалася з невялікай ісламісцкай групы ў выгнанні ў арганізацыю, якая лічыць сябе афіцыйным прадстаўніком усіх еўрапейскіх мусульман і прымае Еўропу як сваю радзіму.

Ключавыя словы: іслам у Еўропе; асацыяцыя «Браты-мусульмане»; палітычны іслам; ідэалагічная трансфармацыя; еўрапейская мусульманская супольнасць; еўрапейскія мусульмане; Федэрацыя ісламскай арганізацыі ў Еўропе.

THE MUSLIM BROTHERHOOD IN EUROPE: ORGANISATIONAL AND IDEOLOGICAL TRANSFORMATION

A. A. KONDRAL^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Political Islam has become an important factor of the international politics nowadays. By the beginning of the 21st century Islamist political groups have turned to be a matter of concern not only of the Middle East main stakeholders, but also the European and American ones. This circumstance has been aggravated even more, considering the fact, that, being a former metropolis, Europe had come to be a kind of cradle for the spread of Islam. The proportion of the Islamic population has been growing here year by year. Moreover, the migration waves following the 2011 Arab spring provoked even more tough migration crisis and posed a complicated challenge to the European society expressed in conciliation of freedom of religion within its Muslim community along with the preserving European values of secular democracy. The Society of the Muslim Brotherhood has always been considered to be a leading Islamist force not only in Arabic world but in the West as well. Indeed, if in the Middle East they position themselves rather as a political force, even though with wide representation, in Europe the Society of the Muslim Brotherhood claims to be a representative of the Muslim population of the region as a whole. Taking into account the growing Islamic presence in the continent, a certain anxiety in the European society cannot but exist, concerning the risk of conscious Islamic expansion. In this circumstances the question, whether this process is

really taking place as well as which role the Society of the Muslim Brotherhood plays in it, came to the fore. This article tries to answer this question, analysing the different stages of the group's ideological transformation and its influence on the group's activity in Europe. The author comes to the conclusion, that being a movement, that has undergone substantial ideological transformation, the Society of the Muslim Brotherhood has followed a similar scenario in Europe. Since the organisation itself has made a long way from a militant organisation with anti-Western discourse to a moderate movement, claiming to be democratically oriented and tolerant to the West, their European branch has transformed from a small Islamist group in temporary exile in the enemy camp, to the organisation, considering itself a representative of the European Muslim community, as well as accepting Europe as a motherland.

Keywords: Islam in Europe; the Society of the Muslim Brotherhood; political Islam; ideological transformation; European Muslim community; European Muslims; Federation of Islamic Organisation in Europe.

Since political Islam has acquired a stronger position on the geopolitical stage, the issue of a so-called Muslim expansion across Europe has become one of the subjects of paramount relevance under the scrutiny of analysts and politicians.

Feed by the migration waves following the 2011 Arab spring, the refugee crisis occurred with the growing number of Muslim migrants seeking to pose challenges to European societies as such, in terms of conciliation of freedom of religion along with the preserving European values of secular democracy.

Islamic organisations have always played a crucial role in protecting the rights of Muslims in Europe, providing them with organisational and legal support as well as allocating funding to build appropriate religious infrastructures. Positioning itself as the largest and the most influential Islamist group in the region of the Middle East and the North Africa, the Society of the Muslim Brotherhood (the MB) or Ikhwan, as it's called in Arab world developed its activities in Europe. Its active work tends to give possibility to associate the MB with mentioned Muslim expansion and represent the group as one of its tools. Thus, the question if the MB really has goals of cultural, religious, or even political expansion in the European area, has been becoming very relevant nowadays.

The problem of the MB presence in Europe has been investigated by the range of scholars. Samir Amghar from the Catholic University of Lyon is a recognised researcher of political Islam in alien sociocultural environment. He published a range of studies in Arabic, English and French dedicated to the European MB's activity, one of them is «Al-ihwan al-muslimin fi al-Uruba. Dirasat tahliliyya li tanzim islami» («Muslim Brotherhood in Europe»). Analysis of the Islamic organisation examines the specificity of the MB branch in European countries, mostly in France, giving the detailed description of the group's modes of action as well as its infrastructure and the most outstanding representatives [1]. The other marked investigator of the issue is Brigitte Maréchal from the Catholic University of Louvain predominantly considers sociological facet of the MB presence in Europe, focusing on the activity of the Belgian branch [2].

The deep research of the development of the MB activity in Europe is impossible without tracing its ideological evolution as well as the plot of the politics of

the motherhood Egyptian organisation which can be observed in the works of the group's creator and main ideologist Hasan al-Banna. His most famous book «Majmuat al-rasa'il imam ash-shahid Hasan al-Banna» («Collection of messages of imam Hasan al-Banna») covers his points of view concerning all range of economic, political, social and cultural problems of Arabic world and the ways to solve them [3]. Along with it, the detailed overview of the MB's ideas and the ways of their implementation are reviewed in the studies of the most famous Russian, Western and Egyptian scholars such as M. Razhbadinov, Khalil al-Anani, A. Pargeter, B. Rubin and B. Rutherford, who have been examining the political aspect of the group's practice.

Apparently, in spite of the existence of certain works on the MB activity in Europe, all of them has been considering the issue from the political and sociological point of view, while there is no any investigation, tracing the historical process of the MB's ideological and organisational transformation and its impact on the activity of the European branch and its possibility to realise any kind of expansion there. Addressing this issue implies to consider the ideology of the society itself, its practice as a political group in home countries before examining how it is being practically articulated with its activities in Europe, using such methods of the historical investigation as historical-genetic and historical-comparative. Thus, two different dimensions should be thoroughly scrutinised. They are ideological and political ones.

As for ideological aspects, the intellectual and ideological roots of the MB traces back to their founder Hasan al-Banna, who created them in 1928 as a cultural and religious group designed to resist Western influence, in a context of foreign domination: despite the window dressing of nominal independence gained in 1922, the Kingdom of Egypt remained still under the political yoke of the United Kingdom, which maintained strict control over domestic affairs, based on the provisions of the treaty of 1936, which allowed them to maintain troops, whose non-official mandate went far beyond the protection of the Suez Canal and the training of the nascent national Egyptian army. It could be said that at that time Egypt was deprived of any organisation in the position to embody or to revive an Egyptian identity. Benefiting from this vacuum, the MB sought to position themselves as a driving force of the national liberation movement.

Contrary to the approach developed by Gamal Abdel Nasser, who forged national identity as a core conceptual basis nurturing his pan-Arab aspirations, Hassan al-Banna deemed the card of religious identity more appropriate to achieve independence, recalling the failures of the Wafd administration, which had solely been playing the national card.

Inspired by famous pan-Islamists of the end of the 19th – the beginning of the 20th century Jamaladdin al-Afgani, Mohammed Abdo and Rashid Rida, Hassan al-Banna developed the concept of the superiority of Islamic civilization over all others, denying that Egypt needed cultural or any other support from the West [3, p. 252]. In his view, the West was logically considered as a rival and getting rid of «Western cultural and political expansion, debauchery and materialism» was set as one of the most important goal of the MB [3, p. 217]. Moreover, Hassan al-Banna emphasised his rejection of the expansionist policies of the Western powers and spoke out about the Egyptians' complete readiness to fight the colonialists, having stated the following: «Today Hitler wants to bring people a new order. Churchill says that if Britain wins, it will also establish a new order in the world. Roosevelt predicts his order. They all say that they seek to ensure peace and security in Europe. What such an order is preparing for the East and Muslims? We want to tell Western politicians that if in the past the idea of colonialism has already failed once, then in future it will be even more grandiose failure»¹ [3, p. 217].

It is clear that the West was seen as an enemy, having encroached on the independence of the Islamic world, corrupted the minds of people and lead them astray from the true, righteous path. So, at the early stage of its formation, the MB was more focused on a seclusion-scheme to protect Islam from the West, far from expansion plans. Its main aim was the transformation of Egyptian society towards wider islamisation in order to withstand foreign values. As an ideological basis of the necessity of such islamisation Hassan al-Banna adopted the concept of the comprehensiveness of Islam. The key idea of his doctrine stated that Islam was an overwhelming system providing for the strategic areas of a state life, ranging from economics, throughout public administration to social activity, needless to say about cultural one [4, p. 573]. Pure religiosity was believed to be useless for Islamic society [5, p. 167].

Such a pattern was considered to be ideal and universal, thereby Muslim world should have taken it as an economic, political, social and cultural model in order to overcome the overwhelming crisis, in which it was embedded. Moreover, according to Hassan al-Banna, all the Muslims should have been united in one Islamic state, regardless their nationality [3, p. 27]. As an ideal example of the state system Hassan al-Banna presented the medieval Islamic Caliphate, namely, the period of the righteous caliphs of the 18th–19th centuries. Salafists

had already turned as the gold standard of government [6, p. 116]. According to the MB founder, «the appeal of the Muslim Brotherhood is addressed to all the faithful people and does not divide them into different groups. The one Islamic Caliphate and its revival is the main goal of the Brotherhood» [3, p. 27].

The creation of the Islamic Caliphate as a single homeland for all Muslims implied serious preparation, including profound transformation of the society. Hassan al-Banna himself was the herald of gradual changes, step by step moving from a unified state, before embracing the whole Muslim area. The way that he proposed for the creation of such a state could be characterised as insensible or gradual penetration of the MB ideology (i. e. Islamic ideology) in all the areas of the life of the state. It meant, that they should have gradually disseminated its discourse throughout Egypt, changing its society on the grass-roots level, slowly moving towards the transformation all over their Arabic homeland.

It can be seen that the classical ideology of the MB was mainly focused on local issues of each country in the area of internal politics and confrontation to the West in the field of foreign politics.

The idea of a global caliphate, supported by the MB main ideologist implied integration of as many countries as possible, including Western ones, so it may seem that the group had global goals. But the MB has always understood that the caliphate was doomed to remain an utopia and designed it an ideal-type model. Their main aim from the very beginning of their existence was the religious and cultural independence from the West, as well as preserving their own identity; they have always been pretty pragmatic and focused more on the existing problems rather than idealistic concepts. So, it comes out, that in the first, ideological dimension, the MB doesn't have and has never had any ambitions of foreign or world expansion.

The second, political, dimension of the problem of so-called Muslim expansion reveals the plasticity of the MB, as a very experienced, flexible and pragmatic religious and political group. The MB went through the organisational and ideological transformation inherent to any political movement. It has evolved significantly during its existence in the Arabic world along with its political and historical environment. As the MB is a highly centralised organisation with strict submission to its head office in Cairo, such transformations strongly affected its activity in Europe as well.

The first important milestone towards the transformation of the MB discourse and political practice after the period of its creation and initial activity was identified in the 1950–60s, when the group had to go underground due to the tough repressions of the Egyptian leader Gamal Abdel Nasser. The reason for such a hostile attitude was simple and commonplace: the MB loss of power struggle. The MB leadership along with

¹Hereinafter translated by A. K.

free officers took a significant part in the overthrow of Egyptian monarchy in 1952 and hoped that their efforts would be appreciated, having counted on several seats in government. These hopes were supported by the first president of Egypt general Mohamed Nagib. But Gamal Abdel Nasser didn't have wish to share power with anyone, having got rid first of Mohamed Nagib, organising his oust followed by house arrest, then the MB, having brought down repression on them [7, p. 166–170]. The formal reason for the persecution of the MB was the attempted murder of Gamal Abdel Nasser in 1954, performed by one of the MB members. Yet, this attempt (even taking for granted that it was not a provocation from the Egyptian regime) was made after the ideological and political conflict between Gamal Abdel Nasser and Ikwam and should have been considered rather as a pretext to intensify repression against the MB, than a real reason for their persecution.

Another component of this sharp confrontation was in the ideological dimension. Indeed, MB supported Islamism and strongly advocated for the creation of an Islamic state based on religious identity, whereas Gamal Abdel Nasser epitomised a secular-based Arab nationalism. Endowing the MB with the aspired authority in the government would have meant that these ideological feuds would have turned into political ones, implying an institutionalised power struggle with possible victory of the MB. Gamal Abdel Nasser had been wise enough to understand this and delivered a preemptive strike. As a result, most of the leaders of the organisation and many of its members were imprisoned and executed, and the group itself was outlawed in 1954. This period marked a certain radicalisation of the MB's ideology, the emergence of Said Qutb's militant concept of Jihad and even more aggressive than before attitude to the West [8].

This stage of the MB development refers to the first and the largest flow of migrants, political prisoners linked to the MB, that took place in the end of the 1950s – the first half of the 1960s [2, p. 36]. In order to escape tough repressions, those, who possessed some assets, moved abroad, to Khalij countries (e. g., Qatar, having been British protectorate that time hostile to Gamal Abdel Nasser), or to Europe. One of the most prominent MB leaders, fled Egypt in these circumstances, was Said Ramadan, who had moved first to Saudi Arabia, then to Switzerland, where he found Islamic Centre in Geneva in 1960. Less famous, but no less outstanding refugee of that period was Youssuf Nada, who had come to Austria in the late 1950s, where he set up the local branch of the MB [9, p. 19]. This migration flow laid the foundation for the development of the MB network in Europe, due to financial and political potential of its members.

A very eloquent fact in this aspect is that mentioned European countries didn't only impede the penetration of Islamists, but also willingly accepted them. There were three main reasons for such hospitality. The first one was pure political. Egyptian foreign politics toge-

ther with socialistic discourse of its leadership distanced from the West in the aftermath of the 1956 war and carried out a strategic rapprochement with the USSR. Therefore, taking in refugees from a rival was considered by the West as a part of geopolitical struggle.

The second reason was related to the ideological sphere: having positioned itself as the palladium of democratic values, Europe could not refuse asylum to the victims of dictatorship. Hence, «the West's freedoms allowed the Brothers to openly conduct the activities for which they had been persecuted in their home countries» [9, p. 7].

The third reason lied in geopolitical terms. In the 1950s – the beginning of 1960s the colonial system decay reached its climax. The welcoming of migrants from former control zones could be considered as a restoration of colonial dignity and suitable generis attempt to preserve international influence.

The activity of the MB in Europe that time reflected the stage of their ideological and political education as well as organisational development. Due to the fact, that the MB migration was the part of political battle in their home country, a vast majority of initial representatives of the MB who were migrants were represented by outstanding activists (for example, already mentioned Said Ramadan, Hassan al-Banna's son-in-law and one of the most remarkable leaders of the MB). This circumstance determined the specificity of their early activity in Europe: they perceived it as a temporary exile and were striving to come back home after the ousting of hostile regimes [1, p. 14], having compared this experience with the experience of the prophet Muhammad, who had been forced to move from Mecca to Medina in 622 [10, p. 238]. Political changing in Arabic world remained their main priority, so they attempted to participate in the political process in their countries from abroad [1, p. 14].

As it has been already mentioned, the MB rhetoric was pretty anti-western that time, so, the members of the group were actually forced to live in the camp of the enemy. Anyway, while their setting in Europe they had to practice their religion and needed a certain infrastructure, mainly places of worship, that Europe dramatically lacked. They started to create this infrastructure, which was actually necessary for all the Muslims: mosques, Islamic schools, cultural centres [9, p. 7]. One of the examples of it was Islamic Centre in Munich, launched in 1960 by Said Ramadan [10, p. 245]. By this way the MB aimed to resist Western influence, preserving their cultural and religious identity, exactly as they had done in Egypt before, in Hassan al-Banna times. The difference between these two situations was that now the group had to fulfil its activity on foreign territory in an alien environment and initially didn't have any aims to widely disseminate its ideology, the members of the MB were solving their own religious issues while their temporary (as they used to hope that time) stay abroad.

But the specifics of the MB ideology, as well as its practice was such, that even without clearly articulated goal of this kind its discourse started to spread, primarily through the infrastructure it had created. By this way the MB made connections with other Muslim population and were gradually winning it over on their side. In the end it was the MB, which gave European Muslims opportunity to practice their religion without obstacles and provided them with all facilities necessary for this, having become an actual link between European Muslims and their national and religious identity. Having formed a peculiar Islamic community, MB supported all the Muslims, turned up in an alien neighbourhood and lost in Christian, or even atheistic European surrounding, having sought to preserve their cultural and religious identity. Such preservation can be defined as the main goal of the MB activity in Europe in the 1960s.

The MB with their experience of individual preaching and canvassing in Egypt, had an extensive grip of the psychological mechanisms, knowing what Muslims needed to hear from them in order to win over. By this way the MB started to expand their influence and become more and more popular among European Muslim communities, gaining popularity even among those, who had not supported them in their home countries before [9, p. 7].

Thus, just as the Egyptian MB became the mother-ship of all the other MB branches in Arab countries, it laid the foundations for the development of political Islam in Europe, spreading its influence here and gaining new members. At the same time, the subsequent waves of migration of the MB from other countries of Arab world additionally contributed to the spread of an Islamist narrative here, stemming from Hassan al-Banna's concept of gradual penetration.

The second stream of the MB migration to Europe falls on the middle of the 1960s and was from Syria. Al-Ba'ath party, that came here to power in 1963, consisted of the representatives of Alavite religious minority, Shiite sect, having been considered by the MB as *kufara* what means non-believers. The other important ideological reason, having put these two parties into confrontation, was the extreme secularism of al-Ba'ath. Al-Ba'ath, as well as Egyptian president Gamal Abdel Nasser was a supporter of secular nationalism as a political dominant in Syria, and perceived Islam exclusively in the cultural plane, unlike the MB. For sure, there was a political competition along with the ideological and religious ones: the MB was struggling for power itself and considered al-Ba'ath as a political rival.

The MB sharply opposed the ruling party, driven by the slogan of «restoring power to the Sunni majority» and took part in 1964 revolt against al-Ba'ath, brutally crushed by authorities. The most active MB members having participated in the revolt, were jailed, and the open confrontation between leading secular and Islamist political forces began. The same year the leader of

the organisation, Isam al-Attar, was not allowed into the country after his pilgrimage to Mecca. He first moved to Lebanon, and later settled in Germany [11, p. 168], having marked the beginning of the migration of Syrian MB to Europe. He stayed in Aachen, where in 1968 he began to publish the al-Raid magazine and tried to manage Syrian MB from there [11, p. 173].

By this way, the MB migrants from Syria joined the ranks of Islamic activists, having formed a peculiar centre in Aachen, in addition to already existing in Munich, had been constituted by Egyptians before.

This migration flow coincided with the new stage of the MB ideological transformation, associated with the official transition of the society to moderation and a complete renunciation of violence in 1970s. The new president of Egypt Anwar Sadat headed for the rehabilitation of the Islamists, having sought to use them as a counterweight to the nasserists [7, p. 245]. In 1971, during the general amnesty, most members of the MB were released from prison.

In addition, in an effort to weaken the left movement, Anwar Sadat encouraged the activities within campuses and student unions, where the MB was rapidly gaining popularity. Thus, in 1977, the MB already controlled the student unions of all 13 universities in Egypt, and in 1978 it won control of the National Egyptian Student Union [12, p. 116]. In this way ideological transformation to moderation promoted the MB political activity on the state level from one side, and contributed to growing popularity of the MB among general population from the other side.

After the assassination of Anwar Sadat in 1981, the new president of Egypt, Hosni Mubarak, continued his predecessor's course of interaction with moderate Islamists. Resorting to their help, he sought to weaken the radical Islamist groups that intensified their activity in the early 1980s. The MB supported the leader of Egypt in this confrontation, and their supreme guide Umar al-Tilmisani had repeatedly stated that all Egyptians should support the government in the fight against extremists [4, p. 4]. The loyalty of the authorities allowed the group to expand its sphere of influence even more, enjoying a privileged position in student unions and extending its activities to professional associations. In 1984 the MB began to infiltrate and control the medical syndicate, in 1986 the trade union of engineers, and in 1988 the labour association of pharmacists [13, p. 44].

The MB used the trade unions as a springboard to politics: in 1984 they participated in the parliamentary elections, at the end of which they gained 58 places in parliament (as far as they had been banned legislatively, they had to run for election as a part of other parties, or as independent candidates) [7, p. 301]. By this way, the group's transition to the official politics in general and their participation in electoral process made them

become more flexible, opened to different attitude and cooperative².

This beginning of the open activity of the MB along with its turn towards moderation coincided with the revitalising of the Islamist political groups in Turkey, which prompted a third wave of the Islamist migration to Europe. It was related to the MB-associated Turkish organisation Milli Gorus and traces back to the middle of the 1970s. As well as in Egypt and Syria before, in Turkey the confrontation between Islamist and secular political forces was the main reason of Islamist migration.

Necmettin Erbakan formed the Muslim-oriented party of national order in 1970, though it was soon banned by secular Turkish government. As a result, he had to move to Germany for some time, where in 1975 party branch Milli Gorus was formed, and subsequently Necmettin Erbakan's visits to Europe became frequent [14, p. 324].

Mentioned period of 1970–80s marked an important stage for the MB development in Europe. First, due to the new waves of migration a certain organisational transformation occurred, expressed in the formation of several branches. If in the 1960s the Egyptian MB represented the only one centre of Islamic thought in Europe, the 1970s brought there the representatives of Syria and Turkey, having preserved reverence to Egyptian headquarters from one side, but acted autonomously from the other, having formed different centres of activity.

Second, as the MB mother organisation in Egypt had already transformed ideologically and politically by this period, having moved from underground activity to a full-fledged open air, its engagement in Europe became more active as well. As the majority of the MB activists that time were the representatives of intelligentsia and students [9, p. 7], it was logical that the MB began to carry out their activity at university level, having attracted sympathisers among Muslim students not only from Egypt, but also from the other countries of the Middle East. Then, following the «gradual penetration» model that had been already applied in Egypt before, they began to spread their areas of activity, developing the elements of their own spread of influence: youth and women branches of the MB, think tanks, etc. So, if in the 1960s the spread of their discourse was rather a side effect, than a framed goal, in the 1970–80s it became a deliberate priority, manifested in the formation of the Islamic organisations at the interstate level and positioning the group as the representative of all the European Muslim community. For example, in 1976 the Islamic council of Europe was created «as the highest coordination body of Muslim organisations in Europe, representing the interests of 25 million Muslims» [10, p. 241]. Said Ramadan joined its executive committee. One more case of organisational formation of the Muslim community

was represented by the launching of the Islamic Centre in Aachen in 1978, responsible for the building of the Belal Mosque in this city [10, p. 245].

The next important phase of the MB ideological and political transformation extends over the late 1990–2000s. In 1995, the MB formalised an ideological and political transition corpus named the Statement on Democracy, which announced their adhesion to democratic principles. During the Egyptian parliamentary elections of 2000 and 2005, the MB drew up a programme, based on democratic principles of freedom of speech, human rights, free and fair elections, market economy, etc. At the same time, such a transition to democracy did not abolish the Islamic ideological foundation of the group: Islam still was proclaimed as an official religion of Egypt as well as Sharia as a main source of legislation. The MB has developed their political narrative in accordance with the need of the times and society, leaving orthodox religiosity to the past, and focused their discourse on the necessity to improve living standards and work on economic issues. Thus, by participating in parliamentary and municipal council elections, the MB was lead to compromise with the government and political factions, and moulded several tactics, having forced it to consensus with the government and other political movements [15, p. 35].

This transformation was clearly seen during the parliamentary and presidential elections following the 2011 Egyptian revolution, won both by the MB in 2012. The program of the MB Freedom and Justice Party (FJP), as well as Mohammad Morsi, their representative in the presidential competition, was consistent with the values and ideals of the Egyptian revolution of 2011, declaring commitment to democracy, the independence of the judiciary, the principle of separation of powers and social welfare of the population [15, p. 90]. The first FJP advertisement shown on television in the spring of 2011 was titled «We love all colours». Thus, according to one of the leading members of the MB, Abdel Hafez, the party sought to show respect for the diversity of political trends, religions and nationalities represented in the country.

It came out, that the transformation of the discourse definitely made the MB successful on the political arena and brought it to power, before being overthrown during the second revolution of 2013. The MB undertook a comprehensive ideological and political transformation leading to a new paradigm, binding Islamic ideology interpretation and democratic principles. Moreover it is seen, that the way it has carried out its activity has varied from time to time and fully depended on the external environment, switching easily from open air politics during thaw times to underground actions in time of repressions. Over its history, the MB has always demonstrated remarkable flexibility

²Kondral A. A. Social and political activities of the Society of the Muslim Brotherhood in Egypt (2005–2012) : diss. abstr. ... PhD (history) : 07.00.03. Minsk : Belarus. State Univ., 2015. P. 3 (in Russ.).

and adaptability to any cultural, social, economic or political conditions.

A certain change the group has undergone in its perception of the West as well. Obviously, their basic rationale of presenting the West as an ideological rival and enemy lost its relevance in conditions of highly globalised world and the group's commitment to democracy. As main opposition force in early 2000s, the MB tried to establish contacts with Egypt's main economic and political partner, the United States, in an effort to present itself as a possible alternative to power and to demonstrate flexibility and the ability to compromise [15, p. 43–44]. Practically it was expressed in the series of meetings between the MB leadership and the US high officials and actual political recognition of the group by American administration.

Noting the importance of political cooperation with the West, the MB remained critical to its values and perception of democracy, having admitted that «Europe represents a democratic model that is inherent in precisely European society, but is not suitable for Arab countries» [6, p. 70] or «Muslim Brotherhood believes that Muslim society can follow the same democratic traditions and processes used in the West, but at the same time, while maintaining Islamic principles in morality and ethics» [16, p. 222]. Thus, the MB distinguished the concept of democracy as a system of values and democracy as a political tool. They supported the latter, but many of the democratic values, preached by the West, remained alien to the association. Anyway, though still Western democratic values remained alien to the MB, their contemporary discourse had estranged from the initial hostility.

In the wake of this transformation period the fourth flow of the MB migration departed from Tunisia and occurred in the end of the 1980s – the beginning of the 1990s. Due to its historical links with France and its strong colonial heritage Tunisia has always been one of the most secular countries in the region. In 1972 the MB established a local faction under the name of al-Nahda («Revival»). Habib Burgiba, Tunisian leader between 1957 and 1987, didn't pay much attention to it, focusing his political activity on the struggle with the leftists [17, p. 151]. In these conditions, Islamists gradually gained political influence and became the most dangerous rivals to the regime.

But the open confrontation between Islamists and secular government unfolded after medical coup arranged by Zinedine Ben Ali to supersede an ailing Habib Burgiba in 1987. Unlike Habib Burgiba he was perfectly aware of political weight of the MB and started the oppression of the group, having perceived it as a political threat. First, in 1988, after all the religiously based political movements had been banned legislatively, the MB became illegal and some of its prominent figures were forced to leave the country (e. g. their leader

Rashid al-Gannushi moved to the USA), then, in 1991, the whole structure was totally dismantled with more than 300 members arrested [17, p. 160]. The hostility of the regime became the reason why a lot of members preferred migration to the francophone part of Europe (mainly France and Belgium), where they laid the foundation of the western wing of the Tunisian MB, which called al-Nahda fi al-Kharij [18, p. 523].

The period of the 1990s, as the stage of transition to democratic ideology, was marked by two important trends in the activity of the MB in Europe.

The first one is the MB concentration imprecisely on the European direction. The MB finally left hope for any reviving of activity in their home countries under the grip of secular authoritarian rulers. Furthermore, the staff composition of the MB has significantly evolved over time. Even if the old guard kept the key positions, the MB recruited more and more Muslims, born in European countries and held European citizenship. Those new members were much more concerned about their way of life in an alien cultural-religious environment and the protection of their own religious rights and freedoms, than the political battle in Arab countries.

The amendments to the agenda were a prerequisite for the survival of the group's influence in Europe. As a result of it, an ideological schism occurred in the early 1990s, when one part of activists decided to concentrate their activities in European direction instead of interfering in Arabic politics and the organisation's leadership. This ended with the decision made by the MB mother structure in Egypt: each branch should operate according to the local context [1, p. 13].

This alteration of course made the MB activity more on-site. At the same time, its sway over local Muslims became much wider, as from this time the group started to position itself as the main representative of the Islamic minority in Europe, and this is the second important trend of the 1990s. This transition was formalised already in 1989, a little before the official decision of the MB headquarters about the changing of its agenda, and was expressed in the formation of the Federation of Islamic Organisation in Europe (FIOE). The objectives, claimed by this organisation, were focused on the promotion of the Islamic religion and culture, the building of infrastructure, i. e. mosques, schools, cultural centres, etc, as well as the representation of Muslims on the European level. Moreover, there were such objectives mentioned in its official testimony, published on the website of FIOE, as «working towards achieving representation of Muslims within European institutions and authorities» and «striving towards achieving recognition for Islam as an official religion throughout Europe»³.

The mentioned objectives clearly indicate, that the MB started to consider Muslim minority in Europe as an inevitable part of European society, as well as Europe as home and not a temporary shelter for refugees like

³Our objectives [Electronic resource]. URL: <https://euomuslims.org/en/objectives/> (date of access: 01.08.2020).

before. This led the MB to carve out the new identity of European Muslim, not fully assimilated but abiding by the rules and laws of the country he lives in while preserving his religious identity. This orientation was reflected in the decisions of the officials of the group as well. For example, in France, during the 3rd national conference of imams in March 2008, the procedure of secular marriage was legitimised within the framework of Islam [10, p. 248]. This action clearly witnesses that the MB started to adapt to cultural and religious environment they live in, again having proved themselves to be a flexible movement ready to act and transform its discourse according to the conditions in the field.

Such flexibility is expressed in the willingness to collaborate with state authorities as well and the acceptance of this fact by the latter. The summary of the British Government Review of the MB published in 2015 stated that «the Muslim Brotherhood has not been linked to terrorist related activity in and against the UK. The Muslim Brotherhood in the UK has often condemned terrorist related activity in the UK associated with al-Qai'da... The Muslim Brotherhood has been publicly committed to political engagement in this country. Engagement with government has at times been facilitated by what appeared to be a common agenda against al-Qaida and (at least in the UK) militant salafism. But this engagement did not take account of Muslim Brotherhood support for a proscribed terrorist group and its views about terrorism which, in reality, were quite different from our own»⁴. In this way, it can be seen, that the MB started to pose itself as the organisation (representative of Muslims within European society, rather than an organisation) ideological rival of the West. Again such kind of transformation was connected not only with the reform within the European MB itself, but with the ideological and political changing of the MB on the whole.

In these circumstances, could the West be considered as a possible area of expansion? The most likely answer is no. First, it is clearly seen from the political practice of the MB – throughout their existence they have been concentrated on the political competition within their countries of origin, applying Hassan al-Banna's concept of gradual penetration, disseminating their discourse throughout various institutions on a step by step approach. Second, having developed mechanisms of survival during the numerous periods of repressions it went through, the MB is a highly pragmatic and realistic political group and never puts the goals it feels not able to fulfil. Therefore, at this stage, the objective of expansion in the secular West seems to be too ambitious for an Islamist organisation.

Thus, summing up all of the above, the European MB has been changing ideologically, politically and institutionally in conformity with the inner transformation of the mother organisation in Egypt. Hence, the current

activity of the group in Europe is carried out according to the tasks that it faces in an alien sociocultural environment. Thus, the main objectives of the European MB nowadays may be stated as follows:

1. Preservation of the cultural and religious identity of the Islamic ummah in Europe. In terms of functioning under the prevalence of a Christian or atheistic culture, as a religious minority, the most important thing that the MB strives for is simply not to be assimilated by Europeans and not to forget the Muslim background.

2. The spread of its socio-political influence on the European Muslim community as a whole and, consequently, self-positioning as a representative of the interests of all European Muslims. Such ambitions are not groundless, given that many Islamic organisations operating in Europe, including the leading ones, were established by the MB or have connections with them (for example, already mentioned here Islamic Council of Europe, Islamic Centre in Aachen, Federation of Islamic Organisations in Europe). All these organisations are official representatives of Muslim communities at both state and European levels and in fact express the position of European Muslims. Thus, it can be affirmed that the official position of the European Islamic community is largely inspired by the MB, in spite of the fact, that formally, none of the above organisations is related to the MB infrastructure. However, this fits well with the organisational framework of the group. As acknowledged by Mahdi Akef himself, the MB supreme guide in 2004–2010, the MB are not a «strictly formed organisation with membership card and party fees. Anyone who sympathises with the Brothers may be considered a member of them» [9, p. 9]. Such a flexible structure was originally conceived for functioning in conditions of illegal activities in Egypt, but it also took root well in Europe, where the MB, as well as other Islamic organisations, are wary and it's easier to function unofficially.

3. In spite of the fact, that there is no question about any serious ambitions for Islamic expansion or the serious spread of its ideology, the MB nevertheless deems Europe as a platform for preaching. The concept of dar al-dawah (house of preaching) was developed specifically for the MB living outside the Muslim homeland (in addition to dar of al-Islam (house of Islam) and dar al-harb (house of war) introduced by Seyyid Qutb) [9, p. 7]. Dar al-Dawah means a place where Muslims are in the minority, which means that the spread of Islamic discourse is especially important.

In this circumstances it is worth noting, that while the main reason of the migration of the MB members to Europe was political persecution in their home countries, it became a part of the ideological confrontation between Islamism and secular nationalism, having represented a political dominant in the countries of the Middle East and the North Africa after they had gained

⁴Muslim Brotherhood review: main findings [Electronic resource]. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/486948/53163_Muslim_Brotherhood_Review_-_PRINT.pdf (date of access: 01.08.2020).

independence. Remarkably, the secular political trend has demonstrated its extreme authoritarianism, having removed any sameness between secularism and democracy. In these circumstances Islamists had to seek for democracy abroad in order to have possibility to fulfil their activity, and consequently started their public support for a democratic form of government in general. Paradoxically, European secular state model became more favourable to their activity, then Arabic one. Moreover, by this way Islamists started to be associated with democracy as they were fighting with dictatorship in Arabic countries, even though in fact this fight was rather against secularism than for democracy itself.

As a result it can be stated, that being a movement, that has undergone substantial ideological transformation, the MB has followed a similar scenario in Europe. The difference between the activity in these two geographical areas that, unlike in Arab world, the MB has never had opportunity to claim the political dominance due to less quantity of Muslims there along with

the fact, that a significant part of European Muslims has been integrated and assimilated and far from religious rhetoric of the society. At the same time, the MB has adapted to the European reality and realised their activity in the framework of the socio-political situation they faced there. However, the European MB has been demonstrating their full allegiance to Hassan al-Banna concept of insensible penetration, had been implemented in Egypt before, but adjusted for the Western reality of alien sociocultural environment. It means, that even in the absence of any ambition of real expansion the MB has tried to take all the chance to increase its influence. All its activity in Europe demonstrates this trend, taking into the account its growing official representation. Anyway, as in Arabic world the MB has gone all the way from a small religious group to a major political movement, in Europe it has transformed from a local community of Muslims in exile to a very organisation, claiming to be the official representative of European Muslims.

Библиографические ссылки

1. الإخوان المسلمون في أوروبا: دراسة تحليلية لتنظيم إسلامي. سمير امغار = Амхар С. «Братья-мусульмане» в Европе. Анализ исламской организации. Аль-мактабат аль-Искандарийя: [б. и.]; 2012. 28 с.
2. Maréchal B. Le devenir des Frères musulmans: entre visibilité et déclin. *Larevue nouvelle*. 2007;9:26–31.
3. حسن البنا \ مجموعة رسائل الإمام الشهيد حسن البنا. القاهرة: دار الدعوات للطباعة. = аль-Банна Х. Собрание посланий имама Хасана аль-Банна. Каир: Дар ад-Дават ли ат-Таба ва ат-Тавзия; 1998. 756 с.
4. Rutherford B. *Egypt after Mubarak. Liberalism, Islam and democracy in the Arab world*. Princeton: Princeton University Press; 2008. 280 p.
5. Leiken R, Brooke S. The moderate Muslim Brotherhood. *Foreign Affairs*. 2007;2:108–116.
6. Emerson M, Youngs R. *Political Islam and European foreign policy perspectives from Muslim democrats of Medditarra-nean*. Brussels: Centre for European Policy Studies; 2007. 196 p.
7. Ражбадинов М. Египетское движение «Братьев-мусульман». Москва: Институт востоковедения РАН; 2004. 434 с.
8. سيد قطب، معلم في الطارق = Кутб С. Вехи на пути. Каир: Дар Аш-Шурук; 1982. 202 с.
9. Vidino L. *Programme on extremism. The Muslim Brotherhood in Austria*. Washington: George Washington University; 2017. 50 p.
10. Хизриев АЯ. «Братья-мусульмане» в странах Запада: организации и распространение идеологии (Великобритания, Германия, Франция). *Проблемы национальной стратегии*. 2014;5:236–250.
11. Манукян С. Исламский фундаментализм в Сирии (30–60-е гг.). В: Федорченко АВ, Филоник АО, редакторы. *Востоковедный сборник. Выпуск 4*. Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока; 2002. с. 150–179.
12. Wickham C. *Mobilizing Islam*. New York: Columbia University Press; 2002. 300 p.
13. Rubin B. *Islamic fundamentalism in Egyptian politics*. New York: Palgrave Macmillan; 2002. 222 p.
14. Киреев НГ. *История Турции. XX век*. Москва: ИВ РАН; 2007. 608 с.
15. Кондраль АА. *Общественно-политическая деятельность ассоциации «Братьев-мусульман» в Египте (2005–2012 гг.)* [диссертация]. Минск: БГУ; 2015. 139 с.
16. Pargeter A. *The Muslim Brotherhood. The burden of traditions*. London: [s. n.]; 2010. 248 p.
17. Ланда РГ. *История Алжира XX в.* Москва: ИВ РАН; 2017. 220 с.
18. Grewal S. From Islamists to Muslim democrats: the case of Tunisia's Ennahda. *American Political Science Review*. 2020;114(2):519–535.

References

1. Amhar S. «Muslim Brotherhood» in Europe. *Analysis of the Islamic organisation*. Al-maktabat al-Iskandariya: [s. n.]; 2012. 28 p. Arabic.
2. Maréchal B. Le devenir des Frères musulmans: entre visibilité et déclin. *Larevue nouvelle*. 2007;9:26–31.
3. al-Banna H. *Collection of messages of imam Hasan al-Banna*. Cairo: Dar ad-Dawat li at-Taba wa at-Tavzia; 1998. 756 p. Arabic.
4. Rutherford B. *Egypt after Mubarak. Liberalism, Islam and democracy in the Arab world*. Princeton: Princeton University Press; 2008. 280 p.
5. Leiken R, Brooke S. The moderate Muslim Brotherhood. *Foreign Affairs*. 2007;2:108–116.

6. Emerson M, Youngs R. *Political Islam and European foreign policy perspectives from Muslim democrats of Mediterranean*. Brussels: Centre for European Policy Studies; 2007. 196 p.
7. Razhbadinov M. *Egipetskoe dvizhenie «Brat'ev-musul'man»* [Egyptian Muslim Brotherhood movement]. Moscow: Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Science; 2004. 434 p. Russian.
8. Qutb S. *Milestones on the way*. Cairo: Dar Ash-Shuruk; 1982. 202 p. Arabic.
9. Vidino L. *Programme on extremism. The Muslim Brotherhood in Austria*. Washington: George Washington University; 2017. 50 p.
10. Khizriev AY. [«Muslim Brothers» in Western countries: organisation and spread of ideology (Great Britain, Germany, France)]. *Problemy natsional'noi strategii*. 2014;5:236–250. Russian.
11. Manukyan S. [Islamic fundamentalism in Syria (30–60s)]. In: Fedorchenko AV, Filonik AO, editors. *Vostokovednyi sbornik. Vypusk 4* [Orientalist collection. Issue 4]. Moscow: Institut izucheniya Izrailya i Blizhnego Vostoka; 2002. p. 150–179. Russian.
12. Wickham C. *Mobilizing Islam*. New York: Columbia University Press; 2002. 300 p.
13. Rubin B. *Islamic fundamentalism in Egyptian politics*. New York: Palgrave Macmillan; 2002. 222 p.
14. Kireev NG. *Istoriya Turtsii. XX vek* [History of Turkey of the 20th century]. Moscow: Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Science; 2007. 608 p. Russian.
15. Kondral AA. *Obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost' assotsiatsii «Brat'ev-musul'man» v Egipte (2005–2012 gg.)* [Social and political activities of the Society of the Muslim Brotherhood in Egypt (2005–2012)] [dissertation]. Minsk: Belarusian State University; 2015. 139 p. Russian.
16. Pargeter A. *The Muslim Brotherhood. The burden of traditions*. London: [s. n.]; 2010. 248 p.
17. Landa RG. *Istoriya Alzhira XX v.* [History of Algeria in the 20th century]. Moscow: Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Science; 2017. 220 p. Russian.
18. Grewal S. From Islamists to Muslim democrats: the case of Tunisia's Ennahda. *American Political Science Review*. 2020;114(2):519–535.

Received by editorial board 08.09.2020.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

НАВУКОВАЕ ЖЫЦЦЁ

SCIENTIFIC EVENTS

КРУГЛЫЙ СТОЛ «АРХИВЫ И АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ В РАБОТЕ УЧРЕЖДЕНИЙ СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ»

КРУГЛЫ СТОЛ «АРХІВЫ І АРХІЎНЫЯ ДАКУМЕНТЫ Ў РАБОЦЕ ЎСТАНОЎ СЯРЭДНЯЙ АДУКАЦЫІ»

ROUND TABLE «ARCHIVES AND ARCHIVAL DOCUMENTS IN THE WORK OF HIGH SCHOOL»

Круглый стол под названием «Архивы и архивные документы в работе учреждений среднего образования» был проведен в режиме видеоконференции 15 мая 2020 г. на базе исторического факультета БГУ. Соорганизаторами мероприятия выступили Министерство образования Республики Беларусь и Департамент по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь.

Открывая заседание и приветствуя его участников, декан исторического факультета А. Г. Кохановский отметил актуальность тематики круглого стола и выразил надежду, что он будет способствовать повышению эффективности работы как архивных, так и образовательных учреждений. Кроме того, в ходе выступления было зачитано приветственное слово заместителя министра образования Республики Беларусь А. В. Кадлубая, в котором говорилось, что архивы, будучи хранителями памяти, всегда привлекали внимание не только исследователей, но и студенческой молодежи, школьников, желающих через документы приобщиться к истории своей страны, семьи, родных и близких им людей. Это особенно проявляется в текущем году, ознаменованном 75-летием Великой Победы. Архивы, как и библиотеки, музеи, способствуют воспитанию подрастающих поколений.

С приветственным словом к участникам круглого стола обратился также заместитель директора Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь А. Е. Цветков, подчеркнувший, что популяризация документов Национального архивного фонда Республики Беларусь имеет большое значение. Он отметил позитивную роль исторического факультета БГУ в деле подготовки кадров по специальности «историко-архивоведение».

Тематика круглого стола вызвала интерес и у зарубежных коллег. Так, приветственное письмо в адрес участников круглого стола направил заведующий кафедрой истории и организации архивного дела Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета Т. И. Хорхордина. В нем обращалось внимание на то, что знание подлинной, запечатленной в документах истории Отечества обеспечивает молодежи и школьникам иммунитет к попыткам искажения исторического прошлого.

Заведующий кафедрой источниковедения исторического факультета БГУ С. Н. Ходин поддержал коллег и отметил, что архивные работники играют важную роль в деле сохранения и популяризации

архивного наследия. Имеющая давнюю историю профессия архивиста очень важна для развития общества. Современный архивист, по его мнению, это специалист, владеющий новейшими информационными технологиями. Он рассказал о реализуемом на историческом факультете проекте по формированию базы данных, основанной на информации книг «Память». Целью проекта является создание народного архива о погибших в годы Великой Отечественной войны воинах, партизанах, подпольщиках Беларуси.

Работа круглого стола проходила в рамках двух дискуссионных панелей: «Архивы – школам» и «Архивисты и архивные документы в образовательном процессе».

Первую панель открывало выступление профессора кафедры источниковедения исторического факультета БГУ М. Ф. Шумейко «Формирование “архивного сознания” у школьников». Основываясь на личном многолетнем опыте работы в архивах в качестве архивиста и исследователя, докладчик обозначил некоторые темы, могущие вызвать у школьников интерес к занятиям историческими изысканиями: история семьи, происхождение фамилий, формирование личных и семейных архивов. Особое внимание он обратил на воспитательную функцию документа, через которую следует прививать учащимся ответственность за слова и поступки, поскольку слово не исчезает, а сохраняется в письмах, мемуарах и других хранящихся в архивах документах. В качестве средства популяризации работы архивов среди молодежи и школьников он предложил подготовку изданий, в которых с использованием ярких примеров рассказывалось бы о значении документов в жизни общества, о документальном богатстве белорусских архивов.

Ряд докладов был посвящен характеристике деятельности конкретных государственных архивов в сфере популяризации документов и работы со школьниками. В частности, об этом говорили заведующий отделом публикаций Национального архива Республики Беларусь М. Н. Скоморощенко в докладе «К вопросу о перспективных направлениях в сотрудничестве учреждений среднего образования и государственных архивных учреждений Беларуси (из опыта работы отдела публикаций Национального архива Республики Беларусь)», директор Белорусского государственного архива-музея литературы и искусства А. В. Запартыко в сообщении «З вопыту працы БДАМЛМ з “маладой аўдыторыяй”», заместитель начальника отдела государственного учета и формирования Архивного фонда Республики Башкортостан Управления по делам архивов Республики Башкортостан (Россия) И. Г. Асфандиярова в докладе «Реализация башкирскими архивистами гранта Фонда президентских грантов “Архивная эвристика для школьников”».

Опытном польских архивистов по комплектованию государственных архивов семейными архивами поделился профессор кафедры архивистики Института истории и архивистики Университета Николая Коперника в Торуні (Польша) В. Хоронжичевски. В докладе «Польские семейные архивы в XXI в.» он отметил, что современные историографические тренды, делающие упор на микроисторию, историю менталитета и повседневности, историческую антропологию, несомненно, являются фактором, способствующим развитию семейных архивов. По его мнению, очень важно разъяснять в средней школе ценность семейных архивов, показывая на их примере, что архивистом может стать каждый.

Отдельным направлением в работе панели стали выступления, посвященные методике использования архивных документов в образовательном процессе: «Выкарыстанне гістарычных дакументаў на ўроках гісторыі» (В. А. Белозорович), «Патэнцыял дакументальнай спадчыны ВКЛ для падрыхтоўкі пазакласных заняткаў па гісторыі Беларусі» (А. Н. Латушкин), «Воспитательный потенциал исторических источников по истории Белорусского государственного университета в работе учреждения общего среднего образования» (Ю. А. Бакун).

Анализ практической работы учащихся и студентов в архиве был представлен в докладах «Опыт организации работы студентов-историков с архивными материалами при наполнении базы данных о заселении Калининградской области» (Е. В. Баранова, В. Н. Маслов) и «Прафесійныя кампетэнцыі архівіста ў рэалізацыі адукацыйнай функцыі архіваў (польскі досвед)» (О. С. Иванова).

Работа второй панели «Архивисты и архивные документы в образовательном процессе» началась с выступления «Подготовка историков-архивистов в области информационных технологий на историческом факультете БГУ» (О. Л. Липницкая, Е. Э. Попова). Докладчики отметили, что в учебных планах исторического факультета уменьшается количество часов на изучение дисциплин, связанных с информационными технологиями и исторической информатикой, между тем как современный архивист не может быть конкурентоспособным без владения комплексом знаний в этой области. Актуальным, по их мнению, представляется открытие направления специальности «цифровые архивы».

Обсуждение обозначенной проблемы было продолжено в докладах «“Гражданский архивист”: методы работы с текстом архивных документов на уроках истории» (Т. Д. Гернович) и «Организация использования архивных документов в учебном процессе учреждений среднего образования в Беларуси и зарубежных странах» (З. В. Антонович). Отмечено, что архивные интернет-порталы США, Великобритании, Польши, Франции и других государств имеют в своей структуре отдельные раз-

дела, предназначенные для размещения уроков, игр, конкурсов, построенных на основе архивных документов. Актуальным, по мнению докладчиков, представляется создание аналогичных разделов и на сайтах белорусских архивов. Подобные методические разработки при поддержке министерства образования могли бы использоваться в работе учителя истории для популяризации архивов.

Ряд докладов второй панели был посвящен характеристике методических разработок по использованию архивных документов в средней школе: «Использование архивных материалов в подготовке научно-исследовательских работ по всемирной истории и истории Беларуси учащимися учреждений среднего образования» (С. Б. Каун), «Архивный характер отражения событий Великой Отечественной войны в системе среднего образования» (К. И. Козак), «Использование кейс-метода при работе с архивными документами на уроках истории» (Д. О. Косякова), «Чат-бот как инструмент для работы с архивными документами на уроке истории» (О. В. Коляго, Е. В. Пчельник, И. С. Сульжицкий), «История Академии связи в документах Государственного архива Витебской области: актуальность для учебно-воспитательного процесса» (Е. А. Кунашко).

В числе участников круглого стола были и учащиеся ГУО «Гимназия № 22 г. Минска», представившие свои научно-исследовательские работы, подготовленные на основе архивных документов: «Два прадеда – две фронтовые судьбы, два жизненных пути» (И. А. Осипов), «Дети холокоста на примере семьи Чемодановых» (Е. Д. Чемоданова).

В завершение круглого стола состоялась дискуссия, в ходе которой высказывались пожелания и рекомендации, призванные способствовать популяризации работы архивных учреждений Беларуси среди широких слоев общественности, включая школьников. Предлагалось ходатайствовать перед Департаментом по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь о создании на базе одного из ведущих государственных архивов страны музея архивов, который мог бы служить площадкой для популяризации документального наследия, составляющего Национальный архивный фонд Республики Беларусь, а также об открытии на интернет-сайтах белорусских архивов разделов, предназначенных для размещения основанных на архивных документах уроков, игр, конкурсов, которые могли бы использоваться в работе учителя истории и обществоведения.

М. Ф. Шумейко¹, Т. Д. Гернович²

¹ *Михаил Федорович Шумейко* – кандидат исторических наук, доцент; профессор кафедры источниковедения исторического факультета Белорусского государственного университета.

Міхаіл Фёдаравіч Шумейка – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; прафесар кафедры крыніцазнаўства гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Michail F. Shumeiko, PhD (history), docent; professor at the department of source study, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: jesti@inbox.ru

² *Татьяна Дмитриевна Гернович* – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры источниковедения исторического факультета Белорусского государственного университета.

Таццяна Дзмітрыеўна Герновіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры крыніцазнаўства гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Tatsiana D. Hiarnovich, PhD (history), docent; associate professor at the department of source study, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: adelia.z@gmail.com

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРЫТЫКА І БІБЛІЯГРАФІЯ

REVIEW AND BIBLIOGRAPHY

Sejm Królestwa Polskiego i Rzeczypospolitej Obojga Narodów a europejskie reprezentacji stanowe / red. nauk.: D. Kupisz, W. Uruszczak. Warszawa : Wydaw. Sejm., 2019. 295 s.

The diet of the Polish Kingdom and the Polish-Lithuanian Commonwealth and European representative assemblies of estates / ed. by D. Kupisz, W. Uruszczak. Warsaw : Wydaw. Sejm., 2019. 295 p. (in Pol.).

У 2018 г. у Варшаве і Пётржаве адбыліся дзве міжнародныя навуковыя канферэнцыі, прысвечаныя 550-годдзю парламентарызму Польшчы і Рэчы Паспалітай. Нагодай для правядзення гэтых форумаў стаў адпаведны юбілей склікання ў 1468 г. першага ў польскай гісторыі двухпалатнага сойма, на якім былі прадстаўлены не толькі члены каралеўскай рады (сенат), але і абраныя на мясцовых соймах паслы ад шляхты (пасольская ізва). Большая частка прачытаных на канферэнцыях дакладаў і стала асновай выдадзенага ў наступным годзе зборніка навуковых артыкулаў. Рэдактары кнігі – знаныя польскія даследчыкі: спецыяліст па ваеннай гісторыі і гісторыі шляхты Дарыюш Купіш і гісторык права Вацлаў Урушчак. Усяго ў зборніку змешчаны 15 артыкулаў, напісаных навукоўцамі з Польшчы, Венгрыі, Літвы і Украіны, таксама ёсць уводзіны і асабовы індэкс.

Пры падборы тэкстаў выдаўцы паставілі перад сабой мэту асвятліць праблемы генезісу і функцыянавання інстытута сойма ў XIV–XVIII стст. на фоне саслоўных сходаў тагачаснай Еўропы. У змесце зборніка можна вылучыць некалькі тэматычных блокаў.

Так, чатыры артыкулы прысвечаны розным стэрэахіпам гісторыі сойма Каралеўства Польскага на працягу XIV–XVI стст. Войцех Фалкоўскі разгледзеў працэс станаўлення польскага вальнага сойма ў канцы XIV – першай палове XV ст. з улікам росту

палітычнага значэння не толькі вышэйшых свецкіх і духоўных ураднікаў, але і шырокіх колаў шляхты. Адзін з рэдактараў выдання Вацлаў Урушчак прадставіў грунтоўныя аргументы на карысць тэзіса аб тым, што першы двухпалатны сойм Каралеўства Польскага адбыўся ў 1468 г., а не ў 1493 г., як лічылася ў ранейшай гістарыяграфіі. Лешак Вяржбіцкі падрабязна паказаў пазіцыю польскіх сенатараў і земскіх паслоў па пытанні шлюбу новага караля польскага і вялікага князя літоўскага Жыгімонта Аўгуста з Барбарай Радзівіл, якое стала ключавым на сойме 1548 г. у Пётржаве. У сваю чаргу, Эва Дубас-Урвановіч правяла параўнаўчы аналіз каронных соймаў да і пасля 1562 г. Менавіта ў гэтым годзе Жыгімонт Аўгуст выразна падтрымаў «экзекуцыйны» рух польскай шляхты, якая выступала з праграмай маштабных дзяржаўных рэформ, у тым ліку і з пастулатам заключэння новай уніі з Вялікім Княствам Літоўскім. Даследчыца трапна вызначыла тыя матывы, якія падштурхнулі манарха да супрацоўніцтва са шляхтай (адсутнасць мужчынскіх нашчадкаў, цяжкае фінансавое становішча ва ўмовах вайны з Маскоўскай дзяржавай, палітычная і ідэйная слабасць кароннага сената). І хаця названыя артыкулы датычаць менавіта сойма Каралеўства Польскага, але ў іх можна знайсці і даследчыя сюжэты, важныя для вывучэння гісторыі вальнага сойма Вялікага Княства Літоўскага (напрыклад, станаўленне інстытута прадстаўніцтва або развіццё палітычнай культуры шляхецкага грамадства).

Гісторыі супольнага вальнага сойма Рэчы Паспалітай прысвечаны пяць артыкулаў, аднак храналагічна яны падзяляюцца вельмі нераўнамерна: чатыры з іх закранаюць перыяд другой паловы XVII – XVIII ст. Так, Дарыюш Купіш прааналізаваў соймавыя канстытуцыі, якія датычылі арганізацыі кароннага войска і былі ўхвалены ў 1648–1655 гг., гэта значыць ад пачатку паўстання Багдана Хмяльніцкага да ўварвання ў Рэч Паспалітую шведскіх

войскаў. У матэрыяле Роберта Каладзея праведзены ўважлівы разбор асаблівасцей функцыянавання вальнага сойма ў час панавання караля польскага і вялікага князя літоўскага Яна III Сабескага (1674–1696). Аўтар прыйшоў да высновы, што перыяд 1688–1695 гг. – адзін з пераломных момантаў у паглыбленні крызісу інстытута сойма. Пашырэнне практыкі зрыву соймавых пасяджэнняў нават яшчэ да абрання маршалка пасольскай ізбы стала вынікам унутранай палітычнай барацьбы паміж каралеўскім дваром і магнацкай групай Сапегаў і прывяло да страты шанцаў на рэфармаванне парламента. Па сутнасці, гэты час засведчыў значны заняпад палітычнай культуры шляхты Рэчы Паспалітай. Анджэй Страйноўскі разглядае маладаследаваную праблему ролі сената ў дзейнасці вальнага сойма і змен гэтай ролі на працягу XVIII ст. Адносіны паміж парламентам і органамі выканаўчай улады Рэчы Паспалітай у 1764–1786 гг. сталі прадметам даследавання Вітальда Філіпчака. А вось перыяду апошняй трэці XVI – пачатку XVII ст. прысвечаны толькі артыкул Наталлі Старчанка. Каб паказаць суіснаванне на рэгіянальным узроўні Статута ВКЛ 1566 г., які працягваў дзейнічаць ва ўкраінскіх ваяводствах пасля іх далучэння да Каралеўства Польскага ў 1569 г., і каронных соймавых канстытуцый, даследчыца грунтоўна прааналізавала як судовую практыку Валынскага ваяводства, так і мясцовыя соймавыя матэрыялы. Аўтар даводзіць, што барацьба за захаванне «свайго права», з аднаго боку, пашырала сярод валынскай (і, шырэй, украінскай) шляхты ўсведамленне ўласнай суб'ектнасці ў складзе Каралеўства Польскага, а з другога – спрыяла ўмацаванню еднасці шляхецкага саслоўя на ўзроўні ўсёй Рэчы Паспалітай. Падкрэслім, што без уліку падобнага перапляцення партыкулярных і ўніфікатарскіх тэндэнцый немагчыма ў поўнай ступені адлюстравать спецыфіку палітычнага развіцця аб'яднанай дзяржавы. На вялікі жаль, у зборніку не аказалася ніводнага артыкула, які б быў прысвечаны парламенцкім структурам Вялікага Княства Літоўскага ў складзе Рэчы Паспалітай або яго прадстаўніцтву на супольным сойме. Парламенцкая сістэма ВКЛ да XVIII ст. захоўвала значныя асаблівасці¹, і разгляд інстытута вальнага сойма без іх уліку з'яўляецца далёка не поўным.

Два артыкулы зборніка прадстаўляюць скразны погляд на гісторыю сойма ў часы Каралеўства

Польскага і Рэчы Паспалітай. Так, Эдвард Апаліньскі на падставе аналізу кар'еры 213 каталіцкіх біскупаў паспрабаваў паказаць шляхі палітычнага авансу каронных і велікакняжацкіх духоўных сенатараў у XVI–XVII стст. Біскупы з'яўляліся даволі спецыфічнай супольнасцю, паколькі, з аднаго боку, былі святарамі, а з другога – палітыкамі, членамі сената. Даследаванне выразна паказала, што асновай царкоўнай кар'еры для пераважнай большасці біскупаў служыла менавіта грамадска-палітычная дзейнасць на карысць манарха і дзяржавы. Вацлаў Урушчак у яшчэ адным сваім артыкуле, змешчаным у зборніку, разглядае ролю парламентарызму ў развіцці дзяржаўнага ладу Польшчы і Рэчы Паспалітай. Імкнучыся адысці ад распаўсюджаных паняццяў тыпу і формы дзяржавы, аўтар прапануе карыстацца тэрмінам «прынцып уладкавання», якім акрэслівае асноватворныя ўзаемаадносіны ў сферы сацыяльнага і палітычнага ладу той ці іншай краіны. І хоць не з усімі прапанаванымі прынцыпамі ўладкавання Рэчы Паспалітай можна цалкам пагадзіцца (напрыклад, з прынцыпамі рэлігійнай талерантнасці або падзелу ўлады), але парламентарызм сапраўды меў фундаментальнае значэнне ў сацыяльна-палітычным жыцці гэтага дзяржаўнага ўтварэння. Праўда, сур'ёзнае прызначэнне выклікае характарыстыка Вацлавам Урушчам Рэчы Паспалітай як «адзінай дзяржавы, у якой ніводная з яе складовых частак не захавала ўласнай суверэннай лакальнай улады»² (s. 51). На наш погляд, Вялікае Княства Літоўскае пасля Люблінскай уніі 1569 г. захавала не толькі «шэраг асаблівасцей у прававой сістэме», але мела частковы суверэнітэт³, што дазваляе казаць аб федэратыўнай аснове Рэчы Паспалітай абодвух народаў.

Як адзначалася вышэй, рэдактары зборніка імкнуліся прадставіць гісторыю кароннага сойма ў агульнаеўрапейскім кантэксце. Аднак можна меркаваць, што гэта мэта была дасягнута толькі часткова. Даруюш Макіла на прыкладзе Францыі, Англіі і Польшчы тэзісна падаў тры тэарэтычныя мадэлі фарміравання агульнадзяржаўных прадстаўнічых сходаў на працягу XIII–XVI стст. з улікам ролі ў гэтым працэсе манарха і станаў грамадства. Даніэль Багі, разглядаючы пачаткі парламентарызму ў Венгерскім Каралеўстве, сканцэнтравана ўвагу на рашэннях з'езда 1351 г. Аўтар аспрэчвае распаўсюджанае меркаванне,

¹ Гл., напрыклад: *Rachuba A. Wielkie Księstwo Litewskie w systemie parlamentarnym Rzeczypospolitej w latach 1569–1763. Warszawa : Wydaw. Sejm., 2002 ; Zakrzewski A. Wielkie Księstwo Litewskie (XVI–XVIII w.). Prawo – ustroj – społeczeństwo. Warszawa : Campigodlio, 2013. S. 88–117.*

² Тут і далей пераклад наш. – У. П.

³ І пасля ўтварэння Рэчы Паспалітай шляхта Вялікага Княства Літоўскага мела магчымасць абараняць і рэалізоўваць свае сацыяльна-палітычныя інтарэсы ў справах унутранай і – у меншай ступені – знешняй палітыкі. Захоўваліся асобныя ўладныя інстытуты, судовая і прававая сістэма, афіцыйная мова справаводства (да 1697 г.) і дзяржаўная сімволіка. Правядзенне ўласных заканадаўчых галоўных з'ездаў ці з'ездаў часоў бескаралеўя было важным інструментам абароны дзяржаўных інтарэсаў ВКЛ. Статут 1588 г. гарантаваў вяршэнства праваў велікакняжацкай шляхты на сваёй тэрыторыі. Падрабязней гл., напрыклад: *Падалінскі У. Барацьба шляхты за суверэнітэт ВКЛ пасля Люблінскай уніі 1569 г. // Беларус. гіст. часоп. 2016. № 7. С. 23–28.*

згодна з якім менавіта гэты з'езд стаў пачаткам генезісу саслоўнай манархіі ў Венгрыі, і не бачыць у ім прадвесніка парламенцкіх сходаў XV ст. Нарэшце, літоўская даследчыца Юратэ Кяўпене паказала станаўленне інстытута вальнага сойма ў кантэксце мадэрнізацыйных працэсаў у Вялікім Княстве Літоўскім ад пачатку XV ст. да 1569 г. У артыкуле адзначаецца эвалюцыйнае развіццё ў ВКЛ новых палітычных структур: паноў-рады, сойма, палітычнага народа. Цалкам можна пагадзіцца з высновай, што вырашальным этапам у афармленні вальнага сойма стаў канец XV – першая палова XVI ст. А вось зараджэнне сістэмы саслоўнага прадстаўніцтва ў дзяржаве Юратэ Кяўпене адносіць да часу панавання вялікага князя літоўскага Вітаўта (1392–1430). На нашу думку, генезіс парламентарызму ў Вялікім Княстве Літоўскім патрэбна звязваць са скліканнем з'ездаў князёў і вышэйшых колаў баярства, якія фармальна мелі агульнадзяржаўны характар ды фіксуюцца ўжо як мінімум з пачатку XIV ст.⁴ Акрамя таго, варта памятаць, што некаторыя землі ВКЛ (напрыклад, Жамойцкая, Полацкая, Віцебская) захоўвалі ўласныя традыцыі парламенцкага жыцця, карані якіх палягаюць яшчэ ў перыядзе вечавых сходаў. Сярод праяў мадэрнізацыі Вялікага Княства Літоўскага хацелася б назваць яшчэ і працэс стварэння агульнадзяржаўнага пісьмовага права, што распачаўся з прывілея вялікага князя літоўскага Казіміра Ягайлавіча ад 2 мая 1447 г. Агульнае права і вальны сойм спрыялі фармі-

раванню адзінага палітычнага народа ВКЛ, які аб'ядноўваў усю палітычна актыўную шляхту незалежна ад яе тэрытарыяльнай, этнічнай і канфесійнай прыналежнасці. Зборнік завяршаецца нарысам Эдварда Апалінскага, у якім выдатны польскі гісторык акрэслівае найважнейшыя кірункі далейшых даследаванняў парламенцкай сістэмы Каралеўства Польскага і Рэчы Паспалітай абодвух народаў. На думку аўтара, вузлавымі пытаннямі ў вывучэнні парламентарызму з'яўляюцца гісторыка-прававое і сацыяльна-палітычнае вымярэнні функцыянавання павятовых соймаў, а таксама роля ў працы вальнага сойма трох яго складовых частак: караля, сената і пасольскай ізбы. Актуальнай задачай паранейшаму застаецца комплекснае выданне соймавых дыярыушаў і соймавых дакументаў.

Такім чынам, рэцэнзаваны зборнік з'яўляецца важным крокам у вывучэнні гісторыі прадстаўнічых інстытутаў улады Цэнтральна-Усходняй Еўропы перыяду Сярэднявечча і ранняга Новага часу, а таксама можа быць добрым грунтам для далейшых даследаванняў у дадзенай галіне. Асабліва хацелася б падкрэсліць высокі навуковы ўзровень усіх прадстаўленых у выданні артыкулаў. Спадзяёмся, што і ў беларускай гістарычнай навуцы актывізуюцца даследаванні парламенцкіх традыцый Вялікага Княства Літоўскага і ўсёй Рэчы Паспалітай.

У. А. Падалінскі⁵

⁴Пад 1305 г. у хроніцы Пятра з Дусбурга паведамляецца пра напад аддзела крыжакоў на з'езд ВКЛ, на якім вялікі князь Віцень «сбраў амаль усіх магнатаў свайго каралеўства... на пэўнай нарадзе ці парламенце» (Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской. М. : Ладомир, 1997. С. 163–164). Аб скліканні падобных протапарламенцкіх сходаў у сярэднявечнай Еўропе гл., напрыклад: Blockmans W. P. A typology of representative institutions in late medieval Europe // J. of Medieval Hist. 1978. Vol. 4, issue 2. P. 189–215 ; Russocki S. Narodziny zgromadzeń stanowych // Prz. Hist. 1968. T. 59, zesz. 2. S. 214–226 ; Idem. Zgromadzenia przedstawowe środkowej Europy. Wstępna analiza porównawcza // Czas. Praw.-Hist. 1973. T. 25, zesz. 2. S. 1–17.

⁵Владимир Алексеевич Подолінский – кандидат исторических наук, доцент; заведующий кафедрой истории Беларуси древнего времени и средних веков исторического факультета Белорусского государственного университета.

Уладзімір Аляксеевіч Падалінскі – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; загадчык кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Uladimir A. Padalinski, PhD (history), docent; head of the department of Belarus history of the ancient time and the Middle Ages, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: ulpadalinski1978@gmail.com

ЮБІЛЕІ

ЮБІЛЕІ

JUBILEES

Юрый Леонідовіч
КАЗАКОВ

Юрый Леанідавіч
КАЗАКОЎ

Jury Leanidavich
KAZAKOU

Юбілейныя даты – добрая нагода выказаць ша-ноўнаму калегу шчырыя, цёплыя словы ўдзячнасці і павагі, на якія ў штодзённых клопатах не заўжды хапае часу. У ліпені адзначыў слаўны сямідзясяты дзень нараджэння навуковец, таленавіты выкладчык і выдатны арганізатар адукацыйнага пра-цэсу, кандыдат гістарычных навук, дацэнт Юрый Леанідавіч Казакоў.

Уся дзейнасць Юрыя Леанідавіча непарыўна звязана з Беларускім дзяржаўным універсітэтам. Тут ён атрымаў вышэйшую адукацыю, далучыўся да навуковай працы і паспяхова абараніў кандыдацкую дысертацыю, тут стаў як выкладчык, праявіў сябе як выдатны арганізатар і кіраўнік, набыў сяброў. Ва ўніверсітэце сустраўся з буду-

чай жонкай – таленавітым філолагам Таццянай Пятроўнай Казакавай, якая пазней стала загадчыкам кафедры гісторыі беларускай літаратуры філалагічнага факультэта. З БДУ звязаў свой лёс і сын навукоўцаў Леанід Юр’евіч, які працуе на гістарычным факультэце.

Нарадзіўся Юрый Леанідавіч Казакоў 27 ліпеня 1950 г. у сям’і служачых у г. п. Шуміліна Сіроцінскага (цяпер – Шумілінскага) раёна Віцебскай вобласці. Заўжды з пяшчотай і цеплынёй навуковец узгадвае хараство і прыгажосць малой радзімы, сваё дзяцінства. Маці, Алімпіяда Іванаўна, працавала сакратаром гарадскога пасялковага савета, а потым бухгалтарам. Бацька, Леанід Пятровіч, быў вылучаны на кіруючую партыйную пасаду, у сувязі

з чым сям'я мусіла часта пераязджаць. Так, у 1952 г. яны жылі ў г. п. Езярышча. Там у 1957 г. Юрый Казакоў пайшоў у школу. Але ўжо ў 1958 г. бацьку зноў перавялі ў іншае месца – г. Невель Пскоўскай вобласці. За бацькам пераехала ўся сям'я. Хлопчык працягнуў вучобу ў невельскай школе № 1. У 1959 г. ён лёгка паступіў у музычную школу, якую паспяхова скончыў праз пяць гадоў. Цяжкае выпрабаванне прыйшло ў 1964 г. – не стала бацькі. Сям'я адправілася ў Мінск. Дазвол на пераезд і прапіску ў сталіцы рэспублікі «членам сям'і былога партызанскага камісара» даў непасрэдна Пётр Міронавіч Машэраў. Маці хутка ўладкавалася ў БДУ, дзе плённа працавала яшчэ шмат гадоў старшым бухгалтарам, а потым намеснікам галоўнага бухгалтара.

У Мінску Юрый Казакоў працягнуў вучобу ў школе № 2, дзе і скончыў дзясяты клас у 1967 г. Пераезды, сямейныя нягоды адмоўным чынам паўплывалі на вучобу: у атэстаце пераважалі ацэнкі «добра» і «пасрэдна», але ў характарыстыцы за выпускны клас адзначаліся добрыя здольнасці хлопца да вучобы і працавітасць. Гэтыя якасці і высокія балы ў школьным атэстаце па геаграфіі, беларускай літаратуры і гісторыі СССР прадвызначылі гуманітарны профіль прафесіі будучага навукоўца.

У 1967 г. Юрый Леанідавіч падаў дакументы на паступленне на гістарычны факультэт БДУ. Упартая падрыхтоўка дала добрыя вынікі: на ўступных экзаменах абітурыент атрымаў выдатныя адзнакі за сачыненне па рускай мове, прысвечанае першай настаўніцы, і вусны экзамен па рускай мове і літаратуры, а па гісторыі СССР – ад самога Пятра Захаравіча Савачкіна, дэкана факультэта, – ацэнку «добра». Ужо 25 жніўня 1967 г. Ю. Л. Казакоў быў залічаны на гістарычны факультэт БДУ. Пачалося вірлівае студэнцкае жыццё.

Юрыю Леанідавічу пашчасціла слухаць лекцыі славетных кар'еяў гістарычнага факультэта: Геннадзь Іосіфавіч Даўгяла распавядаў пра загадкавы Старажытны Усход, асновы этнаграфіі чытаў Міхаіл Фёдаравіч Піліпенка, гісторыю Беларусі – Лаўрэнцій Сямёнавіч Абэцэдарскі, гісторыю Старажытнай Грэцыі і Старажытнага Рыма выкладаў Фёдар Макар'евіч Нячай, які, дарэчы, стаў навуковым кіраўніком першай курсавой работы Ю. Л. Казакова. У заліковай кніжцы студэнта адлюстравалася амаль уся гісторыя факультэта ў яе знакавых постацях (П. З. Савачкін, І. В. Царук, Д. Б. Мельцер, М. Г. Елісееў, В. Н. Рабцэвіч, Л. А. Міхайлоўскі і інш.). Юрыю Леанідавічу давялося праходзіць археалагічную практыку пад кіраўніцтвам Эдуарда Міхайлавіча Загарульскага, пісаць курсавыя работы ў Іраіды Восіпаўны Царук, слухаць спекурсы Міхаіла Яфімавіча Шкляра. Цяжкая давалася студэнту замежная мова: пасля школьнага курса французскай прыйшлося засвойваць іспанскую мову, якую выкладала Я. А. Фернандэс-

Флорэс. Але вучыўся Ю. Л. Казакоў толькі на добра і выдатна.

Ужо ў студэнцкія гады Юрый Леанідавіч зрабіў заўважныя крокі ў навуковай дзейнасці. Ён з задавальненнем займаўся ў навуковым гуртку, удзельнічаў у студэнцкіх канферэнцыях. Яго працу адзначылі ў ліку найлепшых на рэспубліканскім конкурсе студэнцкіх работ. Вучоба і навуковая праца ўдала спалучаліся з грамадскай дзейнасцю: Ю. Л. Казакоў займаўся камсамольскімі справамі, праявіў сябе як добры арганізатар. Летам 1969 г. ён працаваў у студэнцкім рэстаўрацыйным атрадзе ў Магілёве. Студэнцкі час падарыў шмат цікавых сустрэч і знаёмстваў. Сярод аднакурснікаў Юрыя Леанідавіча былі знакамітыя ў будучым дзяржаўныя дзеячы Н. М. Мазай, П. К. Краўчанка, А. У. Сасноўскі, вядомы гісторык З. В. Шыбека і яшчэ многія таленавітыя і паспяховыя людзі.

У 1972 г. Юрый Леанідавіч выдатна абараніў дыпломную работу па тэме «Барацьба Беларускай ССР у сістэме ААН за ўніверсальнасць членства, падтрыманне міру, раззбраенне і ліквідацыю каланіялізму» і скончыў гістарычны факультэт, атрымаўшы дыплом з адзнакай. Далейшы шлях у навуку пралягаў праз аспірантуру, у якой Ю. Л. Казакоў вучыўся ў 1972–1975 гг. З 1975 г. ён працаваў выкладчыкам, пазней – старшым выкладчыкам, дацэнтам кафедры гісторыі КПСС гуманітарных факультэтаў БДУ.

У 1978 г. Ю. Л. Казакоў паспяхова абараніў кандыдацкую дысертцыю пад навуковым кіраўніцтвам прафесара М. Я. Шкляра. Праз чатыры гады Юрыю Леанідавічу было прысвоена вучонае званне дацэнта. Паспехам Ю. Л. Казакова спрыяла асяроддзе высокапрафесійных навукоўцаў і выдатных асоб, сярод якіх ён працаваў і набываў жыццёвы вопыт. На фарміраванне навуковага светапогляду маладога выкладчыка аказалі значны ўплыў А. П. Ігнаценка, І. М. Ігнаценка, У. К. Коршук, М. І. Красоўскі, У. М. Сікорскі, І. В. Царук, М. Я. Шкляр.

У 1992 г. у кар'еры Ю. Л. Казакова адбываюцца змены. Ён становіцца дацэнтам кафедры гісторыі Беларусі, а з 1994 г. – кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў, якую ўзначальваў на працягу 2006–2016 гг. На кафедры сабраўся калектыў таленавітых выкладчыкаў, апантаных айчынай гісторыяй даследчыкаў, шчырых сяброў, аднадумцаў: П. А. Лойка, У. П. Емельянчык, Л. А. Жылуновіч, А. Л. Абэцэдарская, У. А. Сосна, В. Ф. Голубеў. Ідзе плённая праца па стварэнні артыкулаў для энцыклапедый, навучальных дапаможнікаў, вучэбных праграм, вылучаюцца новыя падыходы і канцэпцыі ў выкладанні айчынай гісторыі. Паступова аднаўляецца гераічнае мінулае Вялікага Княства Літоўскага.

За гады працы ва ўніверсітэце Юрый Леанідавіч зарэкамендаваў сябе як высокакваліфікаваны спецыяліст, выдатны арганізатар навучальнага

працэсу і выхаваўчай работы. З 1997 па 2007 г. ён працаваў намеснікам дэкана гістарычнага факультэта БДУ. Займаючы гэту пасаду, Ю. Л. Казакоў з'яўляўся адказным за вучэбна-выхаваўчую работу, кіраваў саветам куратараў факультэта, узначальваў камісію па прафілактыцы правапарушэнняў.

Навуковыя інтарэсы Ю. Л. Казакова ахопліваюць разнастайныя праблемы гісторыі Беларусі XIV–XX стст. Вынікам плённай працы юбіляра стала публікацыя звыш 140 навуковых, навукова-метадычных прац, рэцэнзій на манаграфіі і вучэбных дапаможнікаў. Ён прымаў удзел у падрыхтоўцы дапаможнікаў па гісторыі Беларусі для абітурыентаў¹, навучэнцаў ліцэяў, гімназій і школ², а таксама для студэнтаў устаноў вышэйшай адукацыі³. Юрый Леанідавіч – адзін з аўтараў калектывных манаграфій і навуковых выданняў⁴.

Акрамя таго, Ю. Л. Казакоў кіраваў шэрагам навукова-даследчых работ, такіх як «Гісторыя беларускай нацыі, дзяржаўнасці і культуры», «Рэлігійныя працэсы і іх уплыў на становішча беларускага грамадства ў XVI–XVIII стст.», «Еўрэйскі буквар 1618 г.: сусветная і гісторыка-культурная спадчына». Апошняя з'яўлялася часткай сумеснага праекта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі, Бібліятэкі Ганаровага таварыства «Мідл Тэмпл». Вынікам плённай працы даследчыкаў стала факсімільнае выданне «Буквара» 1618 г., які лічыцца дасягненнем айчыннай асветніцкай думкі і вучэбнай практыкі. У межах праекта Ю. Л. Казаковым і А. Р. Дзянісавай было праведзена даследаванне гісторыка-культурных абставін узнікнення ўнікаль-

нага падручніка – першага на тэрыторыі ўсходніх славян буквара⁵.

Юрый Леанідавіч плённа супрацоўнічае з калегамі з універсітэтаў Варшавы і Вроцлава. Не толькі прафесійныя, але і сяброўскія адносіны звязалі Ю. Л. Казакова з прафесарам Вроцлаўскага ўніверсітэта Богданам Рокам, вядомым польскім навукоўцам і арганізатарам гістарычнай навукі. Гэта ўзаемадзеянне вылілася ў шэраг праграм і сумесных публікацый⁶.

На працягу 1989–2016 гг. Юрый Леанідавіч быў адказным сакратаром часопіса «Веснік БДУ. Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права», з 2006 г. па цяперашні час з'яўляецца членам рэдкалегіі зборніка «Працы гістарычнага факультэта БДУ», сакратаром і актыўным удзельнікам савета гістарычнага факультэта БДУ.

Стаж навукова-педагагічнай дзейнасці Ю. Л. Казакова складае амаль 45 гадоў. Такі вопыт не перашкаджае яму пастаянна ўдасканальваць свае прафесійныя ўменні, распрацоўваць новыя цікавыя спецыяльныя курсы для студэнтаў і магістрантаў, авалодваць сучаснымі ІТ-тэхналогіямі ў навучальным працэсе. Яго заняткі са студэнтамі вылучаюцца навуковай глыбінёй і высокім узроўнем выкладання. Студэнты паважаюць Ю. Л. Казакова як добразычлівага і шчырага выкладчыка.

Юрый Леанідавіч актыўна ўдзельнічае ва ўдасканаленні навучальнага працэсу, у вучэбна-метадычным забеспячэнні выкладаемых дысцыплін. Ён аўтар вучэбных праграм па айчыннай гісторыі для сярэдніх і вышэйшых школ, а таксама спецыяльных курсаў («Рэфармацыя і грамадска-

¹Гл., напрыклад: Гісторыя Беларусі : вучэб. дапам. / [А. А. Абецэдарская і інш. ; пад рэд. А. П. Ігнаценкі, Я. Ю. Несцяровіча]. Мінск : Экаперспектыва, 1994. 206 с. ; Дапаможнік па гісторыі Беларусі для паступаючых у вышэйшыя навучальныя ўстановы / [А. Л. Абецэдарская і інш.] ; пад рэд. А. Г. Кахановскага [і інш.]. 2-е выд. Мінск : Экаперспектыва, 1997. 314 с. ; Гісторыя Беларусі : дапам. для паступаючых у выш. навуч. установы / [А. Л. Абецэдарская і інш.] ; пад рэд. Ю. Л. Казакова [і інш.]. Мінск : Экаперспектыва, 1998. 494 с. ; Гісторыя Беларусі: праграма і матэрыялы для абітурыентаў / [Беларус. дзярж. ун-т ; склад.: Ю. Л. Казакоў і інш.]. 6-е выд., дап. Мінск : Выд. цэнтр БДУ, 2004. 78 с. ; История Беларуси: полный курс : пособие для старшеклассников и поступающих в вузы / [Ю. Л. Казаков и др.]. Минск : Юнипресс, 2008. 491 с.

²Гл., напрыклад: Гісторыя Беларусі : вучэб. дапам. : для ліцэяў, гімназій і школ з паглыбленым вывучэннем гуманіт. дысцыплін / пад рэд. Ю. Л. Казакова і інш. Мінск : Экаперспектыва, 1997. 494 с. ; Всемирная история : учеб. пособие : в 3 ч. Ч. 1–3 / [О. А. Яновский и др.]. 2-е изд., доп. и перераб. Минск : Юнипресс, 2008–2010.

³История Беларуси : учеб. пособие для вузов, колледжей, лицеев, гимназий и школ / Белорус. гос. ун-т ; [В. В. Григорьева и др. ; науч. ред. А. Г. Кохановского, О. А. Яновского]. Минск : Беларусь, 1997. 446 с. ; Гісторыя Беларусі : курс лекцый : у 2 ч. / Гродзен. дзярж. ун-т імя Я. Купалы, Беларус. дзярж. ун-т. Ч. 2. XIX–XX стагоддзі / [П. І. Брыгадзін і інш. ; рэдкал.: П. І. Брыгадзін і інш.]. Мінск : РІВШ БДУ, 2002. 655 с. ; Гісторыя Беларусі і сусветная цывілізацыя : дапам. для студэнтаў прыродазн. фак. / [А. Г. Кахановскі і інш.]. Мінск : Беларус. дзярж. ун-т, 2008. 311 с. ; История Беларуси: полный курс : учеб. пособие для студентов неист. спец. вузов / [Ю. Л. Казаков и др.]. Минск : Юнипресс, 2010. 507 с. ; Гісторыя Беларусі : дапам. для студэнтаў устаноў выш. адукацыі, якія навучаюцца па спец. 1-21 03 01 «Гісторыя (па напрамках)» : у 4 ч. / [П. І. Брыгадзін і інш. ; пад рэд. П. І. Брыгадзіна, А. Г. Кахановскага, С. М. Ходзіна] ; Беларус. дзярж. ун-т. Ч. 1. Ад старажытнасці да сярэдзіны XVI ст. Мінск : БДУ, 2018. 350 с.

⁴Во имя великой цели: мобилизация рабочего класса Белоруссии на решение экономических и социальных задач коммунистического строительства, 1976–1980 / [Г. А. Алдакушин, В. А. Бобков и др. ; редкол.: В. К. Коршук, Р. П. Платонов, Б. И. Загорский и др.]. Минск : Беларусь, 1981. 111 с. ; Имена в истории : кр. биограф. справ. / [авт.-сост.: П. И. Бригадин и др.]. Минск, 1993. 191 с. ; Становление и развитие белорусской государственности / [А. Г. Кохановский и др.]. Минск : БГУ, 2011. 42 с.

⁵Дзянісав А. Р., Казакоў Ю. Л. Гісторыка-культурныя абставіны ўзнікнення першага «Буквара» // Першы «Буквар»: да 400-годдзя выдання = Первый «Буквар»: к 400-летию издания = First «Bukvar»: to the 400th anniversary of the publication / М-ва культуры Рэсп. Беларусь, Нац. 6-ка Беларусі, М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Беларус. дзярж. ун-т ; [склад. А. А. Суша ; пер. на англ. мову Л. Ю. Казакова, А. У. Коршук, В. М. Шумская]. Мінск, 2018. С. 14–57.

⁶Гл., напрыклад: Рок Б., Казакоў Ю. Рэч Паспалітая – краіна многіх народаў // Беларус. гіст. часоп. 2019. № 3. С. 19–24.

палітычная думка Беларусі XVI – першай паловы XVII ст.», «Знешняя палітыка Вялікага Княства Літоўскага ў XIV–XVI стст.». Ю. Л. Казакоў прымаў удзел у распрацоўцы адукацыйных стандартаў для студэнтаў першай і другой ступеней атрымання вышэйшай адукацыі.

Таксама Юрый Леанідавіч прымае актыўны ўдзел у падрыхтоўцы кадраў вышэйшай кваліфікацыі. Сярод вучняў юбіляра – магістранты, аспіранты, кандыдаты гістарычных навук. Іх дысертацыйныя даследаванні прысвечаны разнастайным аспектам айчыннай гісторыі XI – пачатку XX ст.⁷

За шматгадовую плённую навукова-педагагічную і працоўную дзейнасць па падрыхтоўцы высокакваліфікаваных спецыялістаў Ю. Л. Казакоў уз-

нагароджаны знакам «Выдатнік адукацыі Рэспублікі Беларусь» (2000), ганаровымі граматамі Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь, БДУ, грамадскіх арганізацый, яму прысвоена званне заслужанага работніка БДУ (2010).

Выключная інтэлігентнасць, добразычлівасць Юрыя Леанідавіча заўсёды выклікалі і выклікаюць павагу да яго з боку выкладчыкаў і студэнтаў. Дэканат, калектывы кафедраў гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў, гісторыі Беларусі новага і навішага часу, сябры і калегі з гістарычнага факультэта жадаюць дацэнту Ю. Л. Казакову моцнага здароўя, далейшага плёну ў навукова-педагагічнай дзейнасці, шчасця.

А. Р. Дзянісава⁸, І. Л. Грыбко⁹

⁷Шавлінский Н. Б. Белорусское национальное движение в годы первой мировой войны (1914–1918 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Минск, 1999 ; Мікалаева Л. В. Арганізацыя знешняй палітыкі Вялікага Княства Літоўскага ў канцы XV – сярэдзіне XVI ст. : дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02. Мінск, 2003 ; Любы А. У. Унутрыпалітычная барацьба ў Вялікім Княстве Літоўскім у 30–40-я гг. XV ст. : дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02. Мінск, 2006 ; Дзянісава А. Р. Праваслаўныя манастыры Турава-Пінскай епархіі ў грамадскім жыцці на беларускіх землях у XI–XVII стст. : дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02. Мінск, 2009 ; Аніпяркоў В. В. Стварэнне і дзейнасць Таргавіцкай канфедэрацыі на землях Вялікага Княства Літоўскага (май 1792 г. – верасень 1793 г.) : дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02. Мінск, 2010 ; Стахно Н. В. Танаталагічныя ўяўленні шляхты Вялікага Княства Літоўскага ў канцы XVI – XVIII ст. : дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02. Мінск, 2019.

⁸Елена Григорьевна Денисова – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории Беларуси древнего времени и средних веков исторического факультета Белорусского государственного университета.

Алена Рыгораўна Дзянісава – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Alena R. Dzianisava, PhD (history), docent; associate professor at the department of Belarus history of the ancient time and the Middle Ages, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: dziana@bsu.by

⁹Ирина Леонидовна Грыбко – старший преподаватель кафедры истории Беларуси древнего времени и средних веков исторического факультета Белорусского государственного университета.

Ірына Леанідаўна Грыбко – старшы выкладчык кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Irina L. Hrybko, senior lecturer at the department of Belarus history of the ancient time and the Middle Ages, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: hrybko@bsu.by

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции.....	5
ТЕМАТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ	
История, историческая память и историческая политика	
<i>Меньковский В. И.</i> Ленин-2020: история, легенда, миф.....	7
<i>Цымбал А. Г.</i> Беларусь в исторической политике Польши (2005–2020).....	20
<i>Козик Л. А.</i> Деятельность отряда капитана Р. Райса (Бурого) на территории Белосточчины в 1944–1946 гг. в политике памяти Республики Польши.....	34
<i>Лавринович М. А.</i> Этническая политика в отношении немцев в период их стихийного выселения в 1945 г. в государственной политике памяти Чешской Республики.....	48
ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ	
<i>Чайкин С. Н.</i> Труд заключенных в тюрьмах на белорусских землях в конце XIX – начале XX в.....	57
<i>Слесарев А. В.</i> Обстоятельства возникновения и история развития церковного раскола белорусской диаспоры в первой половине 1980-х гг.	66
ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ	
<i>Кондраль А. А.</i> «Братья-мусульмане» в Европе: идеологическая и организационная трансформация	80
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
<i>Шумейко М. Ф., Гернович Т. Д.</i> Круглый стол «Архивы и архивные документы в работе учреждений среднего образования»	91
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
<i>Подолинский В. А.</i> Сейм Королевства Польского и Речи Посполитой обоих народов и европейские сословно-представительные собрания.....	94
ЮБИЛЕИ	
Юрий Леонидович Казаков.....	97

ЗМЕСТ

Ад рэдакцыі	5
-------------------	---

ТЭМАТЫЧНЫ РАЗДЗЕЛ

Гісторыя, гістарычная памяць і гістарычная палітыка

<i>Менькоўскі В. І.</i> Ленін-2020: гісторыя, легенда, міф	7
<i>Цымбал А. Г.</i> Беларусь у гістарычнай палітыцы Польшчы (2005–2020).....	20
<i>Козік Л. А.</i> Дзейнасць атрада капітана Р. Райса (Бурага) на тэрыторыі Беластоцчыны ў 1944–1946 гг. у палітыцы памяці Рэспублікі Польшчы.....	34
<i>Лаўрыновіч М. А.</i> Этнічная палітыка ў дачыненні да немцаў у перыяд іх стыхійнага высялення ў 1945 г. у дзяржаўнай палітыцы памяці Чэшскай Рэспублікі	48

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

<i>Чайкін С. М.</i> Праца зняволеных у турмах на беларускіх землях у канцы XIX – пачатку XX ст.	57
<i>Слесараў А. В.</i> Акалічнасці ўзнікнення і гісторыя развіцця царкоўнага расколу беларускай дыяспары ў першай палове 1980-х гг.	66

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

<i>Кондраль А. А.</i> «Браты-мусульмане» ў Еўропе: ідэалагічная і арганізацыйная трансфармацыя.....	80
---	----

НАВУКОВАЕ ЖЫЦЦЁ

<i>Шумейка М. Ф., Герновіч Т. Д.</i> Круглы стол «Архівы і архіўныя дакументы ў рабоце ўстаноў сярэдняй адукацыі»	91
---	----

КРЫТЫКА І БІБЛІЯГРАФІЯ

<i>Падалінскі У. А.</i> Сойм Каралеўства Польскага і Рэчы Паспалітай абодвух народаў і еўрапейскія саслоўна-прадстаўнічыя сходы.....	94
--	----

ЮБІЛЕІ

Юрый Леанідавіч Казакоў.....	97
------------------------------	----

CONTENTS

Editorial	5
SPECIAL TOPIC SELECTION	
History, historical memory and historical politics	
<i>Menkouski V. I.</i> Lenin-2020: history, legend, myth	7
<i>Tsimbal A. G.</i> Belarus in the historical politics of Poland (2005–2020)	20
<i>Kozik L. A.</i> The partisan unit under the command of captain R. Rajs (Bury) activity on the territory of Białystok region in 1944–1946 in the politics of memory of the Republic of Poland.....	34
<i>Laurynovich M. A.</i> Ethnic politics towards Germans during the period of their spontaneous eviction in 1945 in the state politics of memory of the Czech Republic	48
BELARUSIAN HISTORY	
<i>Chaikin S. N.</i> The prisoners work in the prisons on the Belarusian lands at the end of the 19 th – early 20 th centuries.....	57
<i>Slesarau A. V.</i> The circumstances of the origin and history of the development of the church schism of the Belarusian diaspora in the first half of the 1980s	66
WORLD HISTORY	
<i>Kondral A. A.</i> The Muslim Brotherhood in Europe: organisational and ideological transformation.....	80
SCIENTIFIC EVENTS	
<i>Shumeiko M. F., Hiarnovich T. D.</i> Round table «Archives and archival documents in the work of high school»...	91
REVIEW AND BIBLIOGRAPHY	
<i>Padalinski U. A.</i> The diet of the Polish Kingdom and the Polish-Lithuanian Commonwealth and European representative assemblies of estates	94
JUBILEES	
Jury Leanidavich Kazakou	97

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам, а также в области музееведения, консервации, реставрации историко-культурных объектов, документалистики, документоведения и архивоведения.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета. История.
№ 4. 2020**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jhistory@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/history>

«Журнал Белорусского государственного университета. История» издается с января 1969 г. До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ. Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права» (ISSN 2308-9172).

Редакторы О. А. Семенец, А. С. Люкевич, С. Е. Богуш
Технический редактор А. Ю. Лещинская
Корректор Л. А. Меркуль

Подписано в печать 30.10.2020.
Тираж 100 экз. Заказ 426.

Республиканское унитарное предприятие
«Информационно-вычислительный центр
Министерства финансов Республики Беларусь».
ЛП № 02330/89 от 03.03.2014.
Ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск.

© БГУ, 2020

**Journal
of the Belarusian State University. History.
No. 4. 2020**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jhistory@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/history>

«Journal of the Belarusian State University. History» published since January, 1969. Until 2017 named «Vesnik BDU. Seryja 3, Gistoryja. Jekanomika. Prava» (ISSN 2308-9172).

Editors O. A. Semenets, A. S. Lyukevich, S. J. Bohush
Technical editor A. Y. Leshchinskaya
Proofreader L. A. Merkul'

Signed print 30.10.2020.
Edition 100 copies. Order number 426.

Republican Unitary Enterprise
«Informatsionno-vychislitel'nyi tsentr
Ministerstva finansov Respubliki Belarus'».
License for publishing No. 02330/89, 3 March 2014.
17 Kal'varyjskaja Str., Minsk 220004.

© BSU, 2020